

Тучи с Запада

В Куйбышеве-на-Волге я встречаю третью свою армейскую весну, весну 1941 года. Скоро должен быть приказ о демобилизации. Жду его с нетерпением. С друзьями в свободные минуты только и разговору, что о доме, о семье.

И вдруг досрочный призыв в армию. Призывают давно отслуживших свой срок приписников. В мой орудийный расчет вливаются трое волжан: колхозный бригадир, смуглый рослый здоровяк, Николай Жаднов, молотобоец МТС Коля Зорин и ничем не приметный на вид счетовод колхоза Павел Толмачев.

Знакомлю их с кадровыми бойцами: моим земляком Иваном Шведовым, замковым и запасным наводчиком, украинцем Степаном Сулимой, ездовым орудийной упряжки, с краснощеким долговязым немцем с Поволжья Робертом Пфаффенротом, ездовым упряженкой от зарядных ящиков.

— Стахановцем был, — говорит о себе, показывая руки в мозолях, Коля Зорин. — Работал от души.

— А у меня, как известно, дело конторское: дебет — кредит, — сыплет словами Павел Толмачев. — Главное, чтоб все в ажуре: и трудодни, и урожай, и животноводческая продукция. Ну и конечно полный порядок в учете и отчетности!

Много о своей бригаде рассказывает Николай Жаднов. Потом заключает:

— В общем-то, жили зажиточно, припеваючи.

— А что вас опять на службу призвали? — спрашивает не в меру любопытный Иван Шедов.

— Разве газет не читаешь, парень? — удивленно смотрит на него Павел Толмачев. — Тучи с Запада надвигаются... [4]

— Думаешь, Адольф и на нас попрет? А договор на что?

— Эх, парень! Что ему твой договор? Бумажка! Гитлеру палец в рот не клади... Он же самый матерый фашист, это понимать надо. С другими государствами у него тоже договора были, а на поверку что?..

Мы еще толком и не узнали друг друга, как звучит учебная тревога. И сразу в летние лагеря, в степь, прямо с первомайского парада.

А через две недели — снова тревога, но уже не похожая на первую. На этот раз покидаем волжские берега надолго: эшелоны берут направление на запад.

...К Десне мы выходим невдалеке от устья. Кони жадно припадают к воде. Утренняя река спокойно дымится, бежит бесшумно, широко, гладко. От конских губ разбегаются круги, растягиваются и быстро исчезают.

Рядом замерли темно-зеленые задумчивые сосны. А на том берегу деревья уже ярко вызолочены. Это упали на них лучи, охватив и словно воспламенив кроны.

Я стою и, глядя на величественно бегущую дымящуюся воду, вижу свою родную Смоленщину. Такую же зеленую, пронизанную теплыми утренними лучами, в чистой искристой росе. Если пуститься отсюда на моторке вверх по течению, то можно, миновав Остер, Чернигов, Макишин, Новгород-Северский, Брянск, оказаться на родине. Река приведет в Новоспасское, в старинную усадьбу великого русского чародея звуков Михаила Ивановича Глинки, наконец, в Ельню. Для этого не надо огибать шар земной, а достаточно проплыть всего тысячу с небольшим километров.

Ночами мы дежурим в расположении батареи целыми орудийными расчетами. Вот и сегодня: Шедов на посту, а мы все на реке, поим лошадей в этот ранний утренний час.

И вдруг — рев моторов в воздухе. Мы удивленно переглядываемся. В такой ранний воскресный час — и самолеты над Киевом?.. Почему? Неужели летчики не отдыхают сегодня?..

— Сейчас сложный пилотаж покажут, — задрав голову к небу, говорит наводчик Павел Толмачев. Он стоит, широко, по-хозяйски расставив крепкие ноги. У нас в батарее Павел заметно поправился и, кажется, даже раздался в плечах. [5]

— Пикируют! — из-под руки смотрит в сторону города Степан Сулима. — Товарищ сержант, ребята, — обращается он ко всем, — вы посмотрите, как ныряют!

У житомирца Сулимы длинные с кривинкой ноги, лицо открытое, глаза возбужденно поблескивают.

В синеву неба взмывают один за другим тяжелые самолеты. Там, где они пролетели, вздымаются клубящиеся столбы черного дыма. Оттуда доносятся сотрясающие землю взрывы.

— Что это?

Не помню, кто так спросил. Кажется, все разом.

— Может, наши летчики бомбить учатся? — нерешительно произносит Сулима. От удивления у него заметно приподнялось одно широкое плечо.

— Какая учеба! — резко бросает Николай Жаднов. — Тут заварухой пахнет. Не иначе...

Мнения разошлись. Некоторые поддерживают Сулиму и доказывают, что бомбы рвутся за Киевом, на учебном авиаполигоне. В конце концов сходимся на одном: наши летчики тренируются в бомбометании где-то неподалеку от города.

А в лагере — боевая тревога. Беспрерывно трубят горнисты, хриплыми голосами кричат командиры: «В ружье!» Красноармейцы торопливо строятся поротно, побатальонно и, гремя впопыхах подогнанным снаряжением, бегут к месту сбоя полка.

Минута-две — и наша противотанковая артиллерийская батарея вливается в общий строй. Стоим, шумно дышим. Глаза устремлены на трибуну, наскоро сколоченную из досок между тремя густокронными соснами.

Речь держит комиссар полка украинец Груднистый. Он говорит, что гитлеровская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу Советскую страну.

— Фашистские самолеты сегодня в четыре часа утра бомбили Киев, — слышатся взволнованные слова комиссара.

Лицо его, смуглое от природы, сейчас отливает синевой. На нем, как в зеркале, отразилось внутреннее состояние Груднистого: тревога и неверие в происходящее.

«Вон оно что! — ахнул я, потрясенный словами комиссара. — А как же с договором? Вот подлецы...» [6]

Я жадно слушаю выступающих. И сразу такое зло закипает. Передушил бы всех фашистов своими руками. Я отслужил свое. Позади три года армейской жизни. В августе должен был по закону демобилизоваться и уехать на родную Смоленщину. Там у меня отец, жена с сынишкой. А тут... Нет, не скоро, видно, вернусь к своим, да и вернусь ли?

* * *

Наша 117-я стрелковая дивизия бросками приближается к фронту. Топот множества ног, стук повозок, громыхание орудий, тарахтение грузовиков по шоссе. То и дело слышатся команды:

— Шире шаг!

— Ро-та, бе-гом!..

А где фронт? В Бресте, Шепетовке или под Ковелём?

Никто из нас, артиллеристов, этого не знает. Сидя на орудийном передке, я представляю себе: немцы в темно-зеленых касках нахально прут через наши границы, безжалостно топчут засеянные поля, поджигают города и села...

Всю ночь мы в пути. Порядком утомились, особенно пехотинцы. На другой день в предзакатных лучах солнца шагаем по Чернигову. Мимо Старого вала, златоглавых церквей — на главную площадь. Но грянул сводный оркестр духовой музыки, и мы преображаемся. Куда девалась усталость! Отбиваем строевой шаг так, что гром несется по городу. Проходим мимо импровизированной трибуны, на ней командир нашей дивизии полковник Чернюков. Вокруг него человек пятнадцать в штатском. Чернюков высоко поднял правую руку, и до нас доносится его напряженный голос:

— В бой за нашу Советскую Родину!..

Перед Гомелем — привал в лесу. Почти все курят. Поправляем снаряжение, перематываем портняки. Потом, обжигаясь, торопливо обедаем. Если обычно на привалах не умолкали шутники и рассказчики, то сейчас — тишина. Только слышно, как скрежещут ложки по донышкам котелков.

На опушке нас ждут грузовики. Проворно вкатываем на полуторатонки свои сорокапятимиллиметровые орудия — сорокапятки. По дощатым настилам вводим в кузова лошадей. Потом усаживаемся сами. И помчались. [7]

Только ветер свистит в ушах, только галька взметается за колесами на дороге.

Рокот моторов в воздухе. Это самолеты. Они — ближе и ближе к нам. На крыльях, фюзеляжах и на хвостах — красные пятиконечные звезды.

— Наши! — радостно кричит Сулима.

Но передняя машина вдруг делает заход вдоль шоссе, разворачивается и строчит по нашим подразделениям из пулемета. За ней то же повторяют остальные.

— Вот тебе и наши, — зло передразнивает Сулиму Николай Жаднов.

— Черт те что! — возмущается Паша Толмачев.

— Эй вы, опомнитесь! — грозит летчикам сорванным с плеча карабином замковый Иван Шведов. — Своих не признаете?..

Пройдясь вдоль колонн, самолеты отваливают в сторону и берут направление на запад.

— Ну и идиоты же! — кипятится Иван Шведов. — В своих стрелять!

— Откуда ты знаешь, что это наши? — в упор смотрит на него Паша Толмачев. — Это провокация. Они фашисты.

Бредут навстречу нам беженцы. Десятки людей семьями и в одиночку тянутся по дороге.

«А что, если война дойдет до Смоленщины? Тогда и моих ждет то же...»

Эта мысль огнем обжигает сердце. Тревога за семью перерастает в тревогу за Родину.

— Воздух! — предупреждает Толмачев, вновь заметив черные точки в бирюзовом небе.

Точки в небе, приближаясь, растут на глазах, слышится гул моторов. Над нами снова самолеты с красными звездами.

Я сорвал карабин с плеча и кричу ребятам:

— По фашистским самолетам — огонь!

Одновременно гремят семь выстрелов. Мы били бронебойными пулями. И видим: один вдруг начал дымить и терять равновесие. Потом за ним потянулась густая черная лента дыма. Машина перестала подчиняться летчику, ее потянуло вниз, в сторону от большака, и тут она врезалась в землю.

— Останови! — барабаню в крышу кабину водителя.

Мы все бежим к месту падения самолета. Подскочили [8] и видим: летчик выбрался из обломков и ползет к кустам.

— Немец?! — удивленно кричит Сулима.

— А кому ж и быть, как не фашисту, — бурчит Иван Шведов. Мы быстро обезоруживаем немецкого аса, оттаскиваем подальше от жаркого огня, скручиваем ему руки за спиной. Он ранен в ногу.

— Роберт! — зову ездового Пфаффенрота. — Иди поговори с ним, ты умеешь.

Но беседа не состоялась: фашист дико глядит на нас и упорно молчит.

— Он язык проглотил, — насмешливо объявляет Пфаффенрот.

Позади нас фыркает мотор легковой машины, мы оглянулись и увидели командира полка Витушкина и комиссара Груднистого. Они стоят рядом, комиссар выше командира на целую голову.

— Кто стрелял? — смотрит на меня Витушкин.

— Весь мой орудийный расчет, товарищ подполковник.

— Добро, сержант!

— Служу Советскому Союзу!

Подошла санитарная машина. Подполковник приказал забрать пленного и отвезти к командиру дивизии...

Переждав очередную бомбеку в Гомеле, снова мчимся вперед. Все ближе и ближе к фронту. Теперь он действительно где-то рядом. Навстречу нам идут и едут раненые красноармейцы и командиры. От них узнаем, что враг быстро продвигается на восток, что вчера немцы вошли в Жлобин, небольшой городишко на правом берегу Днепра.

До Жлобина — рукой подать. Перед ним в лесу выгружаемся. Машины уходят назад, а мы пешим строем, стараясь держаться в кустарнике, приближаемся к городу. Железнодорожный и шоссейные мосты целы, и по ним хлынули роты. В один миг проскаивает по мосту и наша батарея. В узенькой улочке останавливаем коней, орудия снимаем с передков и, обливаясь потом, катим их за пехотой на руках.

Впереди, слева и справа гремят винтовочные выстрелы, им отвечают автоматы и пулеметы. Пули цокают по стеклам домов, они со звоном вылетают. Но бой идет [9] вяло. Минут через десять он уже откатывается на западную окраину, потом совсем затихает. Немцы, видимо, вошли в городок немногочисленным отрядом и под натиском нашего полка дали тягу.

— Преследовать врага! — передается команда из подразделения в подразделение.

Своей сорокапяткой мой расчет поддерживает 1-ю роту 1-го батальона. Бойцы хлынули вперед. За ними, взяв орудие в передки, гонимся и мы. На окраине, у вокзала, останавливаем коней.

Впереди залегла рота, и мы занимаем огневую.

— Три красные ракеты, сержант! — докладывает Толмачев.

Это значит — противник бежит и мы должны преследовать его.

...Ночь застигает нас на полпути к Бобруйску. В сумерках видим село на пригорке, окутанное черным дымом. Лижут синь багровые клинья пламени. И все поняли: в этом селе фашисты. Надо готовиться к предстоящему бою.

К нам подходит смуглый, сероглазый, подтянутый командир огневого взвода младший лейтенант Трубаев. Василий Феопентович — так в неслужебное время мы уважительно называли его — тамбовский колхозник, отслужил срочную и остался в Красной Армии. Потом окончил училище и стал младшим лейтенантом.

Трубаев рассудителен, никогда не скажет слова не подумав. Он присаживается возле нас и приказывает позвать командира второго орудия Сергея Болотина.

— Война в моем понятии, — медленно говорит Трубаев, — это прежде всего работа. Сперва закопаться в землю, потом и воевать. Так вот, рубеж обороны будет здесь. Огневые для каждого орудия оборудовать в полный профиль...

Трубаев говорит минут десять. Затем поднимается и добавляет:

— В бою как в бою.

Он встает, крякает, оглядывает пушки и направляется к командиру батареи.

— А я ждал, Василий Феопентович скажет: «В бою как на учении», — пытается шутить Иван Шведов.

Но на этот раз ему никто не отвечает: мы дружно орудуем большими саперными лопатами. [10]

Густую гречневую кашу с душистым сливочным маслом мы ели в утреннем тумане. Ели и нахваливали батарейного повара: вкусно приготовил.

Рядом с бойцами завтракает и Трубаев. Он ест медленно, старательно разжевывая пищу. Мне хочется подсесть поближе и попросту спросить: «Ну как, Василий Феопентович? Не щемит сердце перед боем?» Но я молчу...

После завтрака командир батареи ведет всех командиров взводов и орудий на опушку ельника, в котором мы ночевали. Остановившись, указывает в сторону села на пригорке. Это оно полыхало прошлой ночью. Туман редеет с каждой минутой. В бинокли отчетливо видны курящиеся пепелища и редкие уцелевшие дома. Людей в селе нет.

Когда возвращаемся в расположение батареи, Трубаев подходит к моему орудию, стоит с минуту в задумчивости, затем говорит:

— Ты, сержант, как и вчера, будешь поддерживать первую роту. Ты — смекалистый, я за тебя спокоен...

Потом поднимается, заправляет карту-двухкилометровку в планшетку, поправляет пистолет на боку и быстро шагает к командиру батальона.

Справа от нас над темными зубцами леса показывается раскаленный шар. Все вокруг начинает сверкать, искриться. И сразу рождаются звуки. Гудят шмели в траве, жужжат жуки, выбирайсь из конского навоза, на лугу громко скрипит дергач.

Пронзительно играет горнист.

— Тревога!..

— По-олк, в боевые колонны!..

В ельнике побатальонно выстраивается наш 240-й стрелковый.

Витушкин и Груднистый с коноводами скачут на гнедых резвых кобылицах в голову колонн. Начальник штаба, строгий, подтянутый капитан, отдает им рапорт.

— Товарищи красноармейцы, сержанты, старшины, командиры и политработники! — слышится звучный голос Витушкина. — Раньше перед нами были макеты фашистов, фанерные танки... Теперь нам предстоит встретиться с живым и хитрым врагом. Настала пора показать, на что мы способны! За этим ельником село на пригорке. На него и будем наступать. Некоторые падут [11] смертью храбрых, а кто останется жив — погонит фашистов на запад!.. Полковое знамя — вперед!

Знаменосец, стоявший в стороне, наклоняет древко и сдергивает с него чехол. Алое полотнище загорается в лучах солнца. Как только знамя закачалось впереди, Витушкин привычно выхватывает из желтой кобуры пистолет, поднимает его над собой и кричит сильно и властно:

— По-олк! За нашу Советскую Родину — вперед на врага!..

Я сижу на передке орудия и с высоты его пристально разглядываю местность. Впереди лежит нескошенный луг в холодной росе, за ним полоса высокой зелено-желтой ржи, потом полоса картофеля, она подходит к самым садам и огородам.

Местность открытая, мы на ней — как на широкой ладони. Красноармейцы во весь рост цепочками приближаются к озимы. Потом втягиваются в густую рожь. Я вижу только пилотки да поблескивающие в лучах штыки.

Гитлеровцы поздно обнаруживают наступающих. Они открывают стрельбу, когда роты уже выходят из ржи. Из садов и огородов заговорили автоматы, им отвечают винтовочные выстрелы. Потом лихорадочно застучали крупнокалиберные вражеские пулеметы. Сухо и отрывисто захлопали минометы. Справа и слева от нас вспыхивают и гаснут яркие кусты разрывов.

Над картофельной ботвой плывут сизые космы дыма. 1-я рота пятится и залегает. Бойцы проворно работают малыми саперными.

— Стой! — кричу я Сулиме. — Орудие с передков, к бою!..

Хорошо натренированный расчет приводит сорокапятку к бою мгновенно. Ящичный готовит бронебойные и осколочные снаряды. Сулима, нахлестывая плеткой лошадей, гонит упряжку в укрытие.

От обилия рвущихся вокруг снарядов и мин меня бросает в пот. Потом трясет, словно подул холодный пронзительный ветер. Но это лишь минутная слабость, которую, наверное, испытывают многие. Быстро беру себя в руки.

Ребята толкают сорокапятку, а я кидаюсь туда, где залегла 1-я рота. Когда пушка появляется рядом, у меня [12] уже есть цели. Торопливо примявшись в ржаную рожь впереди, зову наводчика.

— Видишь стреляющий пулемет? — указываю Толмачеву.

— Где, где он?

— Вон, на южной окраине села, под яблоней.

— Цель вижу и понял!

Толмачев придвигается к орудию, припадает глазами к прицелу, лихорадочно вертит механизм наводки.

— Готово!

— По пулемету противника!..

Подав полную команду, я с нетерпением жду сообщения наводчика. Наконец он кричит: «Готово!» Я подаю команду: «Огонь!»

Сорокапятка, резко вздрогнув, плеснула пламенем. Латунная гильза со звоном вырывается из казенника и отлетает, струясь дымком, словно горит. На месте только что стрелявшего вражеского пулемета взлетают комья земли.

— Цель! — кричу обрадованно. — Четыре снаряда, беглый огонь!

Орудие подпрыгивает, резко хлопая и выжигая перед дулом рожь.

Словно гром, вспыхивает и катится «ура». Я вижу бойцов первой роты, бегущих впереди с винтовками наперевес.

А сорокапятка бьет по другим целям. Я переношу огонь левее. Потом мы всем расчетом толкаем пушку вперед, через борозды картофеля. Все возбуждены, окрыленные первым успехом. От пули, что свистят навстречу, спасает броневой щит орудия. Вражеские снаряды и мины рвутся позади. Немцы не догадываются уменьшить прицел и кладут снаряды на чистое поле.

Но вот опомнились. В гущу наступающей второй роты попало несколько мин. Слышатся крики и стоны раненых. И откуда он взялся, вражеский миномет? Обежав глазами сады, я вдруг вижу его: миномет бьет из ямы между деревьями.

— Толмачев, миномет...

— Вижу, сейчас садану! — перебивает меня наводчик. — Сержант, какой прицел?

— Шесть! Огонь! [13]

Два метких снаряда — и умолкает огневая точка противника. Бойцы 2-й роты кидаются вперед, чтобы отомстить за раненых и убитых. Они исступленно кричат «ура» и сноровисто орудуют штыками.

А 1-й батальон уже в селе. Там гремят выстрелы. С другого конца в село врывается 3-й батальон. Бойцы бегут по улицам, высекают на поля.

— Преследовать врага!..

Огневой вал! Ежегодно в лагерях мы учились ходить за ним. Снаряды начисто сносили декоративные домики у нас на глазах, и они дружно и жарко горели. Роты, прижимаясь к огню артиллерии, шли за этим все сметающим валом... Там, на учениях, он походил на красивый праздничный фейерверк. Но здесь что-то не то. Огневого вала нет. Почему? Почему молчит дивизионная артиллерия? Сейчас самое время обрушить огонь на врага. Смять, подавить, уничтожить его батареи! Расчистить путь для батальонов нашего полка!

— Стой!

Позади нас появляется батарея дивизионных орудий, их вывозят из-за пригорка грузовики. Теплеет на сердце.

— Ребята! — кричу своим бойцам. — Сейчас нас дивизионки поддержат, дадут жару фашистам!..

Но гитлеровцы упреждают наших, открывают ураганный огонь по не успевшим развернуться артиллеристам. Горит один грузовик, второй, третий... Вижу, как мечутся бойцы. Считанные секунды — и пусто на том месте, где только что готовились к бою артиллеристы. Лишь пылают грузовики.

Потом снова вижу Витушкина и Грудnistого на гнедых кобылицах верхами. Они скачут от батальона к батальону, а следом галопируют коноводы.

— А чапаевщина-то жива, — насмешливо суживает глаза Трубаев.

— Взять населенный пункт, — указывают командир и комиссар полка на длинное село, домики которого разбежались по взгорку.

Однако село накрывает огонь вражеских батарей. Гитлеровцы, видимо, решили, что там находятся наши, и не поспутились на снаряды. А фактически накрыли своих. Снаряды разметывают бревна изб, зажигают солому на крышах, перемешивают землю с песком и дымом. Но как только прекращается артобстрел, сразу поднимаются [14] наши залегшие было роты и устремляются одна за другой вперед.

Мы вступаем в село мимо догорающих вражеских автомашин, которые не успели отойти, мимо исковерканных орудий и минометов. Здорово поработала на нас вражеская артиллерия!

Наш 240-й наступает.

Позади Жлобин и два села. Немцы удирают, не оглядываясь. Это поднимает наше настроение, удесятеряет силы.

— Европу покорили, а нас боятся, пятки кажут, — довольно произносит Павел Толмачев.

Трубаев взглядывает на карту-двукилометровку. Лицо его оживлено, и только загорелая кожа на лбу по привычке собирается морщинками.

— Бобруйск близко, — говорит он. — Завтра, пожалуй, вплотную подойдем к нему.

Сулима гонит быструю упряжку лошадей. Ездовой вспотел, на лбу блестят крупные капли пота. Но он бодр, воодушевлен.

Догоняем вырвавшихся вперед наших пехотинцев. Те спешат, держа оружие наготове. Боковые дозоры зорко следят за небом.

Но вот роты поспешно залегают впереди, бойцы начинают торопливо орудовать малыми саперными лопатами. Почему? Что они заметили там, за пригорком? В чем дело? Может, фашисты бросили нам навстречу мотопехоту?..

Подумав, принимаю решение развернуть свою сорокапятку дулом вперед. Раз залегла и поспешно окапывается пехота, значит, надо быть начеку.

Позади нас — храп взмыленных коней. Оглядываемся — командир полка подполковник Витушкин.

— Окапываться! — приказывает он. — Впереди — танки врага...

Я поглядываю на командира взвода младшего лейтенанта Трубаева. Лицо его мрачнеет. Ну, думаю, сейчас скажет: «Война — это прежде всего работа...» — и прикажет рыть огневые в полный профиль. И не ошибаюсь.

...Немецкие танки, подоспевшие из Бобруйска, широкой рокочущей лавиной накатываются на нас. Идут они в шахматном порядке, хорошо вписываясь в зелень пригорков и широких лощин. Каждый на короткое время [15] останавливается, выбрасывает острый язык пламени и снова ползет в нашу сторону.

Но выстрелы танкистов неточны. Снаряды то перелетают через нас, то уходят в сторону. Нет ничего похожего на артиллерийскую вилку. И это ободряет нас.

Трубаев находится у командира 1-й роты. Мы одни наблюдаем за движением вражеских машин. Их видят все, и каждый жаждет схватки. Но с приближением танков мое настроение меняется, на душе становится тревожно.

«А как мои ребята? — взглядаю я на бойцов расчета. — Выдергят ли? Сдрейфят, конечно, если растеряюсь я, их командир. Нельзя мне теряться, нельзя! Если что — двум смертям не бывать...»

Когда машины со свастикой приближаются на дистанцию прямого выстрела, я замечаю, как на глазах меняется, бледнеет лицо Толмачева. Неужели струсили? Но раздумывать некогда. Прибегает Трубаев. Твердо командует:

— Взвод, к бою!

— К орудию! — кричу я ребятам.

Толмачев будто оцепенел и не шевелится даже. «Да, это не по фанере палить», — успеваю подумать я и припадаю к прицелу. Глядя на окно панорамы, остервенело верчу механизмы наводки. «Паша опомнится, это у него так», — шепчу сам себе. Времени на раздумья нет. Вижу танк с черным крестом на боковой броне и подсекаю его перекрестием панорамы. Но далеко. Вновь веду панорамой по полю. Стоп! Чувствую, как от волнения пересохло во рту.

«Смелей! — будто шепчет кто-то в самое ухо. — На тебя смотрят товарищи!..»

— За нашу Советскую Родину! — кричу я и с силой рву на себя рычаг спуска. Сорокапятка резко бьет. Я подпрыгиваю на станине от силы отдачи пороховых газов. Сошники вслаиваются сухой грунт. Слышу привычный щелчок казенника, вновь ловлю перекрестием панорамы машину со свастикой. Опять нажимаю на рычаг спуска, опять станина подбрасывает меня кверху.

— Горит! — вдруг слышу голос Толмачева. Он приходит в себя и жадно наблюдает за полем боя.

Сетку панорамы заволакивает дым. Но я напрягаю зрение и ловлю новый танк. [16]

— Огонь! — кричит мне Трубаев.

Стреляю. Сетку прицела ослепляет яркой вспышкой. Это пылает танк перед самым орудием. Резким движением механизма беру правее и натыкаюсь на другую машину. Снова стреляю.

— Еще один подбили! — кричит Иван Шведов.

— Ничего, подаются! — хрипит Трубаев. И потом ко мне: — Танк слева, огонь!

Сошники глубже входят в грунт. Орудие теперь подпрыгивает не так высоко, только вздрогивает при выстрелах. Поворотные механизмы действуют безотказно. Я ловлю танк левее, но это уже трудно делать из-за дыма. Наконец перекрестье панорамы перечеркивает ревущую машину, я торопливо дергаю на себя рычаг спуска.

— Край их, туда-сюда... сержант! — кричит мне кто-то.

— И этому точка!..

И вдруг улавливаю отрывистое дыхание рядом.

— Сержант, разреши мне! — Это Толмачев. Взглянув на него, понял: не струсил мой наводчик! Просто какое-то оцепенение держало его, как в тисках. Оно прошло. Паша Толмачев в строю!

— Давай! — говорю, уступая ему место.

Но наводчик не попадает по танку. Кто-то кричит ему с досадой «мазила». Однако от второго снаряда вражеская машина дико завертелась на месте среди уже горящих.

— Толмачев, огонь!

Он бьет еще и, к общей радости, намертво приковывает вертящуюся машину к земле. Но за первой накатывается вторая волна вражеских танков.

— Танки справа! — указывает Трубаев. Высунув голову из своей ячейки, он размахивает связкой ручных гранат.

Внезапно над нами ревут моторы вражеских самолетов. Включив сирены, они пикируют на наши огневые. Одна бомба ложится рядом. К небу взлетает земля и тут же обрушивается на артиллеристов.

— Конец! — стонет Толмачев. — Теперь все... конец...

— Огонь, Толмачев! — выходя из себя, кричу ему.

Моя сорокапятка бьет еще раз. Но это стрелял Зорин, оттолкнувший контуженного наводчика. У Толмачева из уха течет кровь. Однако вскоре он уже сидит у прицела. [17]

Уши заткнуты ватой; теперь наводчик кричит громко и требует быстрей заряжать орудие.

Толмачев стреляет, но снаряды часто попадают в уже горящие танки и бронетранспортеры. Он срастается с прицелом, впивается в него глазами. И вдруг вопит:

— Сержант, снарядов!.. Нет ни одного бронебойного!.. Да, бронебойных уже нет. Толмачев бежит к зарядному ящику — ящик пуст.

— Гранаты к бою! — командует Трубаев и сам первым кидает связку под чрево бронетранспортера с автоматчиками.

Рассыпавшись по щелям, мы швыряем под гусеницы танков связки ручных гранат. Потом не стало и их. К счастью, напор танков ослабевает. Стрельба слышится левой и правой нас, там воют вражеские самолеты, закрывая собой солнце.

Трубаев, потный и пыльный, вылезает из ячейки. Пригнувшись, бежит туда, где недавно был командир роты. Скоро он возвращается. Взглянув на него, я догадываюсь — случилась беда.

— Отходить.

— Куда?

— Вдоль железки.

— Да почему отходить?

— Мы ведь остановили танки, — вмешивается Иван Шведов.

— Так другие не остановили... Выполнайте приказ!..

Но отступать, оказывается, не так-то просто. Боевые оси колес орудия забились песком и глиной, не сводятся станины.

На огневую прибегает Сулима и сообщает, что Пфаффенрот убит, а лошади посечены осколками снарядов.

— Орудие катить на руках!

Мы оттаскиваем сорокапятку на пригорок. Взглянув на село, понимаю, почему так помрачнел Трубаев. Из села медленно выползают немецкие танки, и бока их блестят в лучах предзакатного солнца.

А у нас нет снарядов. Как драться с танками? Пушка без снарядов — не пушка. Снова схватившись за оттопыренную станину, я толкаю ее. Другую станину подхватывают ребята. И сорокапятка легко катится вниз.

Только перебрались за железнодорожную насыпь, как из-за леска выскоичил черный бронепоезд. Поравнявшись [18] с нами, он сбивает ход и открывает стрельбу изо всех орудий по ползущим из деревни танкам.

Трубаев обнаруживает в кустах брошенную полуторатонку. Находится и водитель. Прицепив пушку за одну станину и подвязав другую вожжами, мы залезаем в кузов. В сумерках опять вкатываемся в Жлобин.

— Вот и нам пустили кровь из носа, — вздыхает Трубаев.

— Будь бы снаряды... — вырвалось у меня.

— Не время для разговоров, — опустив голову, говорит младший лейтенант. — На левом берегу становимся в оборону. Пошли выбирать огневые. [19]

Зарева над землей

Мы окопались на левом, пологом берегу Днепра. На противоположном, крутом — Жлобин, и в нем гитлеровцы. Железнодорожный и шоссейный мосты взорваны. Все мы переживаем первую неудачу — отступление нашей 117-й стрелковой дивизии. Подсчитываем потери. Они велики: половина личного состава. Убит командир полка Витушкин, пропали без вести командир и комиссар нашей батареи.

Горячо, запальчиво спорим между собою, почему так получилось.

— Командира дивизии потеряли и командира полка, командовать некому было, вот и результат, — доказывает Иван Шведов.

— По-твоему, выходит, только в нашей дивизии срыв? — сердито спрашивает Трубаев.

— Только! — упрямо стоит на своем замковый.

— А в газетах что пишут? — шуршит бумагой Павел Толмачев перед носом у Шведова. — Фашисты окружили наших под Белостоком, овладели Ригой, подходят к Минску...

Я мысленно вижу перед собой пережитое. Да, враг оказался сильно вооруженным. А мы... Не успела развернуться и не поддержала нас полевая и крупнокалиберная артиллерия. Не было видно советских самолетов в небе над полем боя. Несколько танков БТ-7 сгорели вмиг, не достигнув переднего края. Немецких же танков было видимо-невидимо. В общем, организация боя и обеспечение оставляли желать лучшего...

— Я вот сопоставляю факты, — тяжело раздумывая, не спеша говорит Трубаев, ставший теперь командиром [20] батареи. — Возьмем только этот год. Февраль — высадка гитлеровцев в Триполи, прибытие в Северную Африку генерала Роммеля. В начале марта немецко-фашистские войска вступили в Болгарию. В апреле захватили Югославию и Грецию... Что все это значит, а?

Трубаев медленно оглядывает бойцов. Те молчат. Затянувшись дымом, командир батареи продолжает с хрипотцой:

— А это значит, что фашисты взяли в свои руки всю Западную Европу, всю ее промышленность. Вот откуда у них мощь берется. Трудно сдержать такую силу, но мы выстоим и победим. Это факт! Победим потому, что любим свою Родину, а это удесятеряет силы. Наполеон в свое время даже Москву брал, а что в конце концов получилось?.. — Трубаев снова усиленно затягивается табачным дымом. — Каша заварена, и, надо сказать, заварена круто. А расхлебывать нам... Ладно, хватит молоть языком, — обрывается он свою импровизированную беседу. — Пора делом заниматься. К орудиям!..

Оборона...

Что это такое? Стоять на месте и швырять снаряды через Днепр? Когда немец не лезет — припухать в блиндажах?

Совсем не то! Так может думать только обыватель. Ему все равно. В мирное время обыватель говорил: «Солдат спит, а служба идет». Теперь он рассуждает не новей: «Где и поспать, как не в обороне».

А Трубаев смертельно ненавидел обывательщину. И в мирное время, и в дни войны. Он не из тех, кто рассчитывает на легкую победу. На это настраивает и своих бойцов. Павел Толмачев, Иван Шведов, Степан Сулима часто ропщут.

— Ну, выкопали блиндаж, — доказывает Толмачев, рассматривая свои ладони в подушках мозолей, — накрыли в четыре наката, засыпали землей, замаскировали — и хватит. Какого же хрена еще?

Тогда Трубаев усаживается поудобнее, хмурит брови, поправляет пистолет и начинает:

— Я, товарищи, скажу про себя... До призыва в Красную Армию был я бригадиром в колхозе на Тамбовщине...

Павел Толмачев нахлобучивает пилотку и молчит. [21]

Степан Сулима перестает сопеть, помалкивает и Иван Шведов. Они отлично знают: командир снова станет говорить: «Война — это работа...»

— А крестьянствовать — значит вкалывать в поте лица, — словно прочитав их мысли, тихо продолжает Трубаев. — Если, конечно, желаешь быть с хлебом...

— Ну какое отношение война имеет к крестьянской работе? — спрашивает вдруг Зорин.

— Прямое, — поднимает голову Трубаев. — Урожай радует хозяина, если он работает поплотней. Победа на фронте придет к тому, кто хорошо попотеет перед боем. Возьмем, к примеру, наш блиндаж, — Трубаев обводит глазами накаты, — он прочен, надежен, но он единственный у нас с вами. Огневая с круговым обстрелом тоже одна. Стрельнете вы по немцу разок-другой, и засекут вашу огневую. Противник подготовит данные и накроет ее. А что после этого будет, представляете? Пожалуй, не спасут и накаты. А вот если вы с запасной позиции огонька дадите, потом спрячетесь на основной, то хрен вас немец найдет!

— Оно, конечно, верно... Да ведь и нас понять надо, — виновато произносит Иван Шведов.

— Во, — протягивает Степан Сулима руки. — Все ладони в мозолях.

— У кого еще есть мозоли? — спрашивает Трубаев.

Кряхтит, переминаясь, Павел Толмачев. Потом шлепает по ладони пыльной пилоткой и нерешительно говорит:

— Под Киевом, в Броварах, тоже копали. Потом все бросили. Перед первым боем за Жлобин всю ночь копали, поспать некогда было. Утром все бросили... И эти позиции оставим.

— Вполне возможно, — соглашается Трубаев. — Получим приказ — и эти огневые, где столько попотели, оставим. Но зато, товарищи бойцы, мы не поляжем здесь, а будем драться с фашистами...

Трубаев, как всегда, прав. Его доводы убедительны.

— Зови всех командиров орудий сюда, — кидает он мне. — Пойдем на рекогносцировку...

Вторая ночь тоже проходит в работе. Поту пролито немало. Много выброшено на поверхность песку, все замаскировано. [22]

А утром стреляем по новой цели — только что обнаружен немецкий миномет. Павел Толмачев с первого снаряда подрезает цель, потом уничтожает ее тремя осколочными. Едва успели увезти пушку, как слышим свист и грохот летящих и рвущихся снарядов. Местность заволакивает ползучим дымом. А гитлеровцы молотят и молотят нашу запасную позицию, с которой мы недавно вели стрельбу.

— Ничего, — от уха до уха улыбается Иван Шведов. — Покидайте, покидайте в пустое место снаряды! Поменьше останется!

— Обманули дураков, — усмехается и Сулима, ставший теперь ящичным.

— А если бы по основной позиции так? — выразительно посматривает на артиллеристов Трубаев.

— Был бы винегрет, — тихо говорит Павел Толмачев.

— Такой, что хоть ложку бери, — дополняет Шведов.

...Так мы стоим семь июльских дней. На восьмые сутки ночью нас бесшумно сменяет прибывшая с Волги дивизия. После одного ночных и затем дневного переходов мы оказались в Буда-Кошелеве. Здесь, в густом лесу, спокойно ходим во весь рост. Хотя время от времени тоже ныряем в нарытые щели: на лес налетают вражеские бомбардировщики.

Пока мы принимали пополнение, наши войска, переправившись через Днепр, выбили немцев из Рогачева. 240-й стрелковый полк бросили им на помощь.

Городок весь в развалинах. Дымятся пепелища, ветер раздувает тлеющие головни, над ними вспыхивает пламя.

День выдался пасмурный, низкие тучи нависают над землей. Фашистские самолеты не летают. Воспользовавшись этим, мы начинаем окапываться. К вечеру основательно зарываемся в землю.

Ночь проходит спокойно, а новый день выдается хлопотным. Небо некстати светлеет, и нам приходится туда. На огневые, расположенные вблизи наведенных мостов, то и дело сыплются бомбы.

Вечером по приказу снимаемся с позиций. Полку поставлена новая боевая задача: выйти к Довеку и преградить дорогу вражеским частям, прорвавшимся в Быхове и направляющимся на Гомель.

Выслав вперед разведку, полк идет ускоренным маршем. Приблизившись к Довеку, убеждаемся, что он захвачен [23] противником. Отсюда на Гомель устремилась лавина гитлеровских танков, бронетранспортеров, мотопехоты. С воздуха путь ей расчищает авиация.

В последние дни июля мы высекаем из лесу прямо в Пропойск. На центральной площади поселка к Трубаеву подбегает разгневанный генерал-майор.

— Отступаете?! — размахивая пистолетом, кричит он. — Вон туда гоните, навстречу танкам!.. Нечего от них прятаться!

Трубаев хочет что-то сказать, возможно, то, что мы не боимся танков, что нас и бросили сюда драться с ними, но так и не произносит ни слова.

— За мной! — командует он и вскакивает на передок первого попавшегося на глаза орудия. Упряжка несетя по каменистому большаку, обсаженному высокими деревьями.

Километрах в пяти от Пропойска мы спускаемся с пригорка и видим впереди вражеские машины. Они стоят на большаке и по бокам его, замаскированные ветками.

Трубаев подает команду «К бою» не голосом, а условным знаком. Наскоро отцепив сорокапятки, мы разворачиваемся и укрепляем орудия. Не успели заряжающие вогнать в казенники по бронебойному снаряду, как танки дают залп. Мы чудом остаемся целы за броневыми щитками своих орудий.

Павел Толмачев целится и стреляет по ближнему танку. Вражеская машина начинает дымить. Еще минута — и она охвачена пламенем. Вновь раздаются резкие выстрелы. Это, глядя на мой боевой расчет, бьют по целям другие пушки.

Взревев, танки пятятся и исчезают в кустах.

— Это маневр, — определяет разгоряченный Трубаев. — Они хотят заманить нас в лощину и там расстрелять!

Позиция нашей батареи крайне неудобная, и Трубаев дает знак откатить пушки назад. Потом, когда мы окапываемся за бугром, он ахает:

— Надо ж, лоб в лоб столкнулись... Еще бы они дали залп — и у нас ни одной пушки... Ну, быстрей работать, быстрей!..

Мы не понимаем, почему немецкие танки в течение всего дня больше не предприняли ни одной попытки двинуться на Пропойск. [24]

— Испугались нашего огня, — говорит Иван Шведов.

— Точно! — поддерживает его Павел Толмачев. — Шесть пушек, брат, сила.

— Великая сила — пистолет на колесах, — лукаво улыбается Трубаев.

Но Иван Шведов резюмирует по-своему:

— Факт, что сила. Один танк пригвоздили, а в нем три фрица. Никто не выскоцил, все поджарились.

— Танки могут двинуться в обход, — высказываю опасение я. — Вон хоть там, — указываю на дорогу справа, выбегающую из леска и пересекающую неширокий луг.

Этот накатанный колесами проселок замечает и командир батареи. Торопливо расстегнув планшетку, он разворачивает карту.

— Там второй батальон нашего полка. — Поглядев на меня, он начинает сворачивать карту. — Ты, сержант, крой к нему со своим орудием, там танкоопасное направление. А тут, — кивает на шоссе, — зениток понатыкано, аж тесно от них.

...Утро нового дня. Немцы точны. Ровно в девять их танки вытягиваются в колонну по большаку. Впереди — тяжелые, за ними — средние. В конце колонны — легкие и бронетранспортеры. Помешав с минуту, они задирают хоботы орудий. Секунда — и грохот орудий разносится по лесу. Потом взревели моторы, машины трогаются и гремят по бульжнику.

Мы вшестером с замирающим сердцем следим за боем, который завязывается на подступах к Пропойску. Кровь приливает к вискам. Танки идут плотно, чуть припадая там, где тянутся канавы. На миг останавливаются, с концов орудийных стволов сорвутся космы пламени, и вновь грохочут вперед.

— Да что же это, ребята? — широко раскрытыми глазами смотрит на нас Павел Толмачев.

Танки идут на сближение. Сорокапятки плещут в них огнем. Передний вздрагивает и дымится. Останавливаются вдруг второй и третий. Прикрывшись дымом, как щитом, они принимаются палить из орудий. На них напирают задние машины.

— Тяжело нашим сорокапяткам, — говорю я, задыхаясь от ярости.

Так проходит семь — десять минут. Потом танковая колонна неожиданно ломается. Машины спешно сползают [25] с шоссе влево и вправо, рассредоточиваются для фронтального удара. Этим они сбивают с толку артиллеристов. Ребята растерялись. Им трудно целиться из-за берез и кустов.

Но тут втягиваются в бой наши зенитные батареи, поставленные на прямую наводку. Зенитчики стреляют по танкам в упор. Ни на минуту не умолкают и сорокапятки.

— Нет, не остановить их, — скрипит зубами Толмачев. — Прут как очумелые.

— Как звери взбесившиеся, — говорит Шведов и тут же мечтательно добавляет: — Сейчас бы сюда такие неуязвимые противотанковые орудия, чтобы сами гонялись за этими крестатыми паразитами и расстреливали их!

Мы досадуем, что торчим в стороне. Зачем Трубаев сунул нас сюда? По этому проселку и автоматчики не идут.

— Сержант, а сержант, — умоляюще смотрит на меня Толмачев. — Давай поможем нашим, перекатим пушку вон туда, ближе к большаку, и вдарим по фашистам с фланга! А?

— Давай!

Меня, словно ветром, гонит к большаку. Стоять рядом и не помочь своим — преступление! Выбрав огневую, подаю команду перекатить пушку.

Стреляем с нового места. Куда попадает первый снаряд — не уследил. Но, распалившись, кричу и кричу «Огонь».

— Вот это крепко! — восторгается Сулима за спиной. — Прямо туда ему, в бок!

Теперь и я вижу вспыхнувший жарким пламенем вражеский танк. Но он не останавливается, а, вырвавшись из-за берез, несется по чистому полю, словно с цепи сорвался.

— Водитель хочет сбить огонь...

— Не давать! — шумит Шведов. — Паша, еще бронебойный ему в бочину!

Толмачев стреляет.

— Вот теперь и этому капут! — заключает Шведов.

— Танки справа! — не своим голосом кричит Жаднов.

Повернувшись, вижу три гитлеровские машины. С зелеными ветками на броне, они сваливают с большака и [26] низиной, стараясь быть незамеченными, катят в нашу сторону.

«Надо сменить огневую!» — мелькает мысль.

Пока перекатываем сорокапятку, укрепляем сошки станин в грунте, расчищаем сектор обстрела, танки уже дымят поблизости. Они идут фронтально, словно на параде. Потом останавливаются и начинают раскачивать стволы орудий.

«Наводят, — догадываюсь я. — Сейчас дадут залп».

И не ошибаюсь. Там, где только что была наша огневая, мгновенно вырастают три куста разрывов. Вблизи зловеще свистят осколки.

Танки продолжают двигаться, но теперь мимо нас, выставляя уязвимые места. Меня трясет от радости. Гремят два на редкость метких выстрела. Замирают на месте и горят две машины врага.

Но третий танк опережает нас. Перед самым дулом сорокапятки клубится дым и земля. Осколки стучат в броневой щиток орудия.

— Мать честная!.. — Толмачев наугад доворачивает ствол и нажимает на рычаг спуска. Раздается резкий выстрел. Когда дым относит ветром, мы вновь видим танки: они грохочут по большаку и обочинам.

— Бомбят, ложись!

Кинувшись камнем в канаву рядом, я прижимаюсь к земле.

Бомба трясет и валит деревья. Взлетает в небо земля и оттуда с шумом обрушивается на огневую. Я глухну.

«Накрыли, — стучит в мозгу. — Накрыли, сволочи...»

Потом поднимаю свинцовую голову и ошелело оглядываюсь вокруг. Медленно прихожу в себя, отплевываясь песком. Во рту горько и сухо.

Сорокапятка перевернута, одно колесо вертится, как заведенное. Павел Толмачев лежит на дне неглубокой канавы, неуверенно как-то мотает головой, с волос его осыпается сухая земля. Иван Шведов невдалеке промывает глаза в луже и на чем свет стоит матерится.

Откуда-то появляется Трубаев. Он что-то говорит мне, но я не слышу. Тогда он делает знаки, чтобы отходили. Почему отходить?.. А Сулима уже тут как тут с упряжкой лошадей. Пошатываясь, мы берем пушку за станины и шворневой лапой соединяем с передком. [27]

Окончательно я прихожу в себя только вечером, когда батарея останавливается в густом хвойном лесу за речкой.

Очухался и Павел Толмачев. Мы с ним осматриваем пушку, смываем с нее грязь, чистим канал ствола, смазываем тонким слоем автола. Наш «пистолет на колесах» опять готов к бою.

* * *

На душе словно камень лежит. Мы отходим к Гомелю.

Трубаев едет на повозке хмурый и молчаливый. В бою за Пропойск батарея потеряла двух командиров орудий, много рядовых артиллеристов.

Нас настигают вражеские бомбардировщики. Согнав лошадей с дороги, мы отбегаем и падаем в кюветы, канавы, выемки и отлеживаемся там. Когда поднимаемся, чтобы опять ехать, налетают «мессеры» и строчат из пулеметов. Разрывные пули цокают рядом, как град. После каждого такого наскока воздушных пиратов санитары грузят на повозки и двуколки раненых, тут же, у дороги, хоронят убитых.

В Добруше младшего лейтенанта Трубаева вызывает к себе командир 1-го батальона. Размахивая вороненым пистолетом, он сипло кричит:

— Хватит сдавать врагу город за городом! Костьми все ляжем, а не пропустим гитлеровцев через Ипуть!.. Занимать оборону!..

Силы у нашего 240-го уже не те. Бойцы измучены беспрерывными боями и отходами, на вооружении — винтовки, несколько станковых и ручных пулеметов, один полковой миномет плюс наша противотанковая батарея без двух орудий. Но смертельная ненависть к врагу швыряет людей и в эту неравную схватку.

До вечера Трубаев водит нас по полю западнее города. Мы выбираем удобные, выгодные огневые позиции. Причем каждый командир — самостоятельно, младший лейтенант только делает критические замечания в духе пословицы «Семь раз отмерь, один — отрежь». Он верен своему принципу: не навязывать подчиненным свое решение.

К закату жаркого солнца места для пушек намечены на западном склоне горы. В тылу у нас высокий глинистый [28] обрыв над рекой Ипуть, слева — большак на Гомель, правее — лес и огибающая его река в топких, болотистых берегах. А впереди, за хвойным лесом — село. Оттуда и ждем мы немецкие танки.

Добруш со своей знаменитой на всю Белоруссию бумажной фабрикой притаился, словно замер, в низине. Трубы не дымят, люди попрятались. На улицах, кривых и пыльных, ни души.

— Значит, так: огневые — в полный профиль, — предупреждает нас Трубаев. В ожидании боя он оживляется, широко шагает по густому, цветущему клеверу.

Как только солнце скрывается за лесом и на землю вместе с росой ложатся сумерки, мы вывозим пушки на огневые. Приводим их «К бою», все вооружаемся лопатами. Часов до двенадцати ночи швыряем сыпучий песок на брустверы, разравниваем его и маскируем зеленью. В полночь ужинаем сухарями и чаем, немного спим. А на рассвете все уже на ногах.

Старшина появляется с термосами, в них горячий борщ и каша. Мы аппетитно едим и скрупульно.

— Давай, Паша, закладывай погуще в казенник, — бормочет Иван Шведов, — а то начнется бой, позабудешь как и зовут.

— Ничего, не бойсь, — дружелюбно окает волжанин. — Мы не того, не трусливого десятка.

Толмачева передразнивает Сулима:

— Отец Ондрей огrel отца Онуфрия оглоблей...

А мне не до шуток. Ни борщ, ни теплая гречневая каша не согревают. Видимо, знобит от какого-то недоброго предчувствия. Но какого? Смерти не боюсь — готов к ней, а что может быть страшней?

Завтрак кончается. Подхватив термосы, уходит старшина. Я беру бинокль, карабин и забираюсь в свою ячейку, открытую в метре от левого колеса пушки. Начинаю наблюдать за передним краем.

А земля словно дышит. От теплых испарений, наполняющих ячейку, мне становится лучше, приходит успокоение.

Трубаева вызывает в Добруш командир батальона. Как только он уходит, воздух над лесом наполняется отдаленным гулом моторов. Справа над нами появляется «рама». Она вертится над городом, сбрасывает три бомбы и беспрепятственно улетает. [29]

— Ну, все выглядел, теперь жди бомбардировщиков, — замечает Иван Шведов.

Но бомбардировщики не показываются. Рокочут моторы в селе, за сосновым бором: это вражеские танки.

— Девять уже, — взглядывает на часы Толмачев. — Фрицы всегда начинают в это время.

— Теперь держись, русский Иван, — бормочет Шведов.

Да, немцы и на этот раз точны. На дороге показываются танки. Потом уходят с нее вправо.

— Что они затеваю? — беспокоится Шведов.

— Маневр, — безразлично бросает Толмачев.

Мы переглядываемся. Действительно, что затеваю гитлеровцы? Не иначе, это очередная хитрость применена, чтобы вызвать движение на нашем переднем крае и таким образом обнаружить нас. Усиливаем наблюдение. Опять показываются танки. Теперь уже на опушке и на дороге. Приняв боевой порядок, они грозно надвигаются на город. Я вижу в бинокль: люки у машин плотно закрыты, пушки нацелены. Стволы их качаются, на дульных срезах вспыхивают хлопья огня. Не останавливаясь, танки стреляют куда попало.

Как только вражеские машины подходят на прямой выстрел, наша батарея дает меткий залп. Два танка сразу охватывает огонь. Остальные, замешкавшись, создают пробку. Воспользовавшись этим, мы снова даем залп. Еще две машины выведены из строя. Немецкие танки пятятся и скрываются за сосновыми борами.

Мы с облегчением вздыхаем. А Шведов предупреждает:

— Надо податься в ячейки, сержант. Сейчас их артиллеристы возьмут нас на вилку.

— Уж это точно! — подтверждает Толмачев.

Так и есть. Из-за леса со свистом летят снаряды. Они молотят клевер метрах в ста перед нашими огневыми. Еще налет, еще, еще...

На наше счастье, тяжелые фугасные снаряды рвутся на пустом месте. Иван Шведов, глядя на вспышки, глубокомысленно изрекает:

— Тот снаряд, что свистит, мимо летит. Не бойся, ребята!

— Ты бы лучше сам не свистел, — одергивает товарища Николай Зорин. — Нашел время, философ! [30]

Как только умолкает вражеская артиллерия, из деревни появляется новая группа танков. Воздух наполняется леденящим душу гулом. Теперь лупят из танков по нашим огневым; на дульных срезах пушек, как молнии, свирепо сверкают струи огня.

— Расчет, к орудию! — командую я, как только танки поравнялись с недавно подбитыми четырьмя машинами.

Привычно щелкает замок, — значит, в казенник вошел патрон с бронебойным снарядом. Но Паша Толмачев, взявшись за рычаг спуска, вдруг резко дергается и отваливается от прицела. Обливаясь кровью, падает на станину Коля Зорин.

Не раздумывая, высакиваю из своей ячейки. Прицел раздроблен. Не целясь, отжимаю рычаг спуска на себя. Пушка резко подпрыгивает и окутывается дымом. На миг меня ослепляет. И тут же чувствую, как что-то горячее жалит меня в шею. Подношу руку и отвожу ее: на ладони густая липкая кровь.

Внезапный лязг гусениц рядом вновь загоняет меня в глубокую ячейку. Над головой чертом вертится и воет немецкий танк. Сдавливает, обрушивает зыбкие стены ячейки. Вот-вот гусеницами сорвет мне череп. «Неужели все?.. Тут, в этой могиле, вырытой собственными руками... Лучше бы под танком со связкой гранат!..»

Холодный пот окатывает меня. Нестерпимый жар пробегает по телу после тряского холода. Меня засыпало с головой. А танк продолжает утюжить землю. Потом вдруг все затихает. Я чувствую, как постепенно возвращаются силы. Но нечем дышать. Песок на зубах, в ушах, за воротом гимнастерки. Однако начинаю шевелить руками. Поднимаю и опускаю плечи. Нет, ничего не получается. Надо отдохнуть, сберечь силы. С минуту не шевелюсь, потом напрягаюсь и действую руками.

После неоднократных толчков кулаки мои пробились сквозь толщу земли. Мелькнул свет, в ячейку хлынул воздух! Я жадно вдыхаю его! Но пока не выбираюсь из земли: протираю глаза, опасливо поглядываю по сторонам. А вдруг немцы рядом? Первое, что я услышал, был все тот же грохот вражеских танков. Но теперь они шли в стороне, по дороге на Добруш.

Сгущаются августовские сумерки, и движение на дороге прекращается. Надо мной тишина. Только в городе [31] что-то грохочет, да иногда раздаются автоматные очереди.

Я гляжу в небо. Оно плотно заткано синевой, на которой ярко выделяются желтые звезды. Пригляделся — каждая звездочка мигает по-своему: то голубым, то бледно-розовым, то зеленоватым светом.

Чтобы окончательно прийти в себя, закрыл на некоторое время глаза. Когда открыл их, увидел поздно взошедшую луну. «Пора выбираться из могилы», — решаю твердо. И тут же, упервшись руками в бруствер ячейки, подтягиваюсь, постепенно выбираюсь на помятый клевер.

Первое, что сразу бросается в глаза, — это широкое зарево над землей. В его отблесках различаю сплющенную свою сорокапятку и рядом мертвых Павла Толмачева, Николая Жадиова, Колю Зорина. Меня бросает в озноб.

— Ну, прощайте, товарищи и друзья, прощайте...

А где Иван Шведов и Степан Сулима? Что с ними?.. Нахожу их ячейку, заглядываю в нее — пусто. Значит, вышли из боя, но как?

«А Трубаев как же? Где он был, когда батарея начала драться с немецкими танками?.. Вспомнил, его же вызвал командир батальона в Добруш...»

Не спеша бреду по безлюдному полю, в ногах путается клевер. Он густо пропах медом. А в голове шумит, и хочется спать. Глаза слипаются, все мельтешит. И вдруг чувствую, что меня покидают силы. С трудом дотянувшись до куста орешника, падаю под него, как подкошенный.

Поднимаюсь утром и оглядываюсь — никого. Подхожу к реке под обрывом, раздеваюсь и лезу в воду. Наклоняюсь и вижу свое отражение: голова в густом инее. Откуда он? Наверно, паутина налипла, пока спал, а потом пробирался кустами... Провожу ладонью по волосам — никакой паутины...

Переплы whole="1">ваю Ипуть, на берегу подбираю оброненный кем-то противогаз, в нем пакет с бинтами. Промываю раны на шее, перевязываю их и бреду лесом на восток.

Стволы высоких корабельных сосен отливают бронзой. Среди сосен с радостью обнаруживаю остатки 240-го полка. За батальонами усталые кони тянут две сорокапятки. Впереди, так же, как и на пути к Добрушу, едет [32] на повозке Трубаев. Заметив меня, обмотанного бинтами, он соскаивает с телеги и побегает.

— Ты из могилы, Гвоздев? Я сам видел, как над тобою вертелся тот проклятый танк...

— Значит, плохо вертелся.

Подходят Иван Шведов и Степан Сулима. Глядят на меня и не верят своим глазам. Потом Шведов, беспомощно взмахнув руками, сообщает:

— Вот, из всего расчета нас теперь только трое...

Но жива наша 117-я стрелковая дивизия. Тесненная противником, она оторвалась от своей 21-й армии, потеряла связь с ней и, откатываясь все дальше на юг, наконец вступила на землю Брянщины. [33]

Снова на Украину

Август — последний летний месяц. Но он, как и июль, жарок и нерадостен. Раны на шее и на спине хотя и беспокоят меня, но все же подживаются. А вот раны сердца?.. Они ноют, не дают ни минуты покоя.

И есть над чем задуматься. Бронетанковые и механизированные полчища гитлеровского фельдмаршала фон Бока на западном направлении, окружив группу советских войск возле Минска, уже надвигаются на Смоленщину. Они вошли в Витебск, Оршу, Могилев. Мы вот оставили Гомель. После Добруша пробираемся глухими лесными тропами.

Немцы боятся углубляться в леса и нас не преследуют. Они продвигаются лишь по полотну железной дороги на Вышков и по грейдерному большаку — на Злынку.

...Темно хоть глаз выколи. Густой запах хвои наполняет воздух. Приминяя молодую поросль леса, тащится наш 240-й стрелковый полк.

На возах — катушки провода, телефонные аппараты, какие-то ящики, мешки и прочая поклажа. Все громоздкое, неуклюжее. Стянутые веревками возы грузно переваливаются на ухабах. Идем за ними молча. Только впереди кашляет Трубаев. Слышен его хриплый голос:

— Эй, Пашин, кури в ладонях!

Пашин один остался из орудийного расчета сержанта Дегтяря. Он высокий, плечистый; поверх гимнастерки накинута плащ-палатка, из-под которой виден ствол ручного пулемета. Боец кажется сказочным богатырем.

Трубаев на повозке. На плечах у него шинель внакидку, с наступлением сумерек он натянул ее на себя. [34]

Колонна останавливается, во тьме передается команда: командирам батальонов, рот и батарей идти к командиру полка. Они спешат в голову первого батальона.

Мы же присаживаемся на траве, рады хоть короткому отдыху. Задираем головы кверху и замечаем, что небо сереет. Значит, скоро утро.

— Поспать бы! — говорит Сулима и вытягивается на траве рядом с Иваном Шведовым, который грызет ржаной сухарь. Я пристраиваюсь возле ребят.

Только прикорнули, к нам подходит Николай Смоляков, командир уцелевшего орудия. Смоляков опускается на траву, шумно дышит.

— Как настроение? — спрашивает у меня.

— Ничего.

— А Трубаев занес тебя в полковой поминальник.

— Он видел, как меня хоронили немецкие танкисты.

— Да, ты выжил чудом. А вот Храпач, Дегтярь и Амеличев...

Появляется Трубаев. Он разворачивает карту, ориентирует ее по компасу, отыскивает место нашей остановки.

— На опушке железнодорожная станция Вышков, Полк занимает оборону... Ты, Болотин, выдвигаясь со своим орудием к Малому Вышкову, а ты, Смоляков, вот сюда, к деревне Камень. Ты, сержант, — обращается ко мне, — может быть, в санчасть?

— Из батареи — никуда, товарищ младший лейтенант.

— Ну, добро! Тогда возглавишь разведгруппу. В твоем распоряжении Сулима, Шведов и еще Пашин...

Минут пять он объясняет задачи группы, потом, убедившись, что я их понял, выпрямляется:

— Действуй!

...Мы сперва идем к деревне Камень, но скоро поворачиваем на юго-восток. Пробираемся лесом километра три и выскакиваем к небольшой речушке, петляющей в зарослях ивняка и ольшаника. Перебираемся на другой берег и слышим неподалеку стрельбу. Останавливаемся.

— Это немцы, — предполагает Шведов.

— Откуда тебе известно? — возражает Пашин.

— А ты разве не узнаешь автоматную пальбу?

— Ладно, пошли, — говорю я.

Выбравшись на опушку, мы сразу видим вереницу вражеских автомашин. Они стоят на дороге почти впритык [35] одна к другой — от деревни Деменка до самого леса перед Злынкой. Откуда взялась немецкая мотопехота? Неужели из Добруша? Да, больше неоткуда. Пока мы ехали лесными тропами, фашисты примчались сюда по большаку.

— Сто двадцать машин, — говорит Шведов. — По двадцать человек в каждой.

— Двенадцать легких орудий и столько же минометов на прицепах, — сообщает Пашин.

— Полк мотопехоты, — заключаю я. — Надо немедленно донести Трубаеву. Крой, Пашин!

Я остаюсь со Шведовым. Хочется понаблюдать, что предпримут враги. Возле машин копошатся шоферы. Взошедшее августовское солнце ярко отражается в стеклах кабин. Немецкие солдаты в виде развлечения палят из автоматов по стаду коров и овец, пасущихся на опушке.

— Пожечь бы машины! — загораются глаза у Шведова. — А после гитлеровцев хоть голыми руками бери! Без машин они не вояки.

— Сюда бы наши пушки! — соглашаюсь я.

Пока мы рассуждаем со Шведовым, Сулима встречает командира 3-го батальона. Тот ведет роты в Камень, с ним орудийный расчет Смолякова. Он и приводит к нам командира роты старшего лейтенанта Богомолова, успевшего зарекомендовать себя отважным воином.

Богомолов молниеносно сориентировался в обстановке.

— Ну, сейчас угостим фрицев шашлыком! — задорно говорит он. Смоляков осколочным снарядом зажигает автомашину в центре колонны, и она вспыхивает, как факел. Слева и справа от него рвут тишину станковые пулеметы. Гул, трескотня пулеметов и винтовок повисают над лесом.

Немецкие автоматчики в испуге бегут к машинам. Но пулеметы косят их. Некоторым удается добежать до грузовиков, они набиваются в кузова. Снаряды Смолякова накрывают эти автомашины. Немцы ошелошли выпрыгивают из них.

А у самой дороги дружно работают наши станкачи. Откуда-то из кустов выползают три зеленые танкетки с красными пятиконечными звездами на боках. Они в упор расстреливают бегущих фашистов.

Несется «ура». Мы со Шведовым припускаемся за пехотой. Стреляя на ходу из карабинов, добегаем до большака. [36] На нем множество раненых и убитых. Не теряя времени, подбираем трофеи.

Бой длился меньше часу. И вот уже пехотинцы ведут большую колонну пленных в Деменку, в штаб нашей дивизии.

Прибегает на большак и Трубаев. Взглянув на дорогу, усеянную трупами гитлеровцев и остатками сгоревших машин, он весь сияет. Губы младшего лейтенанта растягиваются в широкой улыбке.

— Ловко прихватили! Ну как курчат!

— Расколошматили механизированный полк! — гордо смотрит на него лейтенант Богомолов. — Трофеев-то сколько!

...Шея моя распухла не на шутку. Приходится обратиться в санчасть. Там меня держат три дня. Крупные осколки вытаскивают пинцетом, а мелочь оставляют — не оказалось магнита. Рану густо смазали какой-то желтой мазью и туго забинтовали. Когда опухоль начала спадать, меня отпустили в батарею.

Рано утром вызывает Трубаев. Узнав, что чувствую себя неплохо и непрочь продолжать разведку, дает задание. Через двадцать минут моя проверенная четверка уже пробирается среди густых деревьев.

Отшагав километра три в сторону Дубровки, мы слышим отдаленный орудийный гул. Он доносится со стороны деревушки Гута, что осталась у нас на севере.

— Наши от танков отбиваются, — заключает Пашин, нахмутившись.

«Пашин прав, — рассуждаю я. — Танки, видно, идут вдоль железной дороги на Новозыбков. Сюда они побоятся сунуться после того, как мы расправились с мотопехотой».

Перемахнув глубокий ров, мы оставляем позади речушку с крутыми берегами. Потея от жары, бежим в расположение полка. На опушке останавливаемся. Впереди раскинулось широкое плато.

Оглядываемся. Левее нас темно зеленеет ельник. Солнце золотит его, и от этого тени внизу деревьев становятся еще гуще. Ельник словно сердито наступился.

В стороне Гуты белеет, как вымытая, березовая роща. Над ней, дико воя, шныряют немецкие бомбардировщики. Огромные черные грибы дыма надолго повисают [37] над деревьями. Левее той рощи стучат короткие пулеметные очереди. Эхо раскатисто повторяет их.

— Это немцы обрабатывают передний край нашего полка, — смотрит в ту сторону Шведов.

И вдруг режет воздух пулеметная очередь неподалеку. Как по команде, поворачиваем головы и видим на дороге громыхающие вражеские автомашины. Они мчатся от Злынки к Деминке и вдруг останавливаются. Из кузовов высыпают солдаты и растягиваются в цепочки по шестнадцать — двадцать человек. Темно-зеленые фигуры быстро двигаются вперед.

«Наших окружают, — с тревогой думаю я. — Не дать окружить! Но как? Резануть с фланга? Но у нас только один ручной пулемет, да и патронов мало. Как быть? Послать Сулиму, чтобы предупредил командование?..»

Мозг работает лихорадочно, но решение не приходит. Гляжу на Пашина, а он — на меня. Его глаза говорят: а если попробовать?

«Да, — взглядом отвечаю ему, — хорошо бы вон оттуда!»

С минуту пристально оглядываю местность. В кустистых берегах мелькает ручей, через него тянется мостик, вокруг высокий густой ольшаник. Вот и засесть там!

— За мной! — говорю ребятам.

Берегом речонки, укрываясь за прибрежным кустарником, бежим к деревянному мосточку. И успеваем. Только расположились в засаде, как, обогнав цепи автоматчиков, к мосту высакивает мотоциclist.

— Пропустить!

Немец, ничего не заметив, с треском проносится мимо.

Но, взглянув на дорогу, я от отчаяния сжимаю кулаки: к нам приближаются автоматчики. Передние — без пилоток, на загорелых лицах блестит солнце. Автоматы у всех наготове.

«Ну, попробуем!» — стискиваю зубы и до боли в руках сжимаю автомат. С большим трудом подавляю желание немедленно дать очередь по передним. Жду, чтобы подошли ближе.

Молчит в своей ячейке и Степан Пашин. По напряженному выражению его лица понимаю: он тоже борется с желанием немедленно нажать на спуск своего «дегтяря».

— Без команды — ни одного выстрела! [38]

Шведов, облизывая пересохшие губы, качает головой:

— Хорошо идут, сволочи, как на свадьбу или на блины к теще.

— Сейчас мы их угостим.

Но у меня тут же созревает новый план. Как только гитлеровцы ступят на мост, забросать их ручными гранатами, а потом сыпнуть из пулемета и автоматов. Коротко делюсь с товарищами.

— Добро! — бросает Пашин и достает из-за голенища гранаты.

— Правильно! — соглашается Шведов. — Не числом, а умением!

Готовят гранаты и Сулима. Как всегда в такие минуты, он шумно дышит, словно тащит непосильную ношу в гору.

Напряжение нарастает с каждой секундой.

Немцы от моста шагах в пятидесяти. Я гляжу на Сулиму и Пашипа, лежащих через дорогу от нас со Шведовым. Сулима сузил глаза и закусил нижнюю губу. Положив большой палец правой руки на чеку гранаты, он медленно заносит ее для броска.

Гитлеровцы шагают, ничего не подозревая. Первая цепочка втягивается на мост.

Привстав на одно колено, я размахиваюсь и с силой швыряю гранату. Другую бросает Шведов. Два взрыва разом очищают мостик. Немцы шарахаются назад, крича и беснуясь. Еще две гранаты летят им вдогонку.

Откинув мешавшую ему ветку, Пашин нажимает на спуск пулемета.

— Наддай, наддай! — кричит ему Шведов, от бурной радости подпрыгивая в ячейке. — Пусть получат сполна!

— Ложись! — приказываю Шведову. — Не демаскируй!

«Нашу стрельбу наверняка услышали в полку, — думаю я, и сразу становится легче. — Поймут, что это предупреждение».

Немцы недолго откатываются за березы. Вскоре на нас обрушивается ураган огня.

Проходит несколько минут, и на опушке рощи раздаются глухие хлопки: гитлеровцы пускают в дело минометы. Слышился резкий визг мин и сухой треск разрывов. [39]

«Далеко взяли, — прикидываю я. — Сейчас уменьшат прицел. Как только стихнет залп, надо бежать».

Дождавшись подходящего момента, я подаю команду сниматься и вскакиваю на ноги. Потом останавливаюсь за кустом и оглядываюсь. Иван Шведов догоняет меня. Но Пашин почему-то медлит.

— Что там у вас?

— Да вот Степан Сулима...

Мы со Шведовым кидаемся к товарищу. Степан Сулима мертв.

В лесу невдалеке находим глубокий ровик. Бережно переносим погибшего. Заворачиваем в плащ-палатку, опускаем в могилу и засыпаем землей.

Своих мы догоняем за Дубровкой. Отбиваясь от наседающих танков, наш полк отходит на Климово.

* * *

Я снова стою перед младшим лейтенантом Трубаевым. Он мрачно смотрит на карту-двухкилометровку и тихо говорит:

— Немцы напирают, как скаженные, да какими силами!.. Нас отжимают к югу. Обстановка пока неясная. Требуется уточнить.

— Значит, надо в разведку, — невольно перебиваю я.

— Вот именно. Добыть хорошего «языка».

Младший лейтенант отрывается от карты. Знает, что возражений не последует, но все же ждет моего ответа.

— Есть, добыть «языка»!

О том, как прошла разведка в Дубровку, мне даже сейчас не хочется вспоминать. Задание-то мы со Шведовым и Пашиным выполнили. Да только, пока волокли «языка», он отдал Богу душу: Пашин перестарался, когда брал гитлеровца.

Пришлось повторить ночную вылазку, но теперь уже не в Дубровку, а в Борки. Здесь нам повезло больше: захватить удалось немецкого гауптмана и его адъютанта.

...Наша 117-я стрелковая дивизия с боями откатывается на юг, к Киеву.

— Идем не туда, куда нужно, — зло говорит командир батареи.

Измотан не один Трубаев — все мы устали, обносились, обросли. Нет возможности ни отдохнуть, ни побриться: днем схватки с врагом, по ночам марши. Хорошо, что [40] на полях вволю картошки, овощей. Мы наскоро варим, с большим аппетитом едим. Потом снова идем, останавливаемся раз по десять на дню, чтобы занять оборону.

Мою группу Трубаев то и дело посыпает в разведку. Выходим к большаку, незамеченные, ложимся в кусты и считаем грохочущие мимо машины со свастикой.

Утро застает нас километрах в пятнадцати южнее поселка Воронеж, Сумской области, но там немцы. В руках у них Шостка, Кролевец, Конотоп. Значит, дивизия еще не вырвалась из окружения.

С тревогой смотрим на командира батареи. Длинная жесткая щетина бороды и усов, окрашенная копотью и бурой пылью, не скрывает морщин на его худом лице и тонкой загорелой шее. Трубаев взъерошен и зол.

Через сутки, миновав сосновый бор, батарея выезжает к большому селу. Верхушки деревьев уже позолотило солнце. Жарким шаром катится оно над горизонтом. В домах кое-где курятся трубы. Останавливаемся у крайних построек. Только теперь узнаем, что за ночь, после бомбёжки, оторвались от своей пехоты.

После минувшей ночной опасности командир батареи чувствует себя бодрее и даже улыбается: словно свинцовый груз сняли с его души. Приказывает черному, как цыган, старшине Быкову отыскать председателя местного колхоза, получить продукты, приготовить завтрак и накормить артиллеристов. После этого берет небольшой чемоданчик с повозки и направляется в один из домов, чтобы побриться.

На улицах — ни души. Через несколько минут вдруг появляется бледный Иван Шведов — он уходил вместе со старшиной Быковым.

— Старшину немцы схватили на том конце села, — выпаливает Шведов, едва переводя дух. — Там у них танки...

Меня словно обдает кипятком.

— Пашин, крой за командиром батареи! — приказывает своему отважному разведчику.

Но Пашин не успевает добежать до нужного дома: навстречу ему мчатся немецкие мотоциклисты. Они на ходу строчат из автоматов. Вслед за ними громыхают танки.

Пашин заскакивает в огород и падает в зелень. Потом, отползая задами, дает очередь из «дегтяря». Начинаем палить и мы. Отстреливаясь, пятимся к сосновому бору. [41]

«Трубаев и Быков, — шепчу я. — Трубаев и Быков... Они же остались там... Как спасти?»

— Надо уходить! — шумит перепуганный Иван Шведов.

— Точно! — вторит ему Пашин. — Дальше в лес! Ведь мы безоружны...

Уходить нам пришлось поневоле. Село уже превратилось в передний край. На улицах идет пальба. И тут я вижу: к дому, куда зашел командир батареи, сбегаются немецкие автоматчики. Они уже на крыльце и грохают в дверь прикладами. Дверь широко распахивается.

— Нашему Трубаеву крышка! — с отчаянием кричу я.

Пашин в бессильной злобе скверно ругается.

Вражеские танки недолго стреляют по лесу и замолкают.

Мы уходим по просеке и вскоре нападаем на след нашего 240-го полка. Вырвавшись чудом из окружения, он ускоренным маршем движется к столице Украины.

* * *

Запасной полк, куда попадаем мы, батарейцы, расположен в соснах возле станции Масловка...

Я — командир взвода, со мной Шведов и Пашин. Во взводе около ста артиллеристов, собранных из разных частей. Разместили нас в длинной земляной казарме, мерзнем вдоволь, живем впроголодь. По утрам осаждаем привокзальный базарчик, куда хозяйки из окрестных сел приносят вкусно приготовленную ряженку.

Занятия — теоретические: в полку нет даже завалящей пушечки. Выбор огневых позиций, составление карточки огня, определение расстояний до ориентиров — все на глазок...

Вечерами собираемся у единственного на всю казарму репродуктора. Услышать последние известия с фронта — для нас самое важное, ведь гитлеровцы придвинулись почти к самой Москве. С Москвой многое связано в моей жизни. Там прошла нелегкая юность: скитался по частным квартирам и общежитиям, днем работал, по вечерам учился. Заработки имел весьма скромные, с трудом сводил концы с концами...

Но еще в те годы всей душой я полюбил Москву. Мне дороги наш литературный институт на Тверском бульваре, в бывшем доме Герцена, седой Кремль с его зубчатыми [42] стенами и Мавзолеем В. И. Ленина, Третьяковка, ГИХЛ^{1} в Черкасском переулке, куда носил на просмотр первые стихи и рассказы.

В сердце навсегда сохранилась добрая память о моих учителях — поэтах Василии Васильевиче Казине и Владимире Александровиче Луговском, драматурге Степане Колядине, писателе Андрее Платоновиче Платонове, редакторах ГИХЛ Иване Ивановиче Пулькине и Леониде Ивановиче Котомке. О товарищах по учебе Константине Симонове, Саше Макарове, Сергею Смирнове, Василии Журавлеве...

* * *

Седьмое декабря 1941 года. Весь день мы пробыли на жгучем морозном ветру, а вечером вновь сидим за широким столом, громко переговариваемся, с аппетитом уплетаем ряженку с отварной картошкой и сухарями. Заработало радио, мы все умолкаем.

В тишине падают слова, от которых радостно бьются сердца: фашисты разбиты и отброшены от нашей столицы!

— Наши выстояли, сержант! — трясет мою руку Иван Шведов.

— Вот так турнули фрицев!..

— Это, ребята, поворотный пункт в ходе войны, — высказываетя кто-то из бойцов. — Теперь фашиста погонят на запад без остановки, помяните мое слово!

— Не знаю, как вы, а лично я больше здесь околачиваться не намерен, — гремит голос Пашина.

— Верно, браток!..

С этого дня самой заветной становится для нас мечта — скорей попасть на фронт. А в начале февраля 1942 года мне, одному из наших батарейцев, можно сказать, везет: зачисляют в маршевую роту для отправки в действующие части Красной Армии. По-братьски прощаюсь со Шведовым и Пашиным и навсегда покидаю наше неуютное холодное жилье. [43]

Тревожная весна

Поезд привез нас в Валуйки. Разыскивая новый полк, мы, четыре сержанта, попадаем в село Гетмановка, под Чугуевом. Село вытянулось по левому берегу Северского Донца. От главной улицы отходят проулки, и за ними — бескрайняя украинская степь. Гетмановка только что освобождена от гитлеровцев, и западнее ее в тринадцати — пятнадцати километрах проходит фронт.

На улице мы видим такую картину: могучего телосложения политрук с пистолетом в вытянутой руке гонит перед собой рыжебородого человека в шапке-ушанке, глубоко надвинутой на лоб, и с каким-то ящиком на спине.

— Вперед, бисова душа! — густым басом командует политрук.

Рыжебородый сдерживает шаг, пытается оглянуться. Политрук тычет его в спину дулом пистолета:

— Быстрей, бисово племя!..

В сторонке стоят женщины. Мы подходим и спрашиваем, что происходит. Из их рассказа понимаем, что политрук поймал лазутчика-радиста, работавшего на немцев. Посовещавшись, решаем идти следом за политруком и попадаем в штаб части.

Сначала с нами разговаривает начальник штаба полка майор Козяренко, высокий широкоплечий человек лет сорока. Держится он сухо, строго официально. Минут через пятнадцать в штаб заходит подполковник с седыми висками. Это командир полка Степанов. Знакомится с нами, рассказывает историю 500-го тяжелоартиллерийского полка. Он, оказывается, был создан в июле 1941 года на Киевщине на базе артиллерийского гаубичного дивизиона. [44]

— Рад, что прибыло добroе пополнение. Ребята вы все обстрелянные. Куда их намечаешь, майор? — смотрит Степанов на начальника штаба Козяренко.

— В дивизионы надо, — отвечает тот.

— Хорошо, направляй, — соглашается командир полка.

Моих попутчиков определяют во второй и третий дивизионы.

— А ты, сержант, — обращается ко мне начальник штаба, — пойдешь командиром пушки-гаубицы в первый дивизион.

— Есть, в первый.

— Но прежде загляни в партбюро. — Майор Козяренко указывает на дверь соседнего кабинета. — Ты ведь коммунист.

За столом, заваленным газетами и бумагами, сидит политрук, который только что гнал по улице поселка немецкого лазутчика. Политрук что-то рассказывает худощавому смуглому батальонному комиссару, называет его Андреем Никаноровичем. Увидев меня, они обрывают беседу.

Я докладываю о себе батальонному комиссару.

— Добро, сержант! Садись, — указывает он на свободную табуретку. Батальонный комиссар расспрашивает меня, где раньше служил, когда и где начал воевать. Услышав, что в 117-й стрелковой дивизии, восклицает:

— Так мы ж поддерживали вашу дивизию огнем! Когда от Киева отходили. — Глаза его теплеют. — Ну, рассказывай, когда вступил в партию, где родился и крестился, какое имеешь образование...

Беседа длится минут десять. Он внимательно слушает меня, потом басит:

— Чуешь, сержант, наши пушки снова гремят у Харькова. Город опять будет нашим! — Встав, протягивает мне жилистую сильную руку. — Ну, в первый дивизион, значит. Там комиссаром Николай Матвеевич Борисенко, хороший хлопец. До свидания!

После я узнаю, что батальонный комиссар Андрей Никанорович Цыбульченко, агитпроп полка, был до войны секретарем райкома партии в Ивано-Франковской области. Политрук же могучего телосложения — ответственный секретарь (отсекр) комсомольского бюро полка Иван Алексеевич Тюня. [45]

В новом полку знакомлюсь с новыми людьми. И часто-часто вспоминаю свой 240-й. Душа тоскует по тем ребятам, которые были как родные братья. Нет в живых Толмачева, Жаднова, Зорина, Сулимы, Пфаффенрота, может быть, и Трубаева.

Наступает новая украинская весна, весна 1942 года.

У нее здесь особые песни, манящие и многообещающие. Поют ветры на неоглядном просторе степей, поют повсюду тальные воды и пробуждающиеся рощи. Поют широко разлившиеся реки и прилетающие с юга птицы. И в полноголосом волнующем звоне этих песен человек острой ощущает потребность жить, созидать, творить добро.

Но ветры гудят нам о смерти. Потому что она рядом. В пяти-шести шагах. Страшная, ненавистная смерть. Она стережет каждого. Смерть в немецкой каске с автоматом на животе хищно выглядывает из блиндажей и окопов, сверкает стеклами биноклей на солнце, страшной тенью скользит по нашей земле.

Фашисты отброшены от Москвы, но они еще стоят на линии Юхнов, Гжатск, Ржев, Калинин, Новгород. Сжимают Ленинград смертельными тисками блокады. Враг в Орле, Курске, Харькове. Он стоит у стен Ростова-на-Дону.

Под Харьковом тоже полно немецких войск. 6-я и 17-я гитлеровские армии, танки фон Клейста готовятся с приходом лета снова двинуться на восток. С гулом моторов теплые ветры весны несут нам тревогу, а не радость.

Солнце припекает вовсю. Под его лучами снег тает, как сахар в кипятке. В Северский Донец со звоном сбегают мутные ручьи. Они размывают жирный, отлежавшийся под глубоким снегом чернозем, склоны холмов и высоток днем напоминают раскрывающийся чудесный веер.

Солнце закатывается, и на землю падает мороз. К полуночи он крепчает, и степь покрывается тонкой ледяной коркой. Она с хрустом ломается под ногами. Ночью звезды в холодной прозрачной весенней выси светятся особенно чисто и ярко.

В одну из таких ночей мы и выступаем.

Гаубицы, побрякивая и поскрипывая, глубоко вдавливаются колесами в размокшую за день землю. Кони шумно [46] дышат, иногда храпят, сдавляя шаг. Ездовые негромко понукают их.

Я иду у левого колеса передка и носком сапога сбиваю комья налипшей на обод грязи. Слева хрустит ледок под сапогами наводчика орудия плечистого ефрейтора Федина, поспешают замковый, заряжающий, правильный, ящичный, подносчики снарядов.

Вокруг все чавкает и шуршит. Движется пехота. Иногда в ночи слышатся слова. Над Чугуевом, где укрепились немцы, часто ввиначиваются в небо осветительные ракеты. Отдаленный свет их выдать нас не может, но зато помогает нам лучше ориентироваться в темноте.

Нам приказано внезапной атакой овладеть железнодорожной станцией Андреевка и закрепиться там.

Когда мы проходим примерно половину пути, в сторону Андреевки пролетают советскиеочные бомбардировщики. Бомбы рвутся гулко, от разрывов дрожит земля под ногами. Потом на вражеские позиции обрушивает огонь корпусная артиллерия. Тяжелые дальнобойные орудия ведут методический огонь — через каждые семь — десять минут следует залп.

Гитлеровцы отмалчиваются, лишь время от времени вдруг где-нибудь начинает лихорадить пулеметы, но неприятель нас не видит, стреляет наугад.

Идем долго. До Андреевки совсем не так близко, как представлялось днем.

Вдруг фашисты обнаруживают нас. Автоматная очередь передового поста взлетает нам навстречу. К автоматам тотчас присоединяются крупнокалиберные пулеметы. Но немцы спохватываются поздно: наша пехота уже проникает на станцию и завязывает бой.

Когда пехотинцы прорываются к пакгаузу и начинают обтекать здание вокзала, неожиданно открывает огонь новый пулемет. Его очереди кладут наших бойцов в снег, не дают им поднять головы. Освещая местность ракетами, гитлеровцы ожесточенно бьют по каждому двигающемуся предмету.

— Ишь сволочи! — ругается ефрейтор Федин. — Откуда он, этот пулемет, взялся? Садануть бы по нему, командир! Вон он, у того приземистого строения.

Федин указывает рукой. Вспышки на конце дула выдают вражеский расчет. [47]

— Орудие, к бою! — тут же командую я.

Первый выстрел на редкость меткий. Пулемет сразу умолкает. На крупнокалиберный понадобилось всего два снаряда.

И в тот же миг мощное «ура» отрывается роту от земли, и пехота катится дальше. Минут через пять стрельба завязывается уже там, где засели гитлеровские ракетчики.

— Ну вот, — облегченно вздыхает Федин, — теперь все в порядке. Можно и нам сниматься.

— Давай, — соглашаюсь я. И тут же слышу за спиной чей-то с хрипотцой голос:

— Добро стреляешь, сержант!

Сильная рука тяжело ложится на мое плечо. В предрассветных сумерках вижу рослого человека в белом полушубке, туго перетянутого ремнями портупеи. Лицо знакомое, но на всякий случай вскакиваю на ноги и беру под козырек.

Неожиданный гость крепко, точно клещами, сдавливает мою ладонь и представляется:

— Политрук Тюня, ответственный секретарь комсомольского бюро полка. Что, не узнаешь?

— Узнаю, товарищ политрук.

— Ладно, сержант. Давай двигай свое орудие дальше, а я пособлю.

Политрук наваливается плечом на щиток и вместе с нами катит гаубицу вперед. Орудие идет легко и послушно.

Метров через десять останавливаемся и вновь открываем прицельный огонь. Тюня, к моему удивлению, не уходит. Вместе с бойцами он подносит снаряды. И шумно, как ребенок, радуется каждому удачному выстрелу.

— Вот это здорово! — то и дело басит он. — Вот так и громи фашистов!

Ошеломленные внезапным ударом, немцы срываются со слабо укрепленных позиций и бегут. Андреевка наша! Но левее станции все еще трещат пулеметы, грохочут немецкие орудия. Там, видно, гитлеровцы оказывают упорное сопротивление.

Когда совсем рассвело, я взбираюсь на крышу какого-то пристанционного здания и в бинокль начинаю изучать местность. Прямо перед нами в семи — девяти километрах [48] виден Змиев, за ним вдалеке — Харьков, правее — Чугуев.

Снова появляется Тюня. Он задумчив, даже словно бы мрачен.

— Зря остановились. Надо было гнать фашистов дальше... за командира дивизии отомстить. Харьков как раз впору был бы.

— Как за командира дивизии? — спрашиваю я.

— Минувшей ночью погиб полковник Давыдов. Сам руководил боем и убит осколком вражеского снаряда. А какой был умный, расчетливый командир! Какой душевный и справедливый человек! — сокрушаются политрук.

Бойцы оборудуют огневую позицию, и политрук помогает им. Лопата, как игрушка, так и летает в его сильных, мускулистых руках. Работает он быстро, ловко и делает маленькие перерывы, лишь когда становится очень жарко. Тогда Тюня сбрасывает полушибок и остается в одной гимнастерке. Над спиной его вьется легкий парок.

Уходит он часа через два. Напоследок выкуривает толстую цигарку и, прощаясь, говорит:

— Лопата, скажу я вам, верный друг бойца. Из пушки врага ударишь, а лопата поможет от чужого удара уберечься... Никогда не кидайте лопату, друзья.

Тюня начинает часто наведываться на огневую, и мы незаметно становимся друзьями. Он просит научить его стрелять из орудия и старательно занимается.

— Зачем это вам? — как-то интересуюсь я.

— А если тебя треба будет подменить, — отвечает политрук, — или Федина? Может быть такое на войне или нет?

— На войне все может случиться...

В свободные минуты, а их, когда стоишь в обороне, немало, Иван Алексеевич охотно и много рассказывает о себе, о мирной жизни. Он с Черниговщины. Вначале учительствовал, а затем был секретарем Репкинского райкома комсомола, откуда и ушел в Красную Армию. С особой теплотой, идущей от самого сердца, вспоминает Тюня о своих коллегах учителях, о селе Пилипчи, где директорствовал в семилетней школе.

По его словам выходило, что нет краше села на всей земле, чем Пилипчи. Сравниться с ним может разве что [49] только Макишин, где Тюня родился. Тоже село чудесное, с рекой за огородами, высокими деревьями и такими густыми садами, что луч солнца из-за яблок не пробивался на землю.

Говорит политрук не спеша, тихо, хотя обладает голосом сильным и басовитым. Мне почему-то всегда кажется, будто он не просто говорит, как все люди, а как-то плавно льет слова. Тюня буквально зачаровывает нас своим рассказом о мирных, давно забытых днях.

— А какие арбузы у нас растут — во! — Тюня округляет перед собой огромные ручищи. — По пуду! Разрежешь — сок, как та красная зорька. И сладкий — лучше сахара!..

Мы живо представляем себе тот арбуз и облизываем облупившиеся от весеннего ветра губы. Сейчас бы кусочек такого арбуза, такого счастья!

— А у тебя, Георгий, — обращается ко мне Тюня, — на твоей Смоленщине что растет?

Я рассказываю о знаменитом «северном шелке» — синем при цветении кудрявом льне, о бескрайних полях овса и гречихи, о разливах озимой ржи между деревнями, о дремучих лесах с медведями и рысями в непролазных чащах.

Тюня задумывается, затем, оживившись и поблескивая глазами, гудит:

— Велика наша Отчизна! Вот победим фашистов, очистим родную землю-матушку и снова начнем мирно трудиться. Я в родную школу пойду, хлопцы. До чего хорошо, друзья мои, детей учить!.. А ты, Георгий, после войны куда?

И, не дождавшись ответа, тут же категорически говорит:

— Может, писателем станешь, книжки будешь сочинять? Я ж вижу: все что-то строчишь в тетради. Это хорошо. Закончится война, многое позабудут люди. А что написано пером — не вырубишь топором. Вот про нас всех и напиши. Обязательно напиши! Интересная книга будет!..

Вместе с Тюней к нам частенько наведываются старший политрук Борисенко и батальонный комиссар Цыбульченко. Оба они люди дотошные и наблюдательные. Все-то им интересно. И откуда кто родом, и какое имеет образование, и как в школе учился, и поступал ли в институт [50] или техникум, и чем занимался перед призовом в Красную Армию, и любил ли свое дело, и когда вступил в комсомол... Заведут разговор с человеком и не отпускают до тех пор, пока не узнают о нем все до точки. О себе же, в противоположность Тюне, рассказывать не любили. Мы знаем, что Борисенко родился тоже на Черниговщине, в Прилуках, служил где-то на границе, в первые дни войны потерял жену и двоих детей. Цыбульченко был секретарем райкома партии в Ивано-Франковской области, потерял связь с семьей и очень страдает от этого.

* * *

После взятия Андреевки на фронте наступает затишье. Лишь временами вспыхивают короткие стычки да ведется стрельба по разведенным целям. Иногда организуются вылазки за «языком», вот и все.

В феврале, сразу после боев за Андреевну, меня вызывают к командиру дивизиона майору Кащенко. Приземистый и плотный, он сидит за дощатым столом, навалившись на него всей грудью. Сверкнув белками, майор раздраженно спрашивает:

— Значит, сержант, у тебя нет желания быть строевым командиром? Ну почему?.. Я думал назначить тебя командиром огневого взвода и хотел ходатайствовать о присвоении звания младшего лейтенанта.

Не зная, в чем тут дело, я молчу.

— Ну, говори же. — Кащенко откидывается на спинку стула.

— Да я...

— Сержант здесь ни при чем, — вдруг перебивает меня комиссар дивизиона Борисенко. — Мы с батальонным комиссаром Цыбульченко без него все решили. Человек он, как я вам уже говорил, подходящий, боевой, к тому же учитель.

— Ну ладно, — машет рукой майор. — Иди, сержант, на политическую работу.

В тот же день со мной еще раз беседуют Маляр и Цыбульченко. Потом переглядываются и заключают:

— Быть по сему, коли Борисенко и Тюня за тебя. Работай с комсомолией.

Мы с Тюней выходим на улицу, и он крепко сжимает мою руку. [51]

— Поздравляю, друг! Теперь принимай от меня дела.

— А вы куда, товарищ политрук?

— Рекомендуют секретарем партийного бюро полка.

— А Маляр?

— В политотдел дивизии его берут, будет председателем партийной комиссии...

Все так и свершается. А через две недели Тюня прикрепляет к петлицам моей гимнастерки по два рубиновых кубика младшего политрука.

Комиссар полка Телушкин и Цыбульченко нагружают меня до предела. Помимо основной работы предстоит выпускать боевые листки, принимать по радио сводки Совинформбюро, размножать их на пишущей машинке и раздавать политработникам, чтобы забирали их с собой в подразделения.

...Как-то в конце апреля поздно вечером я сижу за портативной пишущей машинкой и отстукиваю только что принятую сводку.

В комнату вкатывается необычно оживленный Тюня. Подсев ко мне, читает почти готовую сводку и затем басит:

— Есть новость, Георгий. Вернулись наши разведчики из Чугуева. Привели первоклассного «языка» — немецкого майора.

— Кто ходил в разведку?

— Старшина Ильин, рядовой Рожков и сержант Немировский. Сержанту повезло: первый раз был в поиске.

— Это не ему повезло, а Ильину и Рожкову, — уточняю я. — Они настоящие орлы. Самого черта схватить могут.

— Орлы, это точно... — В голосе Тюни звучат грустные нотки. — Не сказал я тебе, что Рожков тяжело ранен. Так жалко парня — сил нет... Сейчас он в санчасти. Выживет ли?..

Все политработники с утра в дивизионах и батареях, один я в доме политсостава. Собрав и подготовив к погрузке все имущество, тут же, не раздеваясь, валюсь на койку и засыпаю. Но сон мой скоро обрывается тревожным стуком в окно.

— Подъем! — горланит дежурный по штабу.

— Что такое? — высакиваю на улицу.

— Сейчас подойдет подвода, грузите партийно-комсомольское хозяйство, да поторапливайтесь! [52]

Дежурный исчезает, а я спросонья оглядываюсь вптымах. Над головой грозовое небо. В разрывах туч сверкают молнии, острые стрелы их вонзаются в землю. Дождя пока нет, но воздух пропитан влагой.

От Чугуева доносятся орудийные залпы: не иначе, гитлеровцы заметили наше передвижение.

Погрузив свое имущество, взвираюсь на воз и усаживаюсь поудобнее. И вдруг различаю: возница — девушка. Рядом с нею упакованная рация. Приглядываюсь — радистка Аня Архипова. В начале апреля она вместе с другими девушками

прибыла в наш полк. Когда брал ее на комсомольский учет, Аня рассказала, что родилась в Петропавловске-Казахстанском, окончила в 1941 году десятилетку и в первые дни войны подала заявление в военкомат с просьбой направить на фронт. Окончив курсы, стала радисткой.

— Дай-ка сюда вожжи! — категорически требую я.

Девушка с большой охотой передает мне вожжи. Когда вспышка молнии озаряет ее лицо, я замечаю, что радистка испугана. Спрашиваю, как настроение.

— Чего там. Мурашки по телу бегают, — откровенно признается Архипова.

— А ты будь смелей. Гроза и артиллерийская пальба — это еще не самое страшное. Впереди еще не то будет... Так что привыкай к боевой обстановке.

— К тому времени я свыкнусь...

— К какому такому «тому»? На фронте каждую минуту может наступить «то» время, о котором ты говоришь.

— Верно, — вздыхает она.

Штаб нашего полка тоже снялся, нагруженные подводы вытягиваются вдоль улицы, озаряемой вспышками молний. Только мы подъехали, как весь обоз тронулся с места.

— Аня, — говорю Архиповой, — прощайся с Гетмановкой.

Девушка молчит. Оглушенная залпами наших дальнобойных батарей, она не слышит меня.

Обоз сперва тянется берегом реки в сторону Чугуева. Грозда и канонада пугают лошадей, слышится их тревожное ржание. Туго увязанные повозки поскрипывают, покачиваются на выбоинах. Во влажном воздухе смешиваются густые запахи мяты и конского пота. [53]

Вновь и вновь грозно озаряется небо над нами. Сверкают молнии, гремит гром. Радистка втягивает голову в плечи, суетится и дрожит.

Нервничает и наш конь. Я еле удерживаю его.

Левее и правее бьют батареи. Со страшным шумом и свистом режут мрак светящиеся снаряды. Они плавят влажный воздух, устремляются на запад, и где-то под Чугуевом слышится трескучая молотьба их разрывов.

— Жуть какая! — вскрикивает Аня.

— Это залпы наших «катюш»!

На этот огонь начинают отвечать немцы. Их снаряды опасно рвутся левее нашего обоза. Иногда разрывы приходятся так близко, что слышно, как поют разлетающиеся осколки.

Аня вздрагивает и ежится, с силой натягивает на себя дождевик, словно он может спасти от смерти.

В следующей деревне наш обоз сворачивает с дороги, взбирается на гору. Кони идут тяжело, сопят и фыркают. Начинает накрапывать дождик, потом он усиливается и уже барабанит по брезенту.

Стрельба со стороны противника стихает так же внезапно, как началась. Теперь мы движемся под проливным дождем.

Аня плотно закрылась дождевиком и молчит. Я почти не слышу скрипа впереди идущих повозок, но упрямо понукаю своего коня. Так мы едем минут двадцать — тридцать. Дождь утихает, Аня выпрямляет голову из-под плаща, смотрит на меня и смущенно говорит:

— А все-таки не женское это дело — война...

На рассвете наш обоз грузно втягивается в большое украинское село, разделенное надвое глубоким рвом. Моросит серый скучный дождик. Слякоть. За колесами тянутся и отваливаются в лужи большие комья жирного чернозема. От конских спин густо валит пар.

Навстречу обозу спешит начальник связи полка капитан Захаров. Заметив меня, он подбегает к повозке, помогает радиостеке перенести рацию в помещение.

— А ты, политика, правь коня вон к тому домику, — указывает капитан в противоположную сторону. — Там ждут тебя Тюня и Цыбульченко.

...Передышка неожиданно кончается. Как-то весной, когда степь после обильных теплых дождей начинает бурно покрываться ярким зеленым разнотравьем, Тюня [54] возвращается в дом политсостава в приподнятом настроении.

— Друг, — кладет он мне на плечо свою сильную руку, — намечаются грандиозные события!..

И рассказывает, что было совещание, на котором выступили главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал С. К. Тимошенко{2} и член Военного совета Н. С. Хрущев.

— Они говорили о скором наступлении! — радостно гудит Иван Алексеевич. — Мы ударим из «яйца» на Красноград, наши соседи справа — на Золочев, а в Мерефу встретимся. Все немецкие войска в Харькове возьмем в тесное кольцо и уничтожим!

«Яйцом» мы называем барвенковский выступ, форма которого на карте действительно напоминает куриное яйцо.

Минут пять оба рассматриваем карту Харьковской области, наносим на нее боевую обстановку, стрелами отмечаем будущие удары советских войск.

— А к этому наступлению, — отрывается Тюня от карты, — нужно готовить коммунистов и комсомольцев, чтобы они вели за собой бойцов, были в авангарде...

Советуюсь с комиссарами дивизионов и батарей, с комсоргами, выясняю, какие вопросы включить в план работы комсомольского бюро полка на летний период, учитываю их пожелания.

На подготовку и утверждение плана уходит почти неделя. А потом начинается самое трудное — повседневная работа по реализации намеченных мероприятий.

Секретарь партбюро Тюня взялся провести в дивизионах беседы о славе русского оружия. Он хорошо подготовился. Выступает с подъемом, артиллеристы с большим вниманием слушают Ивана Алексеевича. Говорят он по-украински и лишь изредка перемежает речь русскими словами, но понимают его все.

Тюня увлеченно рассказывает о походах Суворова, о победе русских войск под командованием Кутузова над войсками Наполеона.

— Теперь Адольф Гитлер развязал войну с нами, — продолжает Иван Алексеевич. — Но, друзья, придет время, [55] когда советский воин могучими ручищами возьмет бесноватого за лацканы, приподнимет, а потом жмакнет о землю с такой силой, что от него только мокре место останется!

Бойцы долго одобрительно смеются, переговариваются. И так — каждый раз. Беседы политрука доходят до самого сердца... Взволнованный выступлением Тюни, я тихо удаляюсь, присаживаюсь на пустотелую четырехгрannую станину орудия, долго смотрю в степь. Широкая, как море, она накатывается на меня зеленым, чуть шелестящим прибоем. Слушая ее, жадно вдыхаю терпкий, горьковатый запах чебреца и полыни, слежу, как проплывают в чистой небесной выси легкие, насквозь пронизанные солнцем облака.

Степь цветет как-то по-особому, буйно и пестро, каждый ее цветок, каждая былинка источают свой неповторимый аромат. И всюду жизнь побеждает смерть: дружно зеленеют даже воронки от авиабомб и снарядов недельной давности. В полдень сильно парит жирный разопревший чернозем. Больно смотреть на пустующую, зарастающую травой благодатную украинскую землю. Созданная для обильных всходов, она жадно ждет плуга и золотистых зерен. А пока всю свою материнскую силу отдает кипящему разнотравью. [56]

В степи под Осколом

11 мая 1942 года все политработники — в дивизионах и батареях. Друг с другом держим тесную связь по телефону и по радио. Комиссар полка М. В. Телушкин ждет донесений, он неотлучно находится в штабе.

Три раза в день я докладываю о проведенной в батареях работе. По два-три раза на дню разговариваю с Тюней. Он басит в телефонную трубку:

— Георгий, видишь, что творится за нейтралкой?.. Из «яйца» скоро глазунья будет!.. Давай поднимай боевой настрой комсомолии!..

А на рассвете 12 мая вдруг заговорили наши гаубицы. Я не отхожу от комиссара 1-го дивизиона старшего политрука Борисенко, который не покидает наблюдательного пункта. Он не выпускает из рук бинокля.

Мы слышим, как тяжелые гаубичные снаряды с шумом и воем проносятся над нами в сторону Змиева и гулко рвутся там. Траншеи, окопы, блиндажи и ходы сообщения передней линии противника заволакивает густым дымом. В стереотрубу хорошо видно, как взлетают на воздух бревна дотов и дзотов, рушатся земляные и наземные сооружения, как мечутся и падают вражеские солдаты.

Огнем наших батарей управляет искусный мастер, сам командир полка Степанов. Он то накрывает меткими залпами переднюю линию обороны за нейтралкой, то внезапно меняет установки и бьет по второй линии, а то переносит огонь в глубину расположения врага. Как только начинают оживать, шевелиться гитлеровцы, огонь опять гуляет по передней линии. [57]

Утренний воздух накален до предела, над степью образуется черная завеса, и ветер несет ее вдоль горизонта. Над нами — ни одного немецкого самолета. Они прилетят в девять, а сейчас только пять.

— Пойдем беспрепятственно, — говорит Борисенко. — Наша артподготовка для противника — полная неожиданность.

Целый час ведется эта хорошо наложенная молотьба. Едва она стихает, наши командиры в бинокли и стереотрубы фиксируют новую радостную картину: поднимается и устремляется вперед через нейтралку советская пехота. В промежутках между ротами противотанкисты катят свои сорокапятки.

Мысленно я переношусь в Жлобин, под Бобруйск, сравниваю, что было тогда, и то, что наблюдаю теперь. Вот когда у нас есть и собранность, и расчет, и умение, и силы! Да, хорошо начинается. До конца бы этого сражения такая четкость, такое искусство управления войсками и огневыми средствами!

А что в батарее? Надо бы заглянуть туда.

— Ладно, — соглашается комиссар дивизиона Борисенко, — крой в первую, к Тарнавскому.

Попадаю на огневую старшего сержанта Гетмана. Здесь же командир орудия Гетман, круглолицый, с маленьким задиристым носом парень.

— Почему мы стоим? — недовольно спрашивает командир орудия Гетман, круглолицый, с маленьким задиристым носом парень.

— У нас свои задачи, — поясняю ему. — Мы будем сжимать кольцо окружения вокруг Харькова, вот и не движемся до поры до времени.

...Вечером всех политработников вызывает к себе комиссар полка Телушкин. Прикрепив карту нашего участка фронта к стене блиндажа, комиссар водит по ней дулом пистолета:

— Наши части из района Волчанска продвинулись к Харькову на двадцать пять километров, из Балаклеи на Змиев — на столько же, из Лозовой на Мерефу — на тридцать километров. Наша 38-я армия пока остается на прежних рубежах...

Но обстановка на фронте неожиданно круто меняется. Инициатива переходит к противнику. Вот этим и обеспокоен комиссар полка. [58]

День ото дня сообщения все тревожней. Выдержав натиск наших войск, гитлеровцы теперь сами переходят в наступление.

...В густых сумерках мы, политработники, вновь на короткое время собираемся вместе. Обсуждаем нерадостные итоги. Комиссар полка Телушкин мрачен, но он еще выражает надежду, что положение изменится в лучшую сторону.

— Пока не вводились в дело наши танки, — говорит он. — А они будут введены. Два корпуса в резерве — это большая сила, и она способна создать перелом в боевой обстановке. Наша задача — не допустить растерянности, воодушевить бойцов.

Он беседует с политработниками полка, еще раз напоминает о сложности обстановки.

— А что, друг, — невесело говорит мне Тюня, — как бы глазунья из того «яйца» не досталась немцам. Как-то все повернется теперь?..

* * *

Наша 38-я армия, которой командует генерал К. С. Москаленко, занимает оборону на правом крыле Юго-Западного фронта. В то время как левый фланг наших войск с боями начинает отход, нам строгий приказ — ни с места. Стоим прочно в обороне весь остаток мая и две декады июня.

Все эти дни Аня Архипова дежурит на командном пункте полка. КП носит условное название «Рубин» и находится на высотке в километре от села Бригадировка. На южном склоне ее зеленеет обширный колхозный сад.

Сад давно отцвел, лепестки осыпались и затерялись в густой сочной траве. А на яблонях появилось несметное количество завязей. Воздух в саду чист и свеж.

Аня любит дежурить. Посыпать в синь свои позывные, ловить знакомые голоса из дивизионов — есть в этом что-то сказочное. Радистку сменяет сержант Алексей Немировский. И тогда по ходу сообщения она выбирается в сад подышать чистым воздухом.

Рано утром 22 июня Аня вновь под яблонями. Ходит и смотрит в высокое чистое небо. Будто и нет войны. Высоко над головой выются и трезвонят жаворонки, воздух простреливают пчелы. [59]

Но вот начинают бить орудия. Аня некоторое время прислушивается. Грохочут немецкие пушки, снаряды рвутся уже возле КП полка, на переднем крае, в расположении батальонов. Надо бежать к радиции, А на командный пункт не пробраться. Всю высотку перепахивают артиллерия и тяжелые минометы противника. На нее десятками пикируют машины с черными зловещими крестами на крыльях. Высотка окутана удущивым дымом, в котором то и дело сверкают разрывы.

Девушку охватывает ужас.

— Ложись! — кричит кто-то и тянет Аню за руку. Осмотревшись, радистка видит рядом начальника связи полка капитана Захарова. Как он здесь оказался?

— Там никого, наверно, не осталось в живых, — шепчет Аня, указывая глазами на блиндаж командного пункта.

— Не вылезать! — предупреждает ее Захаров.

Стрельба на минуту затихает. Они покидают траншею и бегут, сваливаясь на дно другой траншеи, ведущей в глубокий и просторный блиндаж. На девушке лица нет: в такой переделке ей не приходилось бывать.

— На КП, наверно, всех побило, — сквозь слезы говорит Аня.

— Чепуха. Я уверен, что там все живы и здоровы.

— Это после такой-то бомбекки?..

— И не такое видали... Обойдется.

Новый яростный налет еще раз прижимает их к земле. Не успевают отгреметь разрывы, как Захаров тянет радистку за руку:

— За мной!..

Вот и КП. Оглядевшись, Аня облегченно вздыхает. Гул самолетов сразу становится глуше, пулеметная трескотня тоже не доносится сюда.

Как и говорил капитан Захаров, на командном пункте все невредимы. Дежурит начальник разведки полка капитан Гонтарев. Он то и дело снимает с зеленого ящичка черную телефонную трубку:

— Кащенко? Доложите обстановку... Попов?.. Что происходит на участке вашего дивизиона?.. Тарнавский...

Аня ныряет в отсек, где установлена полковая радиация. В полуоткрытом люке приветливо мигают сигнальные лампочки РБ-6. Сержант Немировский в наушниках, он вяло разговаривает с кем-то. [60]

Захаров подходит к капитану Гонтареву. Поздоровавшись, опускается на табурет, принесенный сюда кем-то из разведчиков.

— Что происходит, Михаил? — спрашивает Захаров.

— Сам толком ничего не знаю, — отвечает тот. — Вот, огневые налеты, кружат самолеты.

— Командиру полка докладывал?

— Конечно.

У Гонтарева на лице плохо скрываемая тревога. Он непрерывно курит, все время хмурится. Потом выдавливает:

— Обстановка складывается паршивая.

— Товарищ капитан, — подбегает к Захарову командир отделения связи. — Оборвало нитку с первым дивизионом, что делать?

— Пошли двоих бойцов своего отделения связать.

— Послал... одного, Карпова, убило...

— Немировский, связь с первым дивизионом держать по радио, — приказывает Захаров сержанту.

— Есть, товарищ капитан.

— А ты, — поворачивается Захаров к командиру отделения связи, — отправляйся на линию сам да поживей устрани обрыв.

Мощный снаряд в тот же миг вспарывает насыпь над блиндажом, глухой звук удара в бревна наката, разрыв... На стол с телефонным аппаратом обрушивается поток дымящейся пыли и щепок.

Захаров отскакивает в сторону. Его вдруг осенило, почему фашисты бьют прямо сюда: запеленговали радиостанцию.

— Немировский, выключайся немедленно!

Обрывается проволочная связь и со вторым дивизионом. Потом — с третьим. Снаряды рвут провода, лежащие на поверхности. Как только прекращается обстрел, капитан высыпает на линию последнего связиста, сам садится у телефонного аппарата. Смотрит на часы: девять, а приказа о наступлении нет. В чем дело?

Зуммерит телефон. Захаров рывком берет трубку и, заслушав шаги, оглядывается. Замечает хмурого командира полка Степанова. Подполковник стоит согнувшись, так как головой достает до потолка. Захаров передает ему трубку.

— Кащенко? Здравствуй. Спрашиваешь, что происходит [61] здесь? Вакханалия... Приказ командующего армией — немедленно отходить за Оскол... Прикрывай отступление пехоты. Мой КП снимается.

На какое-то время на командном пункте воцаряется тишина. Оттого, что люди вдруг замолчали, плотно сжав губы, тишина будто усиливается, становится гнетущей.

Подполковник Степанов коротко объясняет, почему сорвалось наше дальнейшее наступление. Командование Юго-Западного фронта не смогло своевременно ввести в действие находившиеся в его резерве два танковых корпуса. Это позволило сильной группе войск противника перейти в контрнаступление с барвенковского выступа.

— Сегодня утром, — говорит Степанов, — командарм Москаленко был вынужден на свой страх и риск отдать приказ немедленно отступать за Оскол, дабы сохранить армию... Из района Волчанска развиваются наступление 6-я немецкая армия Паулюса и танковая армия Клейста. Они вот-вот сомкнут кольцо окружения на Осколе.

Да, вновь отходить. Днем, при солнечном свете, под безоблачным небом. По степи, на которой ни кустика до самого горизонта; по степи, на которой гитлеровские асы видят с неба даже спящего зайца... Это чудовищно, это — самоубийство.

Седовласый Степанов молчит, глядя куда-то поверх головы капитана Захарова. Какие у него думы? Что он намеревается делать? Какие последуют приказы?.. Тяжело вздохнув, он отдает распоряжение сниматься и следовать на Сватово.

Капитан Захаров набирает воздуху в легкие, будто перед прыжком в воду.

— Вот тебе и яичница, — зло говорит он, глядя на нас с Тюней.

— Как же мы будем? — растерянно смотрит на начальника связи полка Аня Архипова. Она сердцем чувствует страшную опасность.

— Ты с Немировским... грузите рацию на повозку и двигайтесь вместе со штабом... Мне приказано быть в третьем дивизионе.

Сказав это, капитан Захаров торопливо выходит.

* * *

— Куда же теперь мы? — спрашиваю у Тюни.

— На батареи! [62]

Я тороплюсь за политруком. Но скоро, попав под бомбеку, мы теряем друг друга. Я решаю податься опять на батарею Тарнавского. Располагается она на самом краю впадины, в двух километрах от КП батальона пехоты. Последние красноармейцы уже покидают окопы. По лощине тянутся повозки, доверху нагруженные станковыми пулеметами, круглыми плитами от минометов, ящиками с боеприпасами, штабной поклажей. Гаубицы Тарнавского ведут шквальный огонь. Но вдруг все разом смолкают. Между ними вспыхивают яркие кусты разрывов.

«Накрыли, гады, — вздрагиваю я. — Куда ж теперь мне?»

Оглянувшись, решительно направляюсь в батарею: вдруг не все погибли, тогда и моя помощь окажется не лишней. Только поравнялся с крайней гаубицей, как откуда-то слева, из-за укрытия, нахлестывая лошадей, с гиканьем выносятся ездовые. Точно из-под земли появляются артиллеристы расчета Гетмана. Они моментально впрягают лошадей в передок, прицепляют к нему орудие, и упряжка трогается с места. Я еле успеваю вскочить к ним. Кони все убыстряют бег и наконец переходят на галоп.

Через несколько минут мы влетаем в село, которое тянется вдоль всей лощины. В зелени садов мелькают красные, синие, зеленые крыши. По центральной улице, защищенной от солнца высокими липами и дубами, густым потоком движутся подводы, автомашины, по обочинам цепочкой — красноармейцы.

— Воздух! — вдруг кричит командир орудия Гетман. Мы поворачиваемся на звук моторов. С запада быстро приближаются «юнкерсы».

— Галоп! — командует Гетман.

Ездовые опять нахлестывают лошадей.

— Повод влево!

На повороте в боковую улицу колеса орудия задевают и опрокидывают изгородь. За домами две вырытые в полный профиль траншеи. Заметив их, Гетман первым соскакивает на землю. А через минуту люди сидят в траншее и лошади отведены в безопасные места.

Отбомбившись по центру села, «юнкерсы» следуют дальше на восток. За ними появляются танки. Они вырастают на белесом фоне неба как-то вдруг и останавливаются, [63] зловеще поблескивая на солнце жерлами орудий.

— Испугались, — говорит плечистый белозубый наводчик Анатолий Иванов.

— Пойдут, — уверенно отвечает старший сержант Гетман. — Постоят, постоят и пойдут.

— По болоту прямо не попрут, это факт, завязнут. А на этой узенькой дорожке мы уж их встретим. — И наводчик сжимает пальцы в жилистый темный кулак.

Солнце начинает клониться к закату, а немецкие танки все стоят на горе. Не движутся и не стреляют. Чего-то ждут. Должно быть, высматривают, нет ли поблизости противотанковых орудий. Наконец, не выдержав, трогаются. Рванув

воздух оглушительным дружным залпом, танки справа по одному начинают с ревом вытягиваться на дорогу. Впереди — тяжелые, за ними — средние, в хвосте — легкие. Замыкают колонну автоматчики.

— Приготовиться к бою! — командует Гетман.

Иванов припадает к прицелу, ловит в его перекрестье горловину дороги и не спускает с нее глаз. Передний танк выруливает на дорогу и, прибавляя скорость, грохочет в нашу сторону. На его правом боку отчетливо просматривается черный крест в белом окаймлении.

Стиснув зубы, весь напружинившись, Иванов терпеливо ждет, пока танк подойдет ближе. Гетман впился в окуляры бинокля и тоже ждет.

— Давай! — наконец яростно кричит он. — Теперь наверняка!

Орудие победно рявкает и откатывается, окутавшись дымом и пылью. Тяжелый снаряд попадает в самую башню и смахивает ее с машины, точно песчинку.

— По второму — огонь!..

Потеряв несколько танков, гитлеровцы пятятся и вскоре скрываются за высотой.

— В克莱или фашистам! — раздаются радостные восклицания.

— По-нашенски!

— Там, где стоит орудие Гетмана, фашистам нет дороги! — уверенно произносит Иванов, поправляя сбившуюся на самый затылок выгоревшую пилотку.

Неожиданно появляется связной от капитана Тарнавского. На лице у него засохшая грязь, левая рука выше локтя забинтована. Спеша и волнуясь, он передает [64] приказ командира батареи сниматься с огневой и отходить на Гороватку.

— Вас прикроет батарея старшего лейтенанта Игнатьева, — сообщает он. — Она уже изготовилась к бою.

Не успевает связной исчезнуть, как откуда-то из-за соседнего бугра с воем и злым шипением несутся тяжелые снаряды. Они рвутся по всей впадине, заволакивая ее синеватым дымом.

...Сумерки все сгущаются, и наконец плотная тьма наваливается на обожженную степным солнцем землю. Ложится роса, остree становятся запахи конского пота, полыни, чебреца.

Перевалив холм, мы спускаемся в низину, застланную сизым туманом. В лицо ударяет приятная свежесть. Но орудие останавливается — впереди завал из перевернутых и просто брошенных повозок и грузовиков. На дороге и по бокам — воронки. Вот где наворочали «юнкерсы». Мы принимаемся расчищать дорогу, но вскоре бросаем это дело.

— До утра так провозимся, — ворчит Гетман и тут же велит ездовым свернуть въезд.

Под копытами лошадей чавкает вода, гаубица мягко оседает в землю.

— Не застрять бы, — пугается Гетман.

— Ничего, выберемся, кони крепкие. В случае чего и пехота поможет.

Нас догоняет большая группа красноармейцев.

— А ну, ребята! — кричит Гетман. — Выручайте бога войны, иначе без огонька останетесь.

Человек сорок окружают гаубицу. Под гетмановское «раз, два — взяли!» ее вытаскивают на твердый грунт.

Летняя ночь коротка, а до Боровой еще порядочно, кони притомились. Они тянут плохо, часто останавливаются. Ездовые берегут коней и не понукают без особой надобности. Бойцы тоже устали, медленно бредут за упряжками, с наслаждением курят, прикрыв цигарки ладонями. В темноте от вспыхивающих огоньков слабо розовеют пальцы.

Некоторое время пехотинцы движутся рядом с нами. «Сила в пехоте, когда она прочно сидит в земле, — утверждают [65] они. — А если вырвать ее из траншеи или окопа, так надо подкрепить танком, хорошим артогнем. Тогда пехота пойдет вперед».

Незаметно приближаемся к Гороватке. Когда входим в село, то за Осколом, над темнеющим сосняком, уже сереет небо. Гороватка встречает нас непривычной мертвой тишиной. Лишь кое-где у белых домиков попадаются пустые повозки.

Временный мост через реку лежит прямо на воде. От трех пар лошадей и тяжелой гаубицы он оседает еще больше, и колеса по самые ступицы погружаются в воду. Левый пологий берег выводит нас на обширный луг. Он весь в росе и отливает серебром. В мокрых кустах уже таращат дергачи, да так, что хоть уши затыкай. Почему-то этот уголок вдруг напоминает мне родную Смоленщину. Такая же тихая река Угра, ровный луг кругом, темный бор, задумчивый, даже утром хранящий сухое тепло, скрип коростеля, высокое светлеющее небо, стряхивающее с себя обильные звезды.

Проселочная дорога змейкой тянется у подножия еще не пробудившихся молчаливых сосен. Впереди показывается опушка.

— Вот и оборудуем здесь огневую, — говорит Гетман, и тут же глаза его радостно округляются: — Товарищ политрук!..

Прямо на нас широко шагает Тюня.

— Здорово, хлопцы! — на ходу приветствует он артиллеристов. — Ну вот и снова вместе, Георгий!

Мы крепко обнимаемся.

— Твое орудие переправилось первым, — говорит Гетману Тюня. — Разумеешь, где занимать огневую?

— Вон там, — командир орудия указывает на опушку.

— Добре!

Гаубица катится, вдавливаясь в мягкую песчаную дорогу.

— А мы, друг, будем здесь встречать батареи.

Справа виднеется небольшой дубовый лесок, слева — село Гороватка. Прямо на запад уходит в гору растревоженная зеленая степь. По ней вниз к Осколу торопятся последние бойцы из группы прикрытия.

Тюня то и дело вынимает карманные часы. Маленькая стрелка уже перевалила за восемь. До момента появления фашистских самолетов времени остается совсем [66] немного, а батареи, дивизионы все еще не появились. Мы напряженно оглядываем широкий степной горизонт за рекой и ждем, ждем, мучаясь в догадках.

А время идет. Уже перебралась на левый берег колонна грузовиков, за ней тянутся подводы. Потом перегоняют по мосту большое стадо коров. И тут в небе раздается гул моторов.

— Девять, — смотрит Тюня на часы. — Точны, бисовы души.

— Сейчас начнут бомбить переправу!

— Пошли вон туда. — Тюня кивает на группу сосен метрах в трехстах от моста.

Ведущий «юнкерс» начинает разворачиваться, заходя на цель. За ним тянутся остальные. Горячая волна воздуха поднимает над Осколом жирную черную землю...

Так повторяется несколько раз. Запоздавшие пехотинцы ищут брода выше по течению. Мы с Тюней идем к бойцам, надеясь что-нибудь узнать о наших артиллеристах. Один из красноармейцев, бледный от потери крови, рассказывает, что вчера вечером видел две пушки:

— Одна без колес, перевернутая, другая — совсем в лепешку. Наверное, разнесло бомбой...

— Где точно?

— В балочке за Чернобаевкой, товарищ политрук. А кони побиты.

— Наши, — с болью говорит Тюня. — Из третьего дивизиона...

Бойцы рассказывают о гибели целого батальона нашей пехоты на Голой высоте. Там произошло страшное побоище: западный склон усеян трупами красноармейцев и гитлеровцев, стоят сожженные немецкие танки и бронетранспортеры.

— Из какого полка этот батальон? — спрашивает Тюня.

— А кто его знает...

Гетман открывает огонь по выскочившим из-за леска танкам.

Первый снаряд разрывается метрах в ста перед вражескими машинами. Командир орудия увеличивает прицел, и на этот раз земля взметается уже между танками. Тут же на вражеские машины обрушивает шквальный огонь батарея тяжелых корпусных орудий. [67]

Тюня, широко расставив ноги и сжав губы, хмуро смотрит за реку.

— Идем, — вдруг отрывисто бросает он мне и направляется к Осколу. — Там встретим своих.

Перебравшись через мост, минуем разбитые повозки и машины, взбегаем на крутой косогор, и вот — Гороватка. Село разрушено, повсюду полыхают соломенные крыши. Пожары никто не тушит: люди отсиживаются на левом берегу, в землянках и по оврагам.

«Мессеры» со звоном режут воздух, над железнодорожной станцией Боровая висят бомбардировщики. Со стороны станции тянутся черные космы дыма.

За Гороваткой выходим к полю кукурузы. Где-то за ним слева вдруг ухает тяжелое орудие.

— Наше, Георгий! — кричит Тюня. — Наше! Это же гаубица!

Мы ныряем в кукурузу. Метелки ее мягко бьют по лицам. Минут через пять выбираемся в открытую степь.

— Конечно наша! — И Тюня показывает в сторону дороги.

— Да, наша, — убеждаюсь и я.

В полутора километрах от нас движутся немецкие танки. На концах орудийных стволов поблескивают вспышки. Черные фонтаны земли вырастают то впереди, то позади, то по бокам от наших артиллеристов.

— Эх, накроют, гады! — От внутренней боли Тюня скрежещет зубами.

И вдруг упряжка останавливается как вкопанная. У щита гаубицы мелькают люди. Тут же гремит выстрел. У головного танка мгновенно вырастает пышный букет чернозема.

Фашистские истребители с остервенением накидываются на советских артиллеристов. Кони падают, гаубицу с передком заносит, и она встает поперек дороги. «Мессеры» идут на второй заход, но, увидев, что делать здесь больше нечего, резко отваливают в сторону и несутся к Боровой.

— Сволочи, — шепчет Тюня.

Гитлеровские танки прибавляют ходу. Их десятка полтора. Поблескивая в лучах утреннего солнца дульными срезами орудий, они вытягиваются в колонну и сворачивают на дорогу. Но, как только головная машина цепляется гусеницами за обочину, наша гаубица оживает. [68]

Дуло ее поворачивается навстречу врагу, вспыхивает пламя, и от тяжелого снаряда головной танк разваливается пополам, как спелый арбуз. В ответ разом грохочут орудия гитлеровских машин. Дым и пыль скрывают от наших глаз гаубицу, она умолкает.

— Все, — с отчаянием говорю я.

— Да, все, — тихо подтверждает Тюня. — Пошли, друг...

Но с места мы не трогаемся, все стоим у края кукурузного поля и смотрим на окутанную дымом гаубицу.

...Раскаленный диск солнца уже наполовину скрылся за дымным горизонтом и наконец будто провалился в пропасть. Тотчас начинает смеркаться. Немецкие танки почему-то поворачивают вспять и скоро исчезают в сумерках.

Неподалеку от нас раздаются голоса, слышится тяжелый топот ног. Тюня вскидывает голову, настораживается. Правая рука его тянется к пистолету. Но лицо тут же расцветает в улыбке:

— Это же наши хлопцы!

Мы срываемся с места и бежим на голоса.

Из-за небольшого холмика показывается группа бойцов. Впереди шагает капитан Тарнавский, сильно припадая на левую ногу. Следом бредет высокий политрук Ильченко с повязкой на голове. На самодельных носилках несут тяжело раненного командира взвода.

— Друзья! — взволнованно говорит Тюня. — Добро вы били ворога, очень добро!

И политрук поочередно крепко жмет руку Тарнавскому, Ильченко, прихрамывающему командиру орудия Кузьменко и всем уцелевшим артиллеристам. Он тут же раздает все свои папиросы, затем идет по рукам кисет с махоркой.

Глубоко затягиваясь дымом, Тарнавский устало, но спокойно рассказывает о событиях минувшего дня. Три орудия батареи прикрывали отход нашей пехоты. Артиллеристы сражались отчаянно, уничтожили с десяток танков и не меньше бронетранспортеров, но не позволили врагу отрезать путь отступления нашим пехотинцам. Однако и с батареей дело плохо.

— Одно орудие разбило вчера бомбой, — говорит Тарнавский, продолжая курить, — второе сегодня в полдень. [69]

Третье... Да вы сами видели, что было с третьим. А вот где Гетман — не знаю.

— Он уже за Осколом, — сообщаю я. — Вчера его расчет уничтожил четыре тяжелых танка.

— Хоть одно сохранилось, — облегченно вздыхает капитан и спрашивает у Тюни: — А как другие батареи, Иван Алексеевич?

— Никаких вестей.

— И от Саши Игнатьева?

— И от него.

Тарнавский умолкает, задумавшись.

— Ну, друзья, — поднимается с травы Тюня, — пошли к своим. Полк собирается за Боровой... [70]

На голой высоте

На следующее утро мы с Тюней продолжаем собирать артиллеристов и направлять их на пункт сбора, за Боровую. На дорогах и тропинках расставлены посты, мы ходим от одного к другому. Ждем. По проселку от хутора Подлиман мчится полуторатонка. Когда она поравнялась с нашим постом, я увидел в кабине капитана Захарова. Голова его в бинтах с пятнами засохшей крови. Заметив меня, он приказывает шоферу остановиться.

— Здорово, Василий! — подбегаю к нему.

— Политика, привет!.. А я вот, привез...

Не договорив, он кивает на кузов. Поднимаюсь на колесо. На плащ-палатке лежат бездыханные тела капитана Гонтарева и командира батальона из 617-го стрелкового полка капитана Иванова.

— Где подобрал?

— Вместе дрались с фашистами... Ты про побоище на Голой высоте что-нибудь слыхал?

— Да, немного, от бойцов.

— Вот там и погибли ребята... Вечером расскажу... Расспросив, где найти санчасть полка, капитан Захаров укатил туда.

В сумерках мы с Тюней разыскали Захарова. Начальник санчасти военврач второго ранга Федор Горжий обработал его раны и перевязал их. Теперь капитан чувствовал себя лучше. Сидел с нами, курил, рассказывал о том, что произошло неподалеку от Оскола.

В то трагическое утро начальник связи артполка подался с КП в третий дивизион. Командир полка Степанов приказал помочь командиру третьего дивизиона капитану Попову организовать отход и одновременно прикрыть [71] огнем батальоны 617-го стрелкового полка, покидающие передний край.

Путь из Щуровки лежал через села Савинцы, Кунье, Котляровка, Бахтын у самого берега Оскола. Там — переправа, а за железной дорогой место сосредоточения.

Артиллеристы замыкали боевые порядки пехоты, поминутно останавливаясь и приводя орудия к бою. Они били прямой наводкой по наседающим немецким танкам. В одной из схваток дивизион уничтожил около трех десятков танков и бронетранспортеров, но сам потерял все двенадцать орудий.

Захаров следовал вместе со старшим адъютантом штаба дивизиона лейтенантом Литвиновым. Его сразил осколок снаряда, а капитан чудом остался в живых. Пробираясь дальше в одиночку, он отклонился от маршрута и вновь попал в Бригадировку. Решил проверить, все ли имущество связи забрал Немировский. В блиндаже бывшего КП полка было пусто. Значит, сержант подмел все начисто. Но добрались ли они с Аней Архиповой до Оскола?

На окраине села капитана Захарова застала яростная бомбёжка. Но он остался невредимым и решил выбираться из него.

На выезде из Бригадировки скопились обозы пехоты и артиллеристов первого дивизиона. Многие повозки были разбиты, десятки лошадей лежали в лужах спекшейся крови. Знакомой штабной упряжки нигде не было видно. «Значит, выбрались», — с облегчением подумал Захаров и быстро зашагал на восток.

Солнце давно перевалило за полдень, когда перед ним открылась голая, как коленка, высота. Поднявшись на нее, капитан увидел двух бойцов. Они сидели в щели и наблюдали за степью.

— Что вы здесь делаете? — удивленно спросил Захаров.

— Танки немецкие выслеживаем, — ответил один из бойцов.

— Все отступают, а вы выслеживаете?

— Нам такую задачу поставили.

— Да вас же танки сомнут! Что вы двое против них?

— Не двое, а целый батальон. А командиром у нас капитан Иванов. [72]

— Постой-постой, значит, вы из шестьсот семнадцатого? Не раз бывал у вас под Чугуевом... Я из пятисотого артиллерийского.

— Так мы вас знаем, товарищ капитан!..

Один боец остался на посту, другой вылез из щели и повел Захарова к командиру своего батальона.

— Артиллерия пожаловала! — радостно встретил Захарова приземистый черноголовый комбат Иванов. — Где же ваши орудия? Вот бы кстати они были сейчас!

— Лучше скажи, чего ты здесь, на Голой высоте, торчишь с батальоном? — зло произнес Захаров. — Когда вы отрывались от противника, мы прикрывали вас своим огнем. Я думал, ты с батальоном давно за Осколом.

— Был бы, — хмурится Иванов. — Но мой батальон выделен в группу прикрытия основных сил дивизии. Вот бы усилить его вашими гаубицами!

Захаров вздохнул:

— Растрепали наш полк. Орудия остались без упряжек.

— Ну дела... А нас тут накрыла авиация... Да ничего. С места не сдвинулись. Правда, человек пять убито... Теперь ждем танки... Не с хутора, нет! — перебивает он пытающегося что-то возразить Захарова. — Они почему-то обходят этот хуторок.

— Откуда знаешь, что обходят?

— Разведка донесла. Да ты у нас не один из вашего пятисотого, Гоптарев тоже здесь, начальник вашей разведки.

«Миша?.. Вот кто наверняка знает, проследовал ли наш штабной обоз к Осколу. Сейчас же и разыщу его». Захаров поднялся, но его остановил командир батальона: наблюдатели оповестили о появлении немецких самолетов.

Обработав высоту, бомбардировщики убираются восвояси. После короткой паузы начинают рваться снаряды и мины.

— Ну, немцы подтянули пушки и минометы, — зло говорит Иванов. — А где ваши орудия, капитан?

Захаров молчит. Он хорошо понимает командира батальона, оставленного, можно сказать, голышом в степи. Гаубицы прикрыли бы его от танков, которые появятся с минуты на минуту, завязали бы дуэль с вражеской артиллерией [73] и минометами, оттянули бы огонь на себя. Но артполк остался без орудий...

Поблизости ахнул тяжелый снаряд. Иванов и Захаров присели в траншее и насторожились. Немцы стали быть интенсивней, но вскоре перенесли огонь и стали молотить по самой макушке высоты. Капитаны облегченно вздохнули: там не было ни одного бойца.

Иванов озабоченно выглянул из траншеи, приказал связисту узнать у командиров рот, велики ли потери. Но в ротах, как передали комбату, урон незначительный. По подсчетам комбата, человек двадцать легкораненых и около десяти убитых.

Однако стрельба усилилась. Обнаружив батальон на пути к переправе, фашисты стремятся смешать его с землей, кроют из орудий и минометов. Но неожиданно стрельба ослабела и прекратилась. Над высотой повисла опасная тишина.

— Не иначе как очередь за танками, — мрачно произнес Иванов.

Захаров согласно кивнул.

Фашисты не заставили себя ждать. Им надо быстрей подойти к реке, наладить переправы, двинуть силы на восточный берег Оскола. Появляются танки, за ними во весь рост идут автоматчики.

Иванов и Захаров разгадали замысел врага: перепахав бомбами и снарядами высоту, он проутюжит ее гусеницами, чтобы затем взять в плен уцелевших бойцов, а тех, кто не сдастся, выжечь автоматным и пулеметным огнем.

— Батарея и петеэр, к бою! — громко, чтобы слышали все, подает команду Иванов. — Приготовить ручные и противотанковые гранаты!..

Грозно надвигаются танки. Перед ними — горб высоты, а с него открывается вид на долину реки.

Бойцы молча глядят на приближающиеся машины. Мелькают черные кресты на боках, орудийные стволы, узкие смотровые щели, посверкивающие траки гусениц, низко вращающиеся орудийные башни, гнезда, из которых смотрят пулеметы.

Но танки не открывают огня.

— Психическую устраивают, в душу их... — сквозь стиснутые зубы цедит комбат, — Хотят, чтобы мы драпанули. Не выйдет! [74]

Минута, две, три... Гул стремительно нарастает, высота подрагивает от движения тяжелых машин. Танки так близко, что промазать из пушек по ним нельзя. Иванов понимает это и дает команду: «Крыть!»

Звучат первые залпы сорокапяток.

Пересыпая речь отборной руганью, Иванов передает команду «Крыть» из петеэр.

А танки все прут и прут. Раздается второй залп пушек, дружней прокатываются всплески выстрелов противотанковых ружей. Передние машины, словно споткнувшись, останавливаются и, к радости бойцов, начинают дымить. А самая первая, командирская машина горит, как подожженная бочка мазута.

Колонна в замешательстве останавливается. Из-за горящих машин немцы бьют по сорокапяткам, и те умолкают. Но выручают пехотинцы: под гусеницы фашистских танков летят связки гранат. Однако танков много. Замедлив было движение, они снова утюжат окопы и траншеи, а затем выползают на горб высоты и переваливают через него.

* * *

Ситуация создалась критическая. В считанные минуты надо было найти выход, принять решение.

«Танки проскочили, и с этим ничего не поделаешь. Но без пехоты и саперов танкисты сами не станут наводить переправы. А переправы, построенные нашими, наверняка уничтожены. Покружат немецкие танки на берегу да с тем и останутся. Значит, главное сейчас — преградить дорогу живой силе врага. Этим и займемся. Иного решения быть не может!»

Комбат быстро изложил свои соображения капитану Захарову. Тот поддержал боевого друга, и работа закипела. Узнав положение в ротах и убедившись, что они боеспособны, капитан Иванов немедленно отдал необходимые приказы и стал наблюдать в бинокль за подступами к высоте. Длинная колонна автомашин и бронетранспортеров спешила вслед за танками, которые уже окрылись за горбом.

Две оставшиеся сорокапятки, десяток противотанковых ружей и пулеметы ждали команды комбата.

Машины уже на подходе. Натужно воют моторы на крутизне. Но, разглядев впереди сожженные танки, гитлеровцы [75] останавливаются. Из машин высыпают автоматчики, выстраиваются цепочками и берут автоматы наизготовку.

— Эй, пулеметчики, огонь! — кричит Иванов.

Дружно и слаженно работают «максимы». Немецкие автоматчики, только что тянувшиеся к линии окопов батальона, быстро залегают и яростно отстреливаются. Когда пулеметы стихают, гитлеровцы опять вскакивают и несутся вперед. А пулеметчикам только это и надо! Перекрестными очередями они косят вражеских солдат.

В ходе боя Иванов разделил батальон на две части! одна продолжала прижимать к земле автоматчиков, другая отражала натиск бронемашин. Дело пока шло успешно. Бойцы подожгли три бронетранспортера и несколько автомашин, крытых синим брезентом. В рядах противника началось смятение.

«Еще одно усилие, еще один дружный ответный удар — и гитлеровцы не выдержат, покатятся назад», — подумал капитан Захаров.

Иванов мог бы ударить, выдвинув вперед правофланговую роту, но тогда остался бы без резерва и прикрытия. А это было неразумно. Он приложил все усилия, чтобы отбить атаку, не трогая резерва.

Тем временем на передний край батальона выдвинулись немецкие бронетранспортеры. Иванов и Захаров увидели, как разворотливые машины на бешеной скорости проскочили мимо первых траншей и резко затормозили. Из кузовов высыпали солдаты, не оглядываясь, вступили в бой.

Захаров понял, что теперь не миновать рукопашной. Люто сверкнув глазами, он проверил лежавшую рядом винтовку, вложил новую обойму в пистолет.

Ружейно-пулеметная трескотня на левом фланге не стихала ни на минуту. Потом достигла наивысшего накала. Теперь она вскоре должна прекратиться. Тогда бойцы поднимутся в штыковую.

Переведя взгляд вправо, на выжженный внизу хуторок, капитан Захаров заметил, что там остановилась наша полуторка. Но тут же забыл об этом. Его толкал в бок комбат Иванов:

— Ну, пора!..

В следующий миг комбат легко выпрыгнул из траншеи и, взяв винтовку наперевес, с криком «Ура! В атаку!» устремился [76] на врага. Вслед за ним, словно ветром, выдуло из окопа и капитана Захарова.

...Захаров машинально хватается за перевязанную голову, но тут же опускает руки и сжимает кулаки. Оглядел нас, минуты три молчит, припоминая что-то. Потом глухо говорит:

— Бежал я за комбатом и тоже кричал «ура», не слыша своего голоса. На том склоне все тогда потонуло в мощном раскате других голосов. Ведь за нами поднялся и устремился на врага весь батальон... Что было дальше — словами не

передашь! Дрались отчаянно. И своего добились. Батальон приковал к себе главные силы врага, задержал их продвижение. Выполнил задачу, ради которой был оставлен на склоне Голой высоты. А на рассвете из хуторка подкатила та самая полуторка... Мы с водителем отыскали Гонтарева и Иванова, вот и привезли сюда...

Мы с Тюней долго сидим молча, потрясенные услышанным. Капитан Захаров очень устал, пока говорил, и теперь лежит притихший. А когда мы прощаемся с ним, вдруг спрашивает:

— А как Немировский с Архиповой? Живы?

— Половины штабного обоза нет... Их тоже.

— Жаль радистов. Да и без рации как без рук, — вздыхает капитан.

* * *

Гаснет тихая июньская ночь над селом Стельмаховка. Мы с Тюней лежим на хрустящей соломе под яблоней. Остро пахнет с грядок укропом, сочным зеленым луком, молодыми завязями огурцов. А за садом в густой сини неба гудят бомбардировщики, иногда ухают тяжелые орудия. Обоим не спится, все думаем о схватке на Голой высоте, о гибели батальона, об Иванове и Гонтареве... Вспоминаем Немировского и Архипову. Погибли или попали в плен?

Сколько потеряно бойцов и командиров! Из 147 комсомольцев в полку уцелело лишь 87 человек. Завтра надо провести комсомольское собрание, рассказать об отличившихся, поднять боевой настрой у ребят. Впереди еще жестокие схватки с фашистами...

Тюня тоже лежит с открытыми глазами. О чем думает секретарь партийного бюро полка? Наверно, о том [77] же, о чем и я. И о партийном собрании, которое намечалось на завтрашний день.

Тюня грузно ворочается с боку на бок, потом негромко спрашивает:

— Ну что, Георгий?

Мне показалось, что Иван Алексеевич хочет отвлечься от тяжелых мыслей. И я сказал, что думаю о том, как хороша ночь.

— Да, дружище, чудесная ночь! Все в такие минуты припоминается. — Голос у моего друга делается мягким, проникновенным. — Родное село мое Макишин на Черниговщине, километров на семь в длину протянулось. И все в садах... Там у меня сестра Алена. А братан Григорий на флоте, его призвали на год раньше меня... А еще болит сердце по жене и сыночку. Как-то они там? Сынок у меня Василечек-колокольчик.

— А где они остались, Иван Алексеевич?

— В Пилипчах, у тещи. Там и садик у старой, такой, как этот...

Над садом в сторону Оскола проносятся наши бомбардировщики. Мы умолкаем и прислушиваемся: скоро на западном берегу Оскола, занятом немцами, глухо раздаются разрывы бомб.

...Утром 24 июня меня и Тюню вызывает комиссар полка Телушкин. Когда мы вошли в хату, где он остановился, сразу заметили, что Михаил Васильевич мрачен. Там же находился батальонный комиссар Андрей Никанорович Цыбульченко.

— Вот что, товарищи, — говорит Телушкин, как только мы доложили о себе, — надо провести партийное и затем комсомольское собрания. К собраниям следует хорошо подготовиться. Желательно, чтобы высказалось как можно больше коммунистов и комсомольцев. То, что нам пришлось отступить за Оскол, произвело на некоторых удручающее впечатление... Его необходимо рассеять. Война не кончилась, впереди нас ждут еще жестокие бои, к ним надо быть готовыми.

Хлопот в связи с подготовкой собраний у нас с Тюней много. После тяжелого отступления ряды коммунистов и комсомольцев поредели, ведь полк потерял за эти роковые дни около трети личного состава.

Ровно в двенадцать дня 25 июня начинается партийное собрание. Колхозный клуб подготовлен нами неплохо, [78] хотя в оконных рамках нет стекол — их вышибло во время бомбёжек. Открывает собрание секретарь партбюро политрук Тюня. Загорелое лицо Ивана Алексеевича сурово, вокруг умных глаз углубились морщинки, взгляд стал острей и строже. На крепкой загорелой шее ярко выделяется полоска белого подворотничка.

За столом президиума кроме Тюни командир полка подполковник Л. Н. Степанов, комиссар — батальонный комиссар М. В. Телушкин, агитпроп полка батальонный комиссар А. Н. Цыбульченко, командир орудия старший сержант И. И. Гетман, командир батареи, в бою принявший на себя командование дивизионом, капитан А. Н. Тарнавский и командир первого дивизиона майор Т. Б. Кащенко.

Тарнавский неотрывно смотрит куда-то в зал. По выражению лица нетрудно догадаться, что мысли его там, на высотах, где насмерть бились с врагом батареи дивизиона. Впрочем, недавними жестокими испытаниями жил весь полк, и не у одного Тарнавского в глазах залегла скорбь. Но в речах выступающих нет уныния. Разговор идет откровенный и честный. Люди полны решимости драться до последней капли крови и горячо верят в победу. Говоря об этом, приводят примеры мужества и стойкости своих товарищ, подчиненных.

Захаров все еще находится в санчасти, поэтому Тюня рассказал о гибели батальона капитана Иванова ради спасения главных сил диви-зии, о геройской смерти капитана Михаила Гонтарева и о ратном подвиге начальника связи нашего артполка капитана Василия Захарова.

Андрей Никанорович Цыбульченко поведал о поединке сержанта Немировского с немецкими танками и его смерти на поле боя.

Желающих высказаться оказалось много, и каждого внимательно слушали коммунисты. В заключение выступил комиссар полка М. В. Телушкин.

— Да, — сказал он сурово, — мы остались с одной гаубицей. Но полк жив, и люди готовы стоять насмерть, как прежде. Отступление не только не сломило нашего духа, но укрепило его!..

После партийного собрания командир и комиссар полка уехали в штаб дивизии. Когда они возвратятся, станет ясно, что делать нам, артиллеристам, оставшимся с [79] одной пушкой-гаубицей: ждать матчасть здесь или следовать за получением ее в тыл.

* * *

На комсомольское собрание пришли девяносто молодых артиллеристов. Три человека появились только сегодня, они выходили из окружения во главе с командиром огневого взвода лейтенантом Александром Охрименко.

От партийного бюро полка присутствовали политрук И. А. Тюня и агитпроп А. Н. Цыбульченко. Андрей Никанорович пришел специально, чтобы рассказать о героическом поединке комсомольца сержанта Алексея Немировского с немецкими танками.

— Об этом подвиге должны знать все, — волнуясь, начал батальонный комиссар.

А дело было так.

Алексей Немировский с радиострелкой Архиповой, попав под бомбёжку, отбились от штабного обоза. Их повозка вихрем влетела в село Чистоводовка, где находился и сам Цыбульченко, следовавший со штабом 2-го дивизиона. Круто развернувшись, упряжка радиострелков дышлом врезалась в ствол высокого темного дуба. Вылетевшие с повозки Немировский и Архипова едва успели укрыться в траншее поблизости, как снизившийся «мессер» дал длинную очередь по упряжке. Кони пали, скошенные пулями, а сержант с Аней мгновенно открыли огонь по «мессеру».

Когда самолеты отхлынули, радисты вылезли из траншеи и осмотрели рацию. РБ-6 была разбита.

Начался новый налет, Немировский с Архиповой принялись палить по самолетам из карабинов. И тут произошло чудо! Один из «мессеров», не выходя из пике, врезался в землю.

Вскоре небо над селом очистилось. Наши радисты, подхватив вещмешки и оружие, перебегая от дерева к дереву, от дома к дому, стали выбираться из села. Тут они и увидели немецкие танки.

Не теряя времени, Немировский и Архипова спрыгнули в ближайшую траншею и принялись наблюдать за автоматчиками.

Все это видели находившиеся неподалеку Цыбульченко и командир 2-го дивизиона капитан Попов. Чтобы помочь [80] радистам, капитан Попов послал связного в одну из батарей с приказом ударить по танкам. А танки направляют орудия на дома. Они настолько близко от траншеи, где сидят Немировский и Архипова, что невооруженным глазом можно рассмотреть на броне черные кресты в белом окаеме, смотровые щели в лобовых и боковых щитах, вмятины и царапины от пуль и снарядов. Танки стоят, моторы работают на малых оборотах. Гитлеровцы, видимо, изучают село. Но длится это недолго.

Гулкие удары танковых пушек рассекают тишину. Не успел отгреть залп, как тут же ревут моторы. Танки почти разом приходят в движение.

Левее села дважды рявкает наше тяжелое орудие. От метких снарядов приподнялась и свалилась на землю башня одной машины, забуксовала на месте вторая.

Танки гремят слева и справа. Слышится немецкая речь. Это за машинами торопятся автоматчики.

Приподнявшись над бруствером, Немировский замахивается и с силой швыряет связку гранат под ближний танк. Раздается взрыв, танк останавливается. Еще бросок — и уже вертится на одной гусенице следующая машина.

Выбравшись из траншеи, отважный сержант успел швырнуть в цель третью связку гранат и рухнул на землю, сраженный осколками разорвавшегося вблизи снаряда...

— Пришла очередь нам вступить в схватку с танками врага, — говорит после паузы батальонный комиссар. — А когда уже ночью мы с капитаном Поповым нашли траншею, где оставалась Архипова, когда разыскали танк, перед которым упал Алексей Немировский, то ни его трупа, ни трупа радистки не обнаружили. Так и осталось это для нас загадкой...

В зале колхозного клуба воцаряется напряженная тишина.

— Дайте мне слово! — поднимается вдруг белозубый пышноволосый лейтенант Саша Охрименко и медленно направляется к трибуне.

«Что он может знать?» — мелькает у меня мысль.

Взглядываю на Цыбульченко и Тюнью. На лицах агитпропа и секретаря партбюро полка застыло недоумение.

А Саша Охрименко уже дошел до трибуны. [81]

— Товарищи, — звенит его голос. — Как известно теперь, под селом Чистоводовка в бою с врагом была разбита наша первая батарея. С наступлением сумерек все, оставшиеся в живых, собрались вместе и двинулись к Осколу... Вот тогда-то в трех или четырех километрах от реки мы и набрели на свежий могильный холмик. Над ним увидели что-то вроде памятничка из пяти снарядных гильз. Четыре гильзы были почти полностью в земле, а на пятой, что была воткнута в грунт наполовину, чем-то острым было нацарапано: «Здесь похоронен сержант А. М. Немировский, павший смертью храбрых в боях с фашистами».

— Как туда попал Немировский?

— Кто мог столько километров нести покойника?

— От каких снарядов гильзы на могиле?..

Вопросы из зала сыпались один за другим. Ответить на них не мог никто из нас.

* * *

Из штаба дивизии командир и комиссар полка привезли приказ — двигаться в глубокий тыл.

Раннее утро. Протяжно и призывно поют рожки горнистов. Мгновенно оживают сады, по селу слышатся хриплые со сна голоса. После короткого завтрака полк строится подивизионно. Подполковник Степанов громко читает приказ:

— Отходить... Ближайший пункт — Россось, Воронежской области...

Как стоим, так и трогаемся в путь: 1-й, 2-й, 3-й дивизионы, штабная батарея, обозы. Замыкает колонну единственная пушка-гаубица старшего сержанта И. И. Гетмана, уцелевшая после боя в степи.

Мы с Тюней шагаем рядом, долго молчим. Да и о чем говорить?

Невеселое дело — отмеривать километры на восток.

За молодым леском спускаемся в лощину. Тюня вдруг торопливо открывает планшетку, приседает на корточки, достает карту, сверяется с местностью. Потом тычет пальцем в квадрат, где тянется голубая жилка реки, гладь которой поблескивает неподалеку от нас, тревожно смотрит на меня.

— Видишь, друг? Эта речка протекает уже не по Украине... [82]

В голосе его боль и ненависть, такая ненависть к врагу, какая только способна взрасти в человеческом сердце.

Заправив карту в планшетку, он наклоняется и долго скребет в ладонь сухую, неподдающуюся землю. Потом выпрямляется, нюхает ее и медленно сыплет серо-черные комочки к своим ногам.

— Мы еще вернемся к тебе, батьковщина! — тихо, но твердо говорит политрук. [83]

Дни испытаний и мужества

Куда мы идем? Этого не знает никто. Все время ждем, что вот-вот остановимся, получим пушки, пополнение — и снова назад, на фронт. Но наша мечта не сбывается. Многие артиллеристы начинают роптать.

Мы с Тюней держимся вместе, только на привалах расходимся по дивизионам. Фашисты на нашем пути сбрасывают листовки, в которых хващают своими победами, и при этом изрядно лгут. Пишут, что ими заняты даже те населенные пункты, что лежат впереди нас.

— Нужно разоблачать врага, — говорит Тюня. — Бойцы должны знать правду. А листовки необходимо собирать и жечь. У тебя достаточно комсомольцев, мобилизуй на это ребят.

Так мы и поступаем.

В селе Белогорье делаем большой привал. Оно тянется по-над Доном, все утопает в садах. Фронт далеко, лишь на вечерней зорьке слышим отдаленный гул орудий. Но гитлеровцы в листовках, сброшенных над селом, уже объявили Белогорье своим, сообщают, что они захватили его еще два дня назад и теперь форсируют Дон по всему фронту.

— Видите, как лихо брешут фашистские пропагандисты! — собрав в кружок артиллеристов, объясняю я. — Нельзя верить ни одному их слову.

Тюня стоит рядом. Лицо его вдруг оживляется, в глазах мелькает улыбка.

— Слышал я историю одну, — обращается политрук к окружающим его бойцам. — Заспорили как-то два пана, какой писатель лучше пишет. «По-моему, — говорит один, — наилучше пишет Лев Толстой. Читаю — и каждое [84] растение, каждую травинку вижу, как живую». «Ну, тогда лучше пишет Иван Тургенев!» «Не!..» — возражает другой. «Ну, тогда лучше пишет Иван Тургенев!» «Не!..» — говорит тот снова. А рядом стоял крестьянин. Слушал он, слушал этот панский спор да и брякнул: «По-моему, лучше всех пишет судебный пристав. Он как опишет, так до последней сорочки!» А немцы, друзья мои, того судебного пристава переплюнули.

В ответ раздается дружный хохот, лица людей светлеют.

Пока дымят по садам походные кухни, мы собираем фашистские листовки, складываем их в кучу и поджигаем. Потом спускаемся к Дону, купаемся, и усталость снимает как рукой.

После обеда в саду вокруг Тюни снова собирается народ: артиллеристы, разведчики, связисты, писари. Приходят командиры и комиссары батарей. Лейтенант Александр Охрименко и Тюня, оба отличные рассказчики, наперебой сыплют шутками и побасенками.

Громкий хохот несется над яблонями. А в пути бойцы не раз пересказывают услышанное, заставляя улыбаться своих товарищей.

...Вечером 7 августа мы входим в Сталинград. Город ощетинился глубокими рвами, траншеями, бастионами, подготовился к схватке с врагом.

Из сводок Совинформбюро мы знали, что войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов ведут тяжелые бои с противником, который прорвался к западному берегу Дона у Калача и продолжал наносить удары вдоль дороги Абганерово — Сталинград.

Все в Сталинграде дышало войной. В больницы и госпитали непрерывно прибывали раненые. С Тракторного и других предприятий спешно отправляли на фронт эшелоны с танками, орудиями, минометами, боеприпасами. Из-за Волги, пока мы шли к Красным казармам, плотно и густо двигались воинские части. Они направлялись к Дону. Здесь гитлеровцы уже заняли весь правый берег — от Серафимовича до Нижне-Чирской, стали под Клетской и Сиротинской. Бои шли в районе Калача, в излучине Дона.

4-я танковая армия фон Готта нависла над Сталинградом с юго-запада. Форсировав Дон, она заняла на восточном берегу станицу Трехостровская. В эти же дни враг [85] отчаянно рвался к Бекетовке, стремясь перерезать Волгу. Местами фашистов отделяло от реки всего 30-35 километров...

Утро 17 августа. Солнце, слегка подрумянив небосклон, надолго скрывается за тяжелыми, свинцовыми тучами. Накрапывает мелкий дождик. Но артиллеристы не замечают непогоды, они радостно возбуждены! Полк наконец обрел боеспособность — получил 76-миллиметровые орудия. Их только что привезли с завода тягачи на гусеничном ходу!

Но кое-кто разочарован: длинноствольные приземистые пушки не так мощны, как гаубицы.

Начинаются занятия. Расчеты осваивают новую, незнакомую систему.

Наш 500-й реорганизуется в истребительный противотанковый артиллерийский полк резерва Главного Командования. Сокращенно нас теперь называют так: 500 иптап РГК. У всех особые нарукавные знаки: желтые перекрещенные стволы орудий на черном фоне в форме овала.

Темной августовской ночью мы покидаем Сталинград. Батарея за батареей, взвод за взводом, орудие за орудием. По пустынным улицам далеко слышен скрежет гусениц, мягко шуршат орудийные колеса. Никто нас не провожает, лишь случайные прохожие, завидев колонну, останавливаются и долго смотрят вслед.

* * *

Еще в темноте полк прибывает на железнодорожную станцию Котлубань. Фашисты подошли к ней почти вплотную, подтянули танковые части. Отсюда Паулюс думает нанести главный удар по Сталинграду, расчленить защищающие его войска, а затем отбросить на север и за Волгу.

Здесь, под Котлубанью, выявляется самое танкоопасное направление, и сюда командование бросает свои резервы, в том числе наш 500 иптап.

За ночь степной ветер расшвыривает тучи. Утро начинается появлением узкой, но очень яркой полоски за Волгой. На листьях деревьев и порыжевшей траве дрожит матовая роса. Едва показывается солнце, как из-за Дона вырываются длиннохвостые «мессеры». Проснулись вражеские батареи. Издали возникает и, потрясая степь, катится [86] на восток орудийный гром. Тяжелые снаряды и мины накрывают здания железнодорожной станции и животноводческие постройки совхоза «Котлубань». После ураганного обстрела появляются немецкие танки. Гитлеровцы продвигаются быстро, торопятся и за ретивость свою тут же расплачиваются. Дружно бьют петеэрские ружья пехоты и сорокапятки. Несколько машин со свастикой начинают дымить, остальные откатываются назад.

Вторую атаку также отбиваем без особого труда. Но вот третью... Она началась вскоре после полудня. С таким ожесточенным напором я еще не сталкивался.

Вражеские танки еще не успевают показаться, как от их мощного гула начинает дрожать земля. Разведка доносит: противник движется от хуторов Вертячий и Паньшино. Рев моторов нарастает, сливаясь с ревом самолетов, обрабатывающих наш передний край. Бомбардировщики и истребители пикируют с включенными сиренами, строчат из пулеметов и пушек, сбрасывают вместе с бомбами куски железнодорожных рельсов. Словом, гитлеровцы стараются произвести как можно больше устрашающего шума.

За первой волной самолетов налетает вторая, потом третья, четвертая... Я сбиваюсь со счета. Из-за Дона снова накрывают нас снаряды и мины. Оглушительно грохочут разрывы над передним краем. Стонет степь, горит сухая трава, горит созревшая и неубранная пшеница. Жаркое пламя пожаров накаляет даже воздух. Земля, кустарники, луга — все обугливается.

Но мы стоим, хорошо окопавшись. Никто не дрогнул перед врагом, не побежал. Командир 1-й батареи капитан Тарнавский во время всех стычек находится на КП стрелковой роты, откуда корректирует огонь батареи. Мы с Тюней обосновываемся на огневой. Политрук пробирается от орудия к орудию, подбадривает бойцов. И вдруг разрывы кольцом охватывают батарею. Воздушной волной Тюню сбивает с ног, и он катится по перепаханной фугасками, усеянной горячими осколками земле.

Поднявшись на ноги, Иван Алексеевич отряхивается и гудит:

— Чуть бы поближе, и... геройски погиб при исполнении служебных обязанностей.

Гетман отрывается от бинокля и с искренним удивлением, [87] но радуясь, что все обошлось благополучно, говорит:

— А я было подумал, что вам, товарищ политрук, крышка.

— Меня коли стукнет, так насовсем, — невозмутимо отвечает Тюня. — А как у тебя дела во взводе?

— Все целы. Ждем фашистов, встретим их как положено.

— А положено таких гостей встречать прямой наводкой!

Гетман снова внимательно наблюдает в бинокль за происходящим и наконец уверенно говорит:

— Обработка переднего края закончилась. Сейчас они опять дадут нам огонька и пойдут в решительную... танками...

Новый артиллерийский налет оказывается еще более лютым. Снаряды и мины буквально вспарывают землю. Мы задыхаемся в едком пороховом дыму. Когда канонада стихает, впереди и немного левее фронта батареи начинают резко хлопать противотанковые ружья.

— Ну, петеэрцы начали крестить, — выглядывает из своего окопа Гетман. — Всю степь задернуло дымкой. Где враги и где свои — не разберешь.

Настойчиво зуммерит телефон. Гетман берет трубку и плотно прижимает к уху. Кинув острый взгляд на орудия, начинает громко передавать команды Тарнавского:

— По фашистским танкам, бронебойными!..

На батарею в клубах черного дыма надвигаются вражеские машины. Они ползут двумя потоками. И раскатистый гул разносится над неоглядной ширью перезревших хлебов. В окулярах бинокля фиксируются черные кресты на броне, вмятины на боках, сверкающие на солнце гусеницы.

— Видишь, Иван Иванович, автоматчиков за танками? — обращается Тюня к Гетману.

— Прут, проклятые, по пшенице.

— Маскируются.

— Ну уж угостим!

Опять зуммерит телефон. Гетман рывком срывает трубку и тут же кричит командирам орудий:

— По фашистским танкам, бронебойными!.. Прицел двадцать!

Тюня вопросительно смотрит на меня. [88]

— Двадцать, Георгий?

— Да, — подтверждаю я и поясняю: — Капитан, видимо, решил подпустить поближе немецкие танки и ударить наверняка.

— Это хорошо, — соглашается Тюня.

Но едва орудия изготавливаются к стрельбе, как выскакивают «юнкеры» и обрушаиваются на батарею десятки бомб. Черной клубящейся пропастью вскипает перед орудием сержанта А. И. Иванова воронка. На щит сыплются земля и камни, со свистом брызжут горячие осколки.

— Анатолию, видно, крышка, — неотрывно гляжу я на огневую.

— А может, и нет, — возражает Тюня.

И верно, над ячейкой вскоре появляется пилотка сержанта.

Откуда-то со стороны наша пехота начинает бить по немецким танкам трассирующими пулями, пули молниями прошивают дым, раскалываются о броню и рассыпаются множеством быстро гаснущих искр. Это — указание цели

артиллеристам. В отрывистые и частые хлопки противотанковых ружей включаются» заливищные голоса пулеметов. Они отсекают автоматчиков от танков. Поблизости от нас плещут выстрелами сорокапятки.

Снова зуммерит полевой телефон: это Тарнавский приказывает открыть огонь.

Новый залп, еще и еще... Мы с Тюней громко подбадриваем артиллеристов:

— Так им, хлопцы, так!

— Бей их, коричневых, Гетман!

— Огонь! — азартно и словно злясь, командует командир взвода Гетман.

Орудия снова подпрыгивают, роют станинами землю, и между танков взлетают черные фонтаны. Батарея бьет и бьет. Покореженные гусеницы юзом сползают с катков, стальные машины вертятся на одном месте. Снаряды с лязгающим торжеством впиваются в бока танков, из пробоин вырываются дым и пламя.

— Три горят! — кричит кто-то.

Снова залп. Густо дымит тяжелый танк. И вдруг на предельной скорости мчится вдоль переднего края. Вероятно, экипаж старается сбить пламя.

— Прицел меньше два, огонь! — И Гетман даже повисает на бруствере окопа грудью. — Огонь! [89]

Но орудие сержанта Кости Кузьменко окутывается дымом и умолкает.

— Что там? — тревожится Тюня.

На огневую Кости Кузьменко, грохоча по примятым и осыпавшимся окопам, весь в дыму мчится тяжелый танк. Второе орудие бьет по врагу, насыдающему слева, и выручить товарищей сержант Анатолий Иванов не может.

— Кузьменко, ты что? — весь побагровев от натуги, кричит Гетман и смаочно ругается.

«Наводчика, наверно, убило», — догадываюсь я и высакиваю из окопа. Но Тюня опережает меня. В несколько прыжков он добирается до орудия и тут же приникает глазом к прицелу. Щелкает замок, бронебойный снаряд плотно входит в казенник. Политрук открывает рот, чтобы не оглохнуть от выстрела, нажимает на рычаг спуска, откидываясь назад. Стальная громадина, словно напоровшись на невидимое препятствие, завертелась вокруг своей оси. Перебитая гусеница остается лежать на земле.

Вторым снарядом Тюня зажигает еще один танк, выскочивший метрах в двадцати от орудия. Вот когда пригодились политруку весенние уроки: не зря он учился стрелять из орудия. Как в воду глядел! Тюню сменяет запасной наводчик. Сплевывая песок, политрук сползает к нам в окоп.

— Где же они? — вдруг встревоженно спрашивает Тюня и оглядывается.

— Кто? — поворачиваюсь к нему.

— Да гранаты.

Припасенные им на всякий случай противотанковые гранаты присыпаны землей, отвалившейся от стенки окопа.

— Может, еще понадобятся. — И Тюня бережно смахивает с гранат землю.

После короткой передышки гитлеровцы идут в четвертую, самую длинную и самую злую атаку. И гранаты действительно выручают Тюню. Политрук пускает их в дело под вечер, когда вражеские машины, смяв пехоту, врываются в расположение батареи.

Пушки Тарнавского уже не стреляют — кончились боеприпасы. От гула и грохота, казалось, сотрясается даже небо. Бомбардировщики и истребители тучами висят над нашими позициями. Гитлеровцы, видимо, решили смять нашу оборону и прорваться к Тракторному заводу. [90]

Удары танков принимает на себя батарея старшего лейтенанта И. Ф. Шалаева. Ему помогают минометчики. Но их огня недостаточно. Пять или шесть немецких машин прорываются через завесу огня и устремляются нам в тыл.

— Иван Иванович, на нас! — предупреждает политрук Гетмана.

Подготовив гранаты, мы сидим на дне окопа. Танк, весь в земле и копоти, как в столетней коросте, хищно бросается на нас и тут же оседает. Страшно дымя отработанными газами, он ревет, рвет бруствер гусеницами, все больше срываая с краев землю.

Спрятавшись за изгиб траншеи, Тюня бросает одну за другой две связки гранат. Танк вздрогивает, окутывается дымом и замирает.

— Готов! — Тюня пилоткой смахивает со лба пот, размазывая его по лицу.

— Второй! — предупреждает Гетман, высунувшись из окопа.

Но с другим танком разделяются соседи. Неподалеку рвет воздух замаскированная гаубица. Тяжелый снаряд начисто срезает башню и откидывает ее в сторону. И тут же впереди раздается победный крик:

— Ура-а-а!!!

Это поднимается в контртакту наша пехота. Следовавшие за своими танками гитлеровские автоматчики показывают спины.

— Вот это здорово! — кричит Тюня и устало опускается на землю. — Так всегда и надо! — Потом смотрит на меня, улыбается чему-то своему и неожиданно говорит: — Сейчас бы на твою Смоленщину да в прохладную речку с головой. Добре!

— Да-а, — тянет Гетман. А помолчав, добавляет: — Ну, теперь, кажись, все. Сегодня уже не полезут. Всыпали им крепко, да и вечер.

Солнце закатывается в сплошном дыму. Когда диск его цепляется за край степи, по ней бегут длинные тени, и сразу начинает смеркаться. Повсюду горит пшеница, и широкое пламя перекидывается с одного кургана на другой.

— Все горит, — тихо говорит Гетман. — И какой хлеб горит!

Я спешу в блиндаж командира взвода, чтобы собрать [91] комсомольцев и подытожить, что сделано ими за этот жаркий боевой день. Потом надо выпустить боевой листок, рассказать о смерти комсомольца наводчика Петрова.

* * *

...Под яркими высокими звездами мы сидим с Тюней на КП капитана Тарнавского. Он принимает доклады командиров взводов.

— Только, чур, друзья, — предупреждает Тюня, — не хвастать. Танк, уничтоженный только в докладе, завтра снова попрет на нас.

Тарнавский усмехается: за лейтенантом Смирновым, которого имеет в виду политрук, водится такое. Он иногда любит «уничтожить» в докладе лишнюю огневую точку.

— Первый взвод спалил три танка, товарищ капитан, — рапортует Смирнов, — уничтожил три крупнокалиберных пулемета.

— Второй взвод сжег пять танков, — докладывает Гетман. — Подавлена одна огневая точка. Автоматчиков не считал.

— В отношении танков — точно, — соглашается Тарнавский, — сам видел, а вот насчет огневой точки... Как, Тюня, поверим на этот раз? — Капитан подмигнул политруку: мол, давай разыграем Гетмана.

— Сомнительно что-то, — переглянувшись с Тарнавским, замечает Тюня.

— А я справку представлю, — отшучивается Гетман.

— От кого? — не понимает иронии Тарнавский.

— Могу от самого фон Готта, командующего четвертой фашистской танковой армией.

В блиндаже дружно смеются.

Уточнив затем количество убитых и раненых артиллеристов, Тарнавский пишет донесение в штаб полка.

— Умаялся я, — наконец отложив в сторону бумагу и карандаш, как-то по-домашнему говорит он.

— Ты сосни, — советует Тюня. — А мы вот, — кивает на меня, — побудем на свежем воздухе.

Тарнавский тут же растягивается на тюфяке, прихваченном заботливым ординарцем.

Мы усаживаемся на отвесной стенке хода сообщения. Дым над полем боя рассеялся, августовское небо усыпано звездами. Они светятся ярко и чисто. Невдалеке пылают [92] здания железнодорожной станции и совхоза «Котлубань». Багровые языки клиньями врезаются в густую синеву ночи. За нашими спинами в треть неба еще одно зарево. Оно то уменьшается в размерах, то вытягивается к звездам. Это горит Сталинград.

Мы сидим долго. Изредка перебрасываемся отрывистыми фразами, смотрим на пожарища, прислушиваясь к беспорядочной ночной перестрелке. На сердце тяжело. Но не так, как во время летнего отступления. Теперь мы не только видим все еще сильного и наглого врага, но уже крепко бьем его.

Как бы отвечая на мои мысли, Тюня медленно, но твердо говорит:

— Ничего, Георгий. Не пустим фашистов к Волге. Они уже не те стали, что были на Украине. Сдавать начали, хотя жмут еще крепко и к Волге нас отогнали. Заметил я, торопится враг. Атакует без отдыха и авиацию гонит чуть свет. Летом, когда мы отступали, такого не было.

— Это потому, что получают достойный отпор.

— Верно, деремся добре.

— Иначе нельзя: за спиной Волга.

Тюня задумчиво шарит глазами по небу, поворачивается в сторону горящего Сталинграда, долго молчит и наконец тихо, в глубоком раздумье произносит:

— Признаюсь тебе, до самого этого дня не допускал я мысли, что моя дорога на Украину, к моей семье, к школе, к счастью пройдет через этот пылающий город на Волге... Далече забросила нас война, — помолчав, добавляет он. — Еще будет трудно, но врага разобъем. Это уж точно...

Поблизости раздается голос:

— Товарищи, где тут Тарнавский?

— Кто его спрашивает?

— Посыльный из штаба полка. Пакет доставил.

Я веду связного к командиру батареи, следом в блиндаж заходит и Тюня. Капитан Тарнавский вскрывает пакет и достает приказ: немедленно сняться с огневых позиций и к пяти утра окопаться на новом танкоопасном направлении.

— Командиров взводов ко мне, — требует Тарнавский. И говорит им, когда те выстраиваются рядом: — Сниматься, товарищи... [93]

Всю ночь полк находится в пути. На рассвете 19 августа батареи окапываются на восточном склоне безымянной высоты среди желтого моря пшеницы. Вдали, на краю широкой зеленой впадины, виднеется большое село Ивановка, левее его поблескивают мокрыми от росы крышами хутор и железнодорожная станция Тундугово. Вчера мы дрались на западе от Сталинграда, теперь встали на пути врага южнее города. Здесь, по сведениям разведки, фашисты намереваются вбить в нашу оборону танковый клин, ворваться в Красноармейск и из него двинуться берегом Волги к Сталинграду.

Мы с Тюней обходим батареи, беседуем с бойцами, пускаем по рукам боевые листки, выпущенные накануне перееезда под Ивановку. Их охотно читают. Боевые листки заканчиваются призывом стоять и на этом участке так же прочно, как под Котлубанью, не дать врагу продвинуться вперед ни на шаг.

— Не видать фашистам Красноармейска как собственных ушей! — таков единодушный ответ артиллеристов на эти призывы.

В блиндаже батареи, которой командует старший лейтенант Игнатьев, провожу заседание комсомольского бюро полка. Выносим постановление выдать рекомендации для вступления в ряды Коммунистической партии наводчику Николаю Шемардину и рядовому бойцу Лядову. Оба бесстрашные воины, на счету у Шемардина уже три уничтоженных немецких танка.

И вот новый день. Он еще только-только загорается полосой на востоке, а в воздухе уже неспокойно. Бой, как и под Котлубанью, начинается с восходом солнца. И поражает он нас одной примечательной деталью.

Сперва перед фронтом, словно дразня нас, долго маячит десяток вражеских танков. Стрелять нельзя, они далеко. Потом вспыхивает шальная, беспорядочная пальба. Немецкие батареи ведут ураганный бесприцельный огонь по нашим позициям более часа. Мы наблюдаем за ними все время. И создается у нас впечатление, будто фашисты отходят и стреляют лишь для того, чтобы отвлечь наше внимание. Это за ними наблюдалось и раньше. Но вдруг наступает тишина, та самая, за которой жди атаки. И чем внезапнее она, тем ожесточеннее.

Так происходит и на этот раз. Но вначале мы никак не можем понять, что делается перед фронтом батареи. [94]

Из-за Ивановки, колыхаясь из стороны в сторону, выползла какая-то темная лавина.

— Что это? — удивляется Тюня.

— Не знаю, — пожимаю плечами и я.

Лавина пока далеко, и разобраться, что там такое, даже с помощью бинокля невозможно. Лишь когда зеленовато-грязная толпа приблизилась, мы начали различать в ее гуще отдельные фигуры.

— Автоматчики? — предполагаю я.

— Не, — возражает Тюня. — Что-то не то...

— Как хотите, а это фрицы! — горячо говорит командир батареи старший лейтенант Игнатьев, глядя в бинокль.

— А вот и танки, — вдруг сообщает Тюня. — Вон, вон ползут по краю балочки.

Танки, к нашему удивлению, движутся позади людей. Опять возникают споры: что бы это означало? Наши сомнения разрешаются в тот момент, когда на КП командира батареи врывается запыхавшийся связной от командира пехотного батальона, окопавшегося впереди.

— Фашисты румын гонят прямо на нас! — кричит он и указывает рукой в сторону лавины. — На убой гонят! Вот сволочи!

Три батареи — 2-я, 3-я и 4-я — стоят на закрытых позициях.

1-я и 5-я, принявшие вчера главный удар вражеских танков, расположены уступом сзади.

Комбат Игнатьев быстро готовит данные для стрельбы, проверяет их, берет телефонную трубку и хрипло командует на батарею:

— По пехоте противника!..

Проходит несколько минут. Лавина неотвратимо приближается к нам.

— Огонь! — кричит в трубку старший лейтенант Игнатьев.

Люди в зеленовато-грязной форме мечутся по всему полю, падают, вновь вскакивают, бегут вперед, растекаются потоками в стороны, опять вжимаются в землю. Но пулеметные очереди из немецких танков снова поднимают их и гонят вперед, тоже навстречу смерти.

— Садисты, — не вытерпев, сплевывает комбат Игнатьев. Оставив в покое румын, он бьет бронебойными по фашистским танкам. [95]

...Под Ивановкой стоим несколько дней.

Как-то после боя мы с Тюней шагаем в тыл 1-й батареи капитана Тарнавского. Спускаемся в неглубокую балочку, стиснутую с двух сторон плотной стеной созревшей пшеницы. Здесь же находятся замаскированные тягачи и походная кухня. Поодаль на траве — батальонный комиссар Андрей Андреевич Маляр и с ним черный от загара старший политрук, которого ни Тюня, ни я до сих пор не встречали.

Заметив нас с Тюней, Маляр кричит:

— Давайте сюда, к нам! Знакомьтесь, ребята, — дружелюбно говорит он, — инструктор политотдела 36-й гвардейской стрелковой дивизии Иван Филиппович Иванов.

Пока мы с Тюней разглядываем старшего политрука, Маляр извлекает из кожаного портфеля какие-то бумаги. Скользнув по моему лицу прищуренными черными глазами, он начинает разговор словами популярной украинской шутки:

— Ну, що ваши дивчата роблять?

— Шьуть да спивають, — с усмешкой произношу запомнившиеся слова.

— А маты?

— Порють да плачутъ.

— То-то и оно, — переходит к делу батальонный комиссар. — За тобой и за Тюней тоже нужен глаз да глаз... Аккуратней надо, ребята, оформлять документы на принятых в партию товарищей. Ошибки или неточности здесь недопустимы. А вы кое-что просмотрели. Хорошо хоть я вовремя заметил... Значит, договорились, глядеть будете в оба. А сейчас начнем вручать партийные билеты вашим комсомольцам, принятым в ряды ВКП(б). Зовите их сюда...

В тот день партийный билет вручили наконец и мне. В партию меня приняли еще под Харьковом. Но обстановка длительное время складывалась так, что было не до вручения партдокументов.

* * *

Сталинград... Наш иптап бросают с одного участка на другой, где возникает вдруг танкоопасное направление. А они возникали всюду на подступах к городу.

Битва за Сталинград принимает самый ожесточенный [96] характер. Она становится символом борьбы двух враждующих миров. Потерпев позорное поражение под Москвой, Гитлер фанатично стремился любой ценой захватить волжскую твердыню.

С захватом ее он оставил бы Москву без кубанского хлеба, без грозненской нефти. Потом двинулся бы вверх по Волге и опять же ударил бы по Москве...

Вот почему солдаты 6-й немецкой армии Паулюса, поддержанные танками, самоходными артиллерийскими установками, огнеметами, артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, с гранатами и ножами в руках рвутся, как бешеные, в город, к Волге.

Но мы стоим насмерть.

Здесь, перед Волгой, нас поддерживает вся огромная страна.

Впервые мы видим в небе Як-9, Пе-2, Ту-2, Ил-4. А Як-3 и Ил-2 наводят ужас на гитлеровцев. Они окрестили их самолетами-танками, прозвали черной смертью и при появлении этих машин в воздухе заползают в глубокие норы.

Созданы истребительные противотанковые артиллерийские полки резерва Главного Командования.

Иптап РГК — это все время на колесах, днем и ночью, в слякоть и стужу, в жару и мороз. Это непрестанно на переднем крае, на самых танкоопасных направлениях. Иптаповцы, как прозвывают нас, каждодневно, каждочасно, ежеминутно смотрят в бронированное лицо смерти и побеждают ее. Подкарауливают; выслеживают и внезапно нападают на танки врага.

Иптап РГК — это бой, может, и смерть под гремящими гусеницами, но это и торжество трудной победы. Где больше танков противника — там и мы. Где застряла наша пехота, прижатая огнем гитлеровцев к земле, — там и мы. Мы всюду, и нет нам отдыха. Отбита атака вражеских танков, противник нажал на другом участке фронта — мы туда, мы в бой! Сразу, с колес, с ходу!..

Обычно с вечера, завидев артиллеристов с черными нарукавными нашивками, пехотинцы переговариваются:

— Ну, братцы, утром будет жарко!

— Это почему?

— А ты не видел? Иптаповцы примчались...

Наш полк почти каждую ночь перебрасывают с места на место. После Ивановки мы — под Большими Чапурниками, [97] через пару дней — в Дубовом овраге, потом в совхозе «Приволжский»... Мелькают бои, мелькают названия населенных пунктов: хутора Семкин, Гавриловка, Рокотино, Елхи...

С каждым днем обстановка под Сталинградом усложняется. 2 сентября вражеские дивизии ценой огромных потерь сильно теснят защитников города на Волге. Войска нашей 64-й армии, действующей на юго-западе от Сталинграда, оставляют Нариман, Ивановку, Гавриловку, Рокотино, Елхи. 62-я армия отходит на новые рубежи, потеряв Карповку, Большую Россонь и другие населенные пункты. С севера фронт пролегает около железнодорожной станции Иловля.

Подкова вокруг города сжимается.

Ох и достается же нам в эти дни! Танкоопасные направления возникают всюду. У нас ни минуты отдыха: днем — бой, ночью — движение.

Самая тяжелая схватка с танками врага происходит 9 сентября.

В ночь на 9-е полк получает приказ немедленно сняться с занимаемых позиций и к рассвету окопаться северо-западнее Бекетовки, в районе совхоза «Горная поляна».

Сборы недолги. В густой тьме, не включая фар, мы движемся к Волге.

Степные дороги виднеются смутно. Они убегают по сильно пересеченной местности и теряются в ночи. Колонну ведут по очереди: то майор Козяренко, ставший заместителем командира полка, то капитан Захаров, теперь начальник штаба. Сейчас управляет ею Захаров. Сидя в кабине переднего тягача, он, с трудом, ориентируясь в тесно переплетающихся узлах дорог, тихонько поругивает сам себя. И все же сбивается с маршрута.

Колонна останавливается, моторы гудят на малых оборотах. Озадаченный Захаров достает карту-двукилометровку, ориентирует ее по компасу. Стрелка компаса беспокойно мечется под стеклянным колпачком, тычется в разные стороны. Кругом слишком много металла — тягачи, пушки, снаряды. Капитан отходит в сторону и вновь отпускает тормоз стрелки. Но все равно она прыгает, как взбесившаяся.

— Что делать? — досадует Захаров. — На три километра удаляться?.. Куда ехать? [98]

Мы стоим, вглядываясь в сырую тьму ночи. Вдали вспыхивают то полуодухья трассирующих пуль, то ракеты. Слышится трескотня пулеметов и грохот орудий то справа, то слева, то впереди, иногда, кажется, даже позади.

Захаров высыпает в степь разведчиков. Они долго не возвращаются. Пригревшиеся в кабинах машин артиллеристы начинают дремать.

Ехавший позади комиссар полка Телушкин не выдерживает. Узнав, в чем дело, он спешит в голову колонны. Телушкин однажды проезжал этой дорогой и решает сам вести полк.

— По машинам! — прокатился во тьме его голос.

Пока искали направление, потеряли порядочно времени. Когда проходим Бекетовку, начинает светать. За станицей видим Сталинград. Вдали, на фоне серого неба, высятся трубы ГРЭС, над дымящимися развалинами зданий стоит изрешеченный снарядами и осколками бомб элеватор.

Поднимается солнце и из-за Волги бьет нам в спины. На высотке останавливаемся, чтобы осмотреться, выбрать позиции. На ней никого: куда-то исчезла наша пехота. И вдруг по нашей колонне бьют из пушек.

— Танки впереди, справа! — кричат разведчики.

— Рассредоточиться! — подает громкую команду подполковник Степанов. — К бою!..

Гудят натужно моторы тягачей, которые поспешно уходят в балку. С ходу, не успев окопаться, расчеты разворачивают орудия. Пушки залпами кроют по атакующим танкам.

Гитлеровцы, не ожидавшие такого внезапного и сильного отпора, начинают пятиться. Ответив слабой стрельбой на мощные залпы итаповцев, вражеские танки скрываются за песчаными курганами.

Артиллеристы быстро и дружно окапываются. Но открыть капониры и укрытия для зарядных ящиков мы не успеваем. Немцы опять идут в атаку, уже более яростную. Подпустив их машины на прямой выстрел, батареи вновь открывают огонь.

Левее и правее уже подбитых танков полыхают новые. Фашисты, потыкавшись в наши фланги, начали отползать, уходить под защиту все тех же песчаных курганов.

А мы спешим зарыться в землю. [99]

— Поглубже! — твердит Тюня, быстро работая малой саперной лопатой.

Мне со старшиной штабной батареи нужно спуститься в овраг, развернуть там рацию и принять сводку Совинформбюро. Но оставлять батарею сейчас, когда помошь моя может потребоваться в любую минуту, я не хочу.

«Полк сегодня побудет без сводки...» — решают я и, прихватив возле грузовика лопату, бегу к первому орудию батареи Тарнавского. Политрук Тюня, не прекращая копать, дружелюбно басит:

— Лопата, друзья, скажу вам, самый наилучший инструмент, первый помощник на войне...

В орудийном расчете лопат недостает, и моя помошь кстати. Рою я привычно, выброшенную землю разравниваю на бруствере и присыпаю толстым слоем сухого песка, чтобы лучше замаскировать огневую. Потом меня сменяет Гетман.

— А ну, товарищ политрук, — кричит он Тюне, — давайте посоревнуемся!

— Давай!

Лопаты мелькают еще быстрей. К третьей атаке у нас почти все готово.

Резкий свист снаряда заставляет Тюню вздрогнуть и присесть в траншее. Политрук плотно прижимается к земляной стенке, припадает лицом к колючему, как иголки, песку. Взрыв осыпает все кругом густым дождем осколков.

— Иванов! — окликает Тюня командира первого орудия.

— Иванов! — еще громче повторяет Гетман.

Командир орудия не отзывается. Анатолия Иванова уже нет в живых: снаряд углубил и расширил его ячейку.

— Разрешите мне, товарищ политрук, заменить Иванова! — обращаюсь я к Тюне.

— Действуй, товарищ младший политрук!

Выскочив из своей ячейки, пригнувшись, кидаюсь к орудию. Огромный куст разрыва неожиданно преграждает дорогу. Прижавшись к сухой земле, выжидаю секунды две и снова бегу вперед. Новый взрыв, но я уже нырнул в ячейку Иванова, помня, что в одно и то же место снаряды дважды попадают очень редко.

Отдышавшись, оглядываюсь. И тут чувствую, как что-то горячее впилось в шею за правым ухом. Протягиваю [100] руку, чтобы сбросить этот горячий липкий комочек, но тут же отдергиваю ее: на ладони кровь.

Рана оказалась неопасной, и я сам перевязываю ее. Оглядываюсь. Пушка на старом месте, только осколками стесало край правого колеса и погнуло щитовое прикрытие. Пустяки, стрелять вполне можно!

— Наводчик! — кричу я.

— Жив! — отвечает парень.

— Замковый!

— Я, товарищ младший политрук!

— Заряжающий!

— Здесь!..

Правильного ранило, но он остается в расчете. Товарищи быстро перевязывают ему рану.

— Толя Иванов убит, — говорю бойцам. — Вашим расчетом командую я. Будем драться с вражескими танками до последнего снаряда, до последней гранаты!

В это время показываются немецкие машины. Они идут в таком же боевом порядке, как под Харьковом: впереди — тяжелые танки, за ними — средние, а еще дальше — легкие. За танками по примятой и обмоловченной гусеницами пшенице, пригибаясь, катят мотоциклисты, следом бегут автоматчики.

Из-за бруствера по плечи показывается Тюня. Сложив руки рупором, чтобы слышали все расчеты, политрук во всю мощь легких кричит:

— Вначале тяжелые надо уничтожить! Тяжелые! Со средними справиться легче! Легкие — петеэровцы из ружей!..

Танки движутся не спеша, как звери, хищно припадая на выемках. Гул их усиливается с каждой минутой.

По всему фронту несетя треск автоматных и пулеметных очередей обороноящейся пехоты. Одно за другим ввязываются в бой противотанковые ружья, потом начинают рвать воздух резкие хлопки сорокапяток.

Дымят несколько подбитых танков, остальные, замедлив ход, отползают за спасительные песчаные курганы. Поворачивают назад и автоматы. Они бегут в беспорядке, оставляя на поле убитых и раненых, скошенных перекрестно секущими очередями.

Пулеметная и автоматная стрельба неожиданно затихает. Минутная тишина — и над степью катится мощное «ура». [101]

— Наши в атаку пошли, — высунувшись из своего окопа, говорит капитан Тарнавский. — Теперь их надо поддержать!.. — Он сообщает установки и громко кричит: — Осколочными — огонь!..

Не выдержав контратаки, фашисты срываются уже со второй линии и мчатся дальше. Наша пехота преследует их.

Но происходит что-то непредвиденное. Мы видим, как залегают наши бойцы, возле них появляются бугорки свежей земли. Значит, окапываются. Кто же остановил их?

Гетман первый разглядел танки. Они надвигаются с запада, непрерывно стреляя на ходу из пушек и пулеметов. Наши батальоны откатываются назад.

Обстановка круто меняется. Смяв петеэровцев, танки прорываются вперед. Они уже совсем близко от нашей огневой, когда Гетман кричит какую-то команду. Его голос тонет в грохоте боя.

Сижу сам за прицелом орудия. Слух ловит каждый щелчок казенника, в который кто-то умело досыпает патроны. И тут же фиксирую панорамой прицела появляющийся танк, нажимаю пальцами правой руки рычаг спуска. Орудие рывком откатывается назад, вдавливаясь в сухой грунт. Я опять ловлю щелчок и вновь нажимаю на рычаг спуска.

Гетман, задыхаясь, охрипшим голосом кричит «Огонь!», но орудия стреляют и без его команды. Плеснув пламенем, они зарываются в землю, а в казенник досыпается новый снаряд. Бронебойные впиваются в бока танков, прошибают броню, но многие рикошетят. Артиллеристы не закрывают ртов, чтобы не оглохнуть.

Небо гудит так, словно обрушивается. Низко проносятся черные тени самолетов. В воздухе повисают большие белые зонты. Это немцы сбрасывают десант. Парашютисты, приземляясь, строчат из автоматов.

Тюня становится во главе разведчиков, они палят из карабинов и автоматов по приземляющимся парашютистам. Почти весь вражеский десант погибает.

Мы еще никогда так не стояли, как стоим сейчас! И сознание этого удесятеряет силы. Если существует на свете ад, то для нас он там, западнее совхоза «Горная поляна», на берегу Волги. А хозяевами в этом огненном пекле не черти, а мы, иптаповцы! [102]

Но и гитлеровцы не желают признать себя побежденными. Под самый вечер начинается новая атака. Немецкие самолеты сбрасывают вдоль переднего края бомбы, куски металла, кирпичи и даже бороны. Все это летит на наши головы со страшным шумом и визгом.

Хватающий за сердце свист раздается и надо мной. Моментально отскочив от пушки, я кидаюсь на дно траншеи. На голову и спину сыплется обвалившийся песок. А когда отфыркиваюсь от песка и поднимаю голову, то вижу свою пушку, опрокинутую вверх колесами.

Взрывной волной переворачивает еще одно орудие. От него в тыл бегут бойцы расчета, но на их пути вдруг вырастает могучая фигура политрука Тюни.

— Назад! — гневно кричит он. — Назад, хлопцы! Гранаты к бою! За нашу Отчизну — вперед!

Бойцы повернулись и побежали за политруком. Скоро они были на огневой, на которую двигался грязный камуфлированный танк с едва заметным черным крестом. Удачно брошенная связка гранат вовремя остановила его...

Поздно ночью, получив приказ выходить из боя, мы покидаем это пекло. Тяжелораненых ведем под руки, тех, кто не может передвигаться, несем на самодельных носилках. Шагаем медленно, устало, молча.

Нас встречает начальник штаба полка Захаров. Капитан не смог усидеть, примчался сюда. Ему хочется знать, что с батареями (связь с ними была потеряна еще днем). И вот он видит нас, измученных, раненых, без орудий. Четыре пушки батарея оставила на поле боя — всю матчасть. Это поле стало теперь нейтральной полосой. Но артиллеристы живы!

Угощая нас табаком, Захаров рассказывает, как под Осколом погиб батальон капитана Иванова.

— А тут разбиты только орудия, зато люди — вот они! — дышит он мне в лицо. — Это полбеды, политика. Пушки полк получит новые.

— Это хорошо, что дадут новые, — отвечаю ему. — Но и эти мы вытащим с нейтралки. Мы, комсомольцы, и вывезем их.

— Лады, комсомолия! — соглашается капитан Захаров. — Какая понадобится помощь — давайте ко мне, организую.

Мы спускаемся в балочку и на дне ее обессиленно [103] падаем на мягкую прохладную траву. Долго, не шелохнувшись, лежим и смотрим в высокое звездное небо. Я наблюдаю за капитаном Захаровым. Торопливо взглянув на часы со светящимся циферблатом, он вдруг поднимается, выбирается на косогор и ищет глазами что-то на низком небосклоне. Минут через десять возвращается, со вздохом присаживается между мною и Тюней.

— Что ты там выисматривал? — тихо спрашиваю его.

— Выисматривал, да не увидел, — тоже тихо отвечает Захаров.

— Чего не увидел, капитан?

— Да созвездие Голубя... не смог отыскать, хотя и небо чистое. Правда, по горизонту стелется дым.

— Не дым тебе помешал, — усмехаюсь я. — Дым здесь ни при чем.

— Это еще почему? — вскидывается Захаров.

— Очень просто, Вася. Созвездие Голубя находится в Южном полушарии, и увидеть его можно только из Персии или Индии.

— Неужели? — не верит мне начальник штаба.

— Точно, друг, — гудит Тюня, прислушивающийся к нашему разговору. — Георгий прав.

— А я полагал...

— Может, хватит о звездах? — вступает в разговор капитан Тарнавский. — Меня, например, больше волнуют дела земные. Скажи-ка лучше, начальник штаба, — обращается он к Захарову, — писать рапорт об уничтоженных одиннадцати немецких танках, или так поверишь?

— Напиши. Рапорт не только мне нужен... — говорит Захаров.

Таковы итоги минувшего дня. Батарея капитана Тарнавского сожгла одиннадцать вражеских танков. А Тюня уже подсчитывает свои потери.

— Немного нас осталось, — с болью говорит он. — Иванова нет в живых, Носкова — тоже, Кузьменко — на носилках... Больше половины людей выбыло из строя.

Мне вдруг припоминается наш отход из-под Барвенково. Там мы потеряли людей куда меньше, но уступили врагу. А здесь — никто не дрогнул. И хотя потеряны пушки, но мы победили морально и психологически.

— ...Одиннадцать танков на четыре орудия, — развивает свою мысль Тарнавский. — А что, политрук, — обращается он к Тюне, — это победа? [104]

— Конечно победа, — соглашается секретарь партийного бюро полка.

— Никогда еще не было такого жаркого боя, а мы устояли!

— Устояли потому, что хлопцы лихо дрались, — гудит Тюня. — Так надо всегда драться!

Наконец появляется командир 4-й батареи старший лейтенант Игнатьев с горсткой людей. Он сильно хромает, голенище правого сапога распорото, выше него белеет марлевая повязка.

— Как у тебя? — спрашивает его Захаров.

— Восемь немецких танков уничтожил, — отвечает Игнатьев устало и опускается на траву. — Восемь танков и пять бронетранспортеров... Могли бы и больше, да вот что от батареи осталось...

Назавтра я провожу собрание комсомольцев 1-й и 4-й батарей. Тут же присутствуют Тюня и Захаров. Обсуждаем, как лучше вытащить с нейтралки оставленные пушки. Сложность состоит в том, что враги наблюдают за ничейной полосой и особенно за оставшимися там орудиями, почти непрерывно палят по ним из автоматов и пулеметов.

— Надо достать длинный трос, — предлагает разведчик Ильин. — Один конец привяжем за шворневые лапы пушек на нейтралке, а другой протянет в балочку. Подгоним туда тягач, за него и прицепим. Сами заберемся в траншее, дадим сигнал тягачу — вперед. Он и вытянет пушку.

— А если цеплять сразу по два орудия? — спрашивает Захаров у разведчика. — Дело пойдет скорей.

— Думаю, можно, — говорит Ильин. — Только трос надо подлинней...

Добровольцы находятся сразу. Разбиваем бойцов на две группы, первую возглавляю я, вторую — разведчик Ильин. Начальник штаба выделяет в наше распоряжение два тягача. Тут же разрабатываем план действий.

В наступивших сумерках два тягача подходят к балочке, что рядом с нейтральной полосой, и останавливаются в ней. От них мы тянем тросы к орудиям. Ползем с ними осторожно, чтобы не заметили гитлеровцы. Я отыскиваю перевернутую кверху колесами пушку, вместе с двумя бойцами укрепляем за шворневую лапу металлический конец. Оставив одного бойца у этого орудия, ползу с наводчиком [105] Фединым ко второму. У него отбито одно колесо, погнут щит. Цепляем и это орудие к отростку троса. Проверив прочность соединения, ползем назад. А Ильин со своими ребятами управляет раньше меня, он уже в балочке. Отдышавшись, даю команду водителю тягача... Почти неделя

ходит на эвакуацию с нейтралки оставленных там орудий. Вместо разбитых нам дают двенадцать новеньких пушек. 1-я и 4-я батареи снова в строю.

* * *

На нашем участке фронта гитлеровцы больше не продвигаются. Их взгляды устремлены на нефтеналивные баки, на Бекетовку и на элеватор на южной окраине Сталинграда. Враг знает — за ними Волга, а выйти на берег не может. Гвардейцы 64-й армии генерала М. С. Шумилова надежно преграждают дорогу к великой русской реке. Пехотинцы встали на пути вражеской мотопехоты, а мы, итаповцы, — на пути танков. Это значит, что и в район нефтеналивных баков, и в Бекетовку, и в Красноармейск дорога фашистам заказана.

Однажды, просматривая план работы комсомольского бюро полка, Тюня говорит:

— Вот одного ты не предусмотрел, Георгий, это организацию художественной самодеятельности. Неплохо было бы развлечь наших артиллеристов.

— Что конкретно предлагаешь, Иван Алексеевич?

— Подготовить добрый концерт. Как смотришь на это?

— Концерт, говоришь...

Взглядываю на секретаря партбюро: не шутит ли? Но Тюня вполне серьезен и ждет моего ответа. Приходит очередь задуматься мне. В самом деле, почему не доставить бойцам удовольствие? Деремся неплохо, не пускаем гитлеровцев в Бекетовку и Красноармейск, крепко бьем их у берегов Волги. Но вот беда — кто будет выступать в концерте?.. Высказываю свои сомнения секретарю партбюро полка.

— Концерт — понятие растяжимое, — говорит Тюня. — Ты сам литератор, лейтенант Саша Охрименко стихи пишет, я тоже что-нибудь подкину...

И вдруг меня осеняет:

— Будет настоящий концерт, Иван Алексеевич! Соберу неплохих артистов! [106]

— Кого конкретно?

— Первый — Арон Фишбейн!

Тюня удивленно смотрит на меня немигающими глазами:

— Это серьезно, комсомолия?

— Вполне. Ты еще не знаешь, что за артист наш полковой парикмахер!

— Ну допустим, — соглашается Тюня, — а еще кто?

— Радист Гумер Айнетдинов, телефонистка штаба Шура Давыдова, медсестра Вера Соколова. У девушек чудесные голоса!

— Так. А дальше?

— Лейтенант Макаров! Он ведь настоящий артист — трагик Ростовского драматического театра!

Комиссар полка М. В. Телушкин поддержал нашу с Тюней затею. Концерт в Бекетовке состоялся. Он очень понравился артиллеристам.

* * *

Дня через два после памятного концерта в Бекетовку вызывают всех политработников полка. В кабинете Телушкина сидят комиссары батарей: А. Х. Ильченко, В. К. Сохляков, И. Т. Хламов, М. П. Ровенский, Н. М. Борисенко. Нет только А. Н. Цыбульченко: политотдел 64-й армии еще месяц назад назначил его комиссаром другой воинской части.

М. В. Телушкин сообщает, что с 9 октября 1942 года упраздняется институт комиссаров и вводятся должности заместителей командиров по политической части. Всем политработникам будут присвоены воинские звания строевых командиров.

Вскоре приходит и приказ из штаба 64-й армии о присвоении политработникам нашего итапа новых воинских званий. Я становлюсь лейтенантом, Тюня — старшим лейтенантом, Телушкин — майором, Ильченко и Борисенко — капитанами, остальные — старшими лейтенантами.

* * *

Комсомолец Александр Охрименко подал заявление о вступлении в партию. Я беседую с ним, помогаю готовить необходимые документы — заполнить анкету, написать автобиографию. Еще ближе знакомлюсь с молодым лейтенантом. На удивление коротка его биография. В селе [107] Диканька, некогда воспетом Гоголем, Саша окончил десятилетку. Поступил в Киевское артиллерийское училище. Два года учебы, досрочный выпуск — и на фронт. Охрименко со школьной скамьи пишет стихи. Не расстается и на фронте с томиком Эдуарда Багрицкого.

Мы сидим вдвоем с лейтенантом. Анкета заполнена, автобиография улеглась на одной страничке тетрадочного листка, заявление переписано начисто. Саша читает свои стихи.

Наша беседа неожиданно обрывается: приходит приказ наступать. Надо выбить фашистов с высоты за совхозом «Горная поляна», с которой просматривается огромный район. В утреннем бою за эту «горбушу», как прозвали высоту, уже погибло немало бойцов.

«Горбуша» находится много западнее совхоза и довольно далеко от Бекетовки. Мы снимаемся с огневых и с наступлением сумерек покидаем обжитые места. Я следую с батареей Игнатьева, которому несколько дней назад присвоили звание капитана.

Проходит около трех часов, прежде чем мы добираемся к подножию крутобокой «горбушки». Густой туман, прикрывавший местность, переходит в дождь. Вокруг так тихо, будто и не было только что жаркого боя за эту господствующую высоту.

Но затишье длится считанные минуты. Вновь подают голоса станковые пулеметы, им отвечают немецкие крупнокалиберные. Трассы разноцветных пуль прошибают во всех направлениях темную ткань ночи. В точки, откуда появляются эти трассы на стороне противника, наши артиллеристы гонят снаряд за снарядом.

Под прикрытием мрака пехотинцы накапливаются на подступах к высоте, короткими перебежками занимают исходные рубежи. А когда начинают бить вражеские пулеметы и местность озаряется ракетами, роты залегают, потом проворно ползут вперед.

Батарея капитана Игнатьева поддерживает один из стрелковых батальонов. Но нас постигает несчастье: в первые минуты боя гибнет командир батареи. Я связываюсь с командиром полка Степановым, докладываю о случившемся. Он требует к рации лейтенанта Охрименко и поручает ему командовать батареей. Мне Телушкин приказывает не покидать вторую. [108]

— Значит, будем вместе на ночной работе, — говорю лейтенанту.

— Это хорошо. Я буду уверенней себя чувствовать. А работа предстоит жаркая... — Охрименко оглядывает артиллеристов, вздыхает. — Вот капитана Игнатьева потеряли...

Тело погибшего увозят в тыл заместитель командира батареи по политчасти капитан М. П. Ровенский. Я интересуюсь настроением артиллеристов, беседую с боевыми расчетами.

— Возьмем высоту, чтоб глаза больше не мозолила, — говорит командир орудия сержант Коновалов.

— А ты как думаешь? — смотрю на наводчика Буракова, протирающего окуляры прицела. Комсомольское бюро полка недавно рекомендовало его в партию.

— Я думаю, товарищ лейтенант, мы вырвем высоту у гитлеровцев, — уверенно отвечает он.

— Точно! — поддерживает наводчика сидящий рядом замковый.

— Хорошо. А каков сигнал начала атаки?

— Залп «катюш».

— Тоже правильно. А как ваше орудие будет поддерживать стрелковую роту?

— Очень просто, — чеканит замковый. — Рота вперед — мы за ней. Будем бить по танкам врага и его огневым точкам.

Обхожу огневые всех орудий. Лишний раз убеждаюсь, что иптаповцы второй, как всегда, готовы к бою и обеспечены осколочными и бронебойными снарядами. Забираюсь в блиндаж к Охрименко, тот приказывает наблюдателям строго следить за сигналами.

Наверху бьют пулеметы. По звуку различаем — немецкие крупнокалиберные. Очереди все учащаются. Поблизости где-то грохает разрыв, с потолка блиндажа сеется сухой песок. Воет и устилает подступы к высоте своими снарядами немецкий шестиствольный миномет.

Лейтенант Охрименко высовывает голову из блиндажа и кричит наблюдателям:

— Зорче следите за сигналами, поняли?

— Поняли, товарищ комбат!

— А чего тут не понять, — отзыается боец в углу блиндажа. — Как только фрицы оченно занервинничают, значит, оно и есть. [109]

— «Очено занервинничают», — сердито повторяет Охрименко. — И когда ты, Петров, научишься правильно говорить?

— Так ведь калуцкие мы, товарищ лейтенант...

Прибегает связной от командира стрелковой роты и сообщает, что у немцев на высоте стоят танки, что скоро дадут залп «катюши» и батарее надо быть наготове.

— Хорошо. Передай своему командиру, что иптаповцы начеку, — говорит связному Охрименко.

— Есть, передать, что артиллеристы начеку! Можно идти?

— Крой.

Мы с Охрименко тоже покидаем блиндаж. Дождь прекратился, но туман вновь окружает местность. По ходу сообщения опять идем в боевые расчеты.

— Через две минуты, — смотрит на часы Охрименко.

Командир орудия сержант Коновалов приказывает расчету зарядить орудие бронебойным. Мы слышим, как щелкает затвор — открылся, раздается второй щелчок — в казенник зашел унитарный патрон с бронебойным снарядом.

В тот же момент заработали «катюши». Расколол тишину ночи, стремительные струи огня взметнулись ввысь. До нас доносится шипение пусковых машин. А на высоте начинается что-то невообразимое: покрывая все багровым пламенем, рвутся снаряды «катюш».

Доходит очередь и до нас. Охрименко отдает приказ катить орудия за пехотой. Я помогаю расчету Коновалова: рота обтекает крутизну, и катить за ней пушку нелегко.

Над нами с треском вспыхивают немецкие осветительные ракеты. Но свет их не пробивает толщу тумана, и мы остаемся невидимыми для врага. Слева вдруг резко бьет одно из орудий.

— Это ведет огонь взвод лейтенанта Смирнова, — определяет Коновалов. — Интересно, по чему лупит — по танкам или по огневым точкам гитлеровцев?

Но тут же сам Коновалов вступает в схватку. Приказывает перезарядить орудие осколочным и дает первый снаряд по крупнокалиберному немецкому пулемету. Тот замолкает, по высоте катится громоподобное «ура».

— Орудие дулом вперед! — командует Коновалов. Свистят автоматная очередь, мы на миг припадаем к [110] земле. И слышим: еще раз бьет итаповское орудие правее нас. Как только гул от выстрела затихает, доносится приближающийся рокот моторов: это немецкие танки.

Коновалов подает команду, расчет приводит орудие в положение «К бою». И опять оживает пушка правее нас. Там уже идет схватка с танками. Гул машин перемещается, значит, они рассредоточиваются по фронту. Там сам Охрименко, он человек смекалистый, за него я спокоен. И Коновалов действует неплохо.

Потом вновь воцаряется тишина. Зловещая, жуткая тишина. Коновалов посыпает одного бойца туда, где, по его расчетам, должна находиться поддерживающая нами рота. Но боец вскоре возвращается и сообщает, что никого не нашел. Коновалов посыпает двух бойцов, и они возвращаются ни с чем.

— Почти к самым немецким траншеям подползали, — докладывают артиллеристы.

— Что за чертовщина! — ругается Коновалов.

— Может, наши пехотинцы ворвались во вражеские окопы и засели там? — высказываю я предположение.

— Пожалуй, что так, — соглашается Коновалов. — Гитлеровцы замолчали, значит, наши выбили их с первой линии. Пехоту надо поддержать!

Но, упреждая Коновалова, гудят моторы наших тягачей. Это Охрименко дал команду взять орудия в передки и доставить на высоту. Поднимаемся и слышим: ревут моторы со стороны врага. Мы знаем: это танки и схватки о ними не избежать.

Вот она, высота 127,3. Она вся покрывается разрывами, слева и справа от нас бьют пушки. Режут тьму пулеметные очереди. Отцепив пушку от тягача, который немедленно уходит в укрытие, мы катим ее на руках вперед. А там — три линии вражеских траншей. Гитлеровцы встречают нас шквальным огнем.

— Стой! К бою! — командует сержант Коновалов.

Теперь мы все убеждаемся, что по высоте ползают вражеские танки и на ходу стреляют из пушек и пулеметов. Вспышки их выстрелов то и дело вспарывают мглу. По этим вспышкам открывает огонь Коновалов. Что-то впереди загорается: сквозь морось виднеется желтое, все увеличивающееся пятно.

— Танк зажгли! — радуется Коновалов. [111]

Где-то впереди вновь оживает и катится во мраке «ура».

— Вон уже где наша рота!

Вспышки на стороне противника прекращаются, и Коновалов становится неудобно целиться.

— Что делать, товарищ лейтенант? — смотрит на меня сержант.

— Орудие катить вперед. Скоро должна быть линия немецких окопов.

Пушку перекатываем через трупы немецких солдат. Останавливаемся и видим впереди что-то темное. Коновалов кидается вперед и тут же возвращается: наткнулся на немецкий тяжелый танк. Он сам припадает к прицелу и делает слепую наводку. Уступает место у прицела Буракову, затем кричит:

— Огонь!

Раздается оглушающий выстрел.

— Огонь! — опять командует Коновалов.

И еще раз орудие плещет огнем. Оба снаряда попадают в машину. Она тут же загорается.

На наши выстрелы примчался связной от Охрименко и передал приказ окапываться на первой линии немецких траншей.

— Вторую захватили наши пехотинцы и закрепляются на ней, — сообщает он. — Немцы засели на третьей. Ох, теперь они и нервничивают, наверно...

— А, «калуцкий» появился, — смеюсь я, узнав по говору знакомого артиллериста.

Новые залпы «катюш» приходятся точно по третьей, последней линии укреплений гитлеровцев. Последней на этой крутобокой «горбуше». И как только снаряды отмолотили свое, рота впереди нас поднимается еще в одну ночную атаку.

Мы немедленно катим пушку за пехотой. Часто останавливаемся и даем два-три выстрела по оживающим вражеским огневым точкам, потом опять подкатываем орудие. И вот мы уже у самых окопов, усеянных трупами немецких и румынских солдат и офицеров.

Теперь строчат наши станкачи куда-то в степь. Бьют заливисто, лихо, длинными очередями. Бьют по всей линии участка. Со стороны противника не слышно ни одного выстрела. Ни автоматного, ни орудийного. Почему? [112]

Что такое? Неужели враг не способен больше сопротивляться?..

К нам подбегает комбат Охрименко с ординарцем. Он оживлен, кидается и обнимает меня.

— «Горбуша» наша! — радостно сообщает Охрименко. — Гитлеровцы, уцелевшие после залпов «катюш», драпанули!

— Значит, будем преследовать их?

— Точно! Будем, товарищ комсорг полка! Сейчас подойдут тягачи, возьмем орудия в передки и рванем!.. [113]

Финал на Волге

Первый дружный снежок переходит в настоящий снегопад. Белые рыхлые хлопья падают и падают из низко нависших туч. Без ветра, без единого дуновения, тихий такой снегопад. Он закрывает многочисленные тропы и стежки, жухлые травы, глубокие следы танков и гусеничных тягачей, оставшиеся на пшеничных просторах, воронки от снарядов и авиабомб. Прячет от людского глаза все, что недвижно лежит или просто валяется на поверхности. И тихо кругом так, что кажется, будто крупные снежинки шушукаются между собой в полете и на земле, будто сговариваются поплотней, погуще укрыть израненную приволжскую равнину.

Я спешу во 2-ю батарею. И чтобы не заблудиться, не выпускаю из рук телефонного провода. Наступление на армию Паулюса, окруженную минувшей ночью, продолжается. Батарея Саши Охрименко продвигается в боевых порядках пехоты. Снегопад вынуждает гвардейцев замедлить темп. Но после небольшой передышки они опять пойдут вперед, все теснее сжимая кольцо окружения.

У меня полно дел: надо оформлять документы на комсомольцев, вступающих в партию. Но разве усидишь в штабном блиндаже, когда началось такое у Волги! Я люблю стрелять из орудия, а сейчас в наступлении под Сталинградом это может пригодиться! Хорошо врезать по вражескому танку бронебойным, да так, чтобы из всех щелей и пробоин брызнул огонь. Надеюсь, на этот раз и мне доведется приникнуть к прицелу, с наслаждением нажать на рычаг спуска.

Есть и еще причина, почему меня тянет на батарею лейтенанта Охрименко. Не ночью, так рано утром батальон [114] и батарея должны атаковать гитлеровцев и освободить Рокотино, в котором, по данным разведки, фашисты устроили концлагерь для военнопленных. Увидеть узников, узнать об их жизни за колючей проволокой — вот что важно для меня. Рассказы о них очень пригодятся для бесед с артиллеристами.

А снег все валит. Снежные хлопья облепили меня с головы до ног, сугробы мешают передвигаться. Глубокий след, который остается за мной, исчезает через три-четыре минуты.

«Если бы не провод, блуждать бы мне по степи, — думаю я, медленно переставляя ноги. — Ну а если произойдет обрыв...»

Со мной уже было такое. Полк занимал тогда огневые в районе озера Цаца, южнее Сталинграда. Под вечер я вышел из блиндажа командира 5-й батареи капитана И. Ф. Шалаева и направился на КП полка. Опускались осенние сумерки, начинало моросить. Потом дождик прекратился, и по земле стал стлаться густой туман. Минута за минутой он становился все плотней. Я смекнул, что можно сбиться с тропы и компас в таком случае не поможет. Но вскоре нашупал лежавший на земле кабель связи, взял его в руку и зашагал вперед.

Метров через сто провод исчез. «Порвана связь со штабом полка, надо немедленно восстановить». Не выпуская из рук первого конца, я нашел второй. Когда стал связывать их, то понял, что напал на ложную связь. А где же настоящая? Отыскивая ее, услышал нерусскую речь. Быстро сориентировавшись, повернулся назад, благо меня никто не заметил. А минут через пятнадцать передо мной вырос из тумана ствол пушки все той же батареи капитана Шалаева.

— Я так и подумал, что ты, политика, можешь заблудиться, — сказал тогда Иван Федорович.

...Теперь нитка связи не обрывается, как тогда. Она, приподнимаясь, разрезает снежок и тянется красной жилкой. Сквозь перчатку чувствую, как она ползет в ладони. Вспоминаю, что перед фронтом батареи Охрименко не румыны, а гитлеровцы, и может произойти самое неожиданное. На всякий случай проверяю, как заряжен пистолет, загоняю девятый патрон в казенник, чтобы можно было при надобности стрелять сразу, нащупываю ручную гранату за поясом. [115]

Впереди бьют пулеметы. Звук приглушен расстоянием и снегопадом. До батареи еще километра полтора, убыстряю шаги. Снег рыхлый, шагать становится все трудней.

И вдруг хриплый голос справа:

— Доннерветтер!..

Прямо передо мной вырастает плотный гитлеровец.

— Хальт! — кричу я и наставляю в грудь ему дуло пистолета.

— Геноссе, геноссе, я — ваш! — миролюбиво хрипит немец. — Битте, неси меня плен, — продолжает бормотать он.

Саша Охрименко таращит глаза от удивления, увидев влезающего в блиндаж немца с поднятыми руками.

— Принимай гостей! — из-за спины пленного кричу лейтенанту. — Сам сдался. Уверяет, что коммунист.

— А тебе везет, комсорг, — смеется командир батареи. — Капитана заарканил!..

Командир полка немедленно присыпает за пленным свой «виллис». Через полчаса я рассказываю, как все случилось. Пауль Гефер — так значится в его документах — командир батальона мотопехоты, занимающего оборону в районе концлагеря. Появляется писарь штаба Король, хорошо знающий немецкий, и начинается допрос.

Гефер настойчиво твердит, что он немецкий коммунист и давно искал случая сдаться в плен. Возможность осуществить задуманное появилась только вчера, после того как убило осколком снаряда приставленного к нему эсэсовца.

— А на кой ляд ты нам нужен здесь один, — говорит подполковник Степанов. — Веди в плен весь личный состав своего батальона. Приведешь — поверим, что ты член коммунистической партии Германии. Переведи ему, — обращается подполковник к Королю.

Пауль Гефер соглашается сделать это. Ему возвращают документы и оружие. Степанов велит подать ужин. Затем «виллис» командира полка вновь мчит нас на то самое место, где немец сдался в плен. По дороге выясняю, что батальон Гефера занимает позиции перед самой деревней Рокотино.

Снегопад утихает, по небу бегут темные низкие облака, в разрывах между ними ярко блещут высокие холодные звезды. За рекой Россошка режет ночную мглу [116] длинная очередь трассирующих пуль. Это стреляют гитлеровцы. С нашей стороны — тишина, будто никого и нет перед противником.

— Знакомое место? — спрашиваю у пленного. — Ну, камрад, крой!

Гефер смотрит на часы со светящимся циферблатом, тычет пальцем в цифру «два» и заверяет, что в два часа ночи на этом самом месте будет весь его батальон.

Взвод Гетмана в составе трех пулеметов и двух орудий замаскирован там, где Пауль Гефер должен сдать в плен свой батальон. Орудия и пулеметы направлены дулами в ту сторону, куда потянулись по сугробам следы гауптмана Гефера: это на случай провокации.

Мороз крепчает. Я и начальник разведки полка капитан Федосов с нетерпением смотрим на часы. Стрелка приближается к светящейся двойке. Приведет или не приведет Гефер свой батальон? Не кроется ли здесь какая-нибудь провокация?

— Вижу черные точки вдали, — возбужденно произносит Федосов.

— Где именно?

— Вон, левее следа смотри... Передать во взвод Гетмана и на батареи полка — готовность номер один, — командует Федосов. — Пулеметчики — по местам!

А точек все больше. Они движутся, сливаясь в темную массу. Несомненно, это батальон Гефера. Но один ли? Не идут ли следом выкрашенные в белый цвет немецкие танки?.. Нервы у нас напряжены до предела. Притихнув, вслушиваемся в тишину. Наконец от увала доносится шорох. Он усиливается с каждой минутой и вскоре превращается в скрип снега под множеством ног. Звуки эти все громче. Изредка долетают приглушенные расстоянием команды. Сперва невдалеке от нас вырастает темная масса, затем становится хорошо видно растянувшуюся колонну солдат. Они метут снег шинелями, топчут его, окутываясь белой пеленой.

Как и уговаривались с Федосовым, я выхожу навстречу. Начальник разведки глаз не спускает с колонны. Он готов по первому моему сигналу приказать пулеметчикам бить прицельным огнем.

Отойдя чуть в сторону, тщательно вглядываюсь в идущих. Вот и Пауль Гефер. Он шествует впереди своих рот. [117]

Узнав меня, радостно машет руками, простуженным голосом кричит:

— Геноссе, тоувариш!..

Поравнявшись со мной, Гефер останавливается и с остервенением швыряет в снег свое личное оружие. Резко повернувшись к солдатам, громко командует, чтобы тоже бросали оружие.

* * *

Сдав свой батальон в плен, Пауль Гефер тем самым оголил один из участков обороны гитлеровцев. В ту же ночь наши части беспрепятственно занимают Рокотино, выходят к Россошке и к утру прочно закрепляются на ее правом берегу.

Теперь перед нами — левый пологий склон, местами крутые скаты, по которым проходит вторая линия обороны врага. Там пулеметные гнезда, глубокие прочные блиндажи, припороженные снегом траншеи и ходы сообщения. Невдалеке — станция Басаргино. А в пятидесяти километрах от Рокотино все еще тлеющие под глубоким снегом развалины Сталинграда, обглоданные огнем так, что и гореть больше нечему...

Мы с комбатом Охрименко стоим во рву с крутыми берегами и наблюдаем за бойцами, которые выбрасывают из блиндажей всю рухлясть, оставленную батальоном Гефера. А в воздухе — тишина. Нет ни одного самолета. Даже не слышно перестрелок, которые до этого гремели днем и ночью. Удивительное безмолвие, непривычное для тех, кто находится на переднем крае.

— Где же деревня Рокотино, что обозначена на карте? — глядя по сторонам, спрашиваю у комбата.

— А мы в ней и находимся, — отвечает Охрименко. — Вернее, была здесь деревня, на берегу Россошки.

— А концлагерь где?

— Хватился, комсорг, — усмехается лейтенант. — Пока ты возился с немецким батальоном, бывших узников наши отправили в Бекетовку и Красноармейск. На людей, которых вывозили из-за колючей проволоки, страшно было смотреть.

— Не состоялись, выходит, мои беседы с бывшими заключенными...

Мы идем по самому дну оврага. Налево и направо видны черные норы: это входы и выходы из землянок. [118]

Повыше в два ряда торчат из-под снега колья с колючей проволокой. Здесь, в этих норах, ютились местные жители.

Ров сперва кажется пустынным, но постепенно начинает оживать. Показываются старики, женщины, дети. Вид у всех до крайности изможденный.

— Комсорг, — вдруг толкает меня Охрименко, — приглядись-ка к женщине в темной фуфайке с ведром в руках.

Группа женщин еще далеко от нас и приближается медленно. Но та, на которую указал лейтенант, кажется мне знакомой.

«Неужели Архипова? Но ведь она пропала под Осколом. И все же...»

Проходит две-три минуты, женщины приближаются к нам. Та, на которую указывал Охрименко, взглянув на нас, роняет железное ведерко, потом как-то неловко взмахивает руками и наконец, преодолев смятение, кидается к нам.

— Товарищ младший политрук!.. Товарищ лейтенант! Родные!

Это и есть наша Аня Архипова. Возникла будто из сугроба, словно из снежинок сложилась, сверкающих и невесомых. Подбежав, не знает, к кому из нас броситься. Какое-то время стоит растерянная и безмолвная. Но, видимо, вспомнила, что я — секретарь комсомольского бюро полка, а она комсомолка, и бежит ко мне, повисает на моих протянутых руках.

Аня долго рыдает. По впалым темным щекам катятся слезы. Кажется, она собралась выплакать все невзгоды, все горе, что накопилось и отложилось в душе за шесть месяцев, минувших после Оскола.

— Аня... Архипова, как ты здесь оказалась?..

Я тоже растроган этой неожиданной встречей, не верю глазам, что вижу ее. То же смуглое лицо, только очень исхудалое, с резко обозначившимися скулами. Те же черные, как ягоды, глаза, только в них появился острый болезненный блеск.

— Аня, успокойся... Ну успокойся же, — прошу ее, а сам волнуюсь еще больше. — Ну... возьми себя в руки, ты же боец, в конце концов!..

С не меньшей тревогой смотрит на девушку Охрименко. Теперь и он задает себе те же вопросы, что раньше [119] задавал себе я: как она попала в Рокотино? Давно ли? Если бы Архипову пленили под Харьковом, то она наверняка была бы в фашистской Германии. Что же произошло с ней?

Аня постепенно приходит в себя, немного успокаивается. Оборачивается, видит старую женщину, подходит к ней, берет за руку и ведет к нам.

— Вот моя спасительница!.. Феона Пантелейевна Черепанова... Она сама солдатка и солдатская мать...

Скоро мы с обеими женщинами сидим в блиндаже командира батареи. Аня плачет и смеется, вытирает слезы и говорит, говорит. Она вновь счастлива: встретила однополчан!

Женщинам приносят обед с батарейной кухни. Аня жадно набрасывается на еду, ест с аппетитом, никого не стесняясь. Феона Пантелейевна не отстает от нее. Их не трудно понять: сколько месяцев жили впроголодь.

А старшина батареи уже хлопочет, во что одеть радиостную, прикидывает, чем помочь ее спасительнице.

Вечером мы долго сидим за чаем. Аня рассказывает о своих злоключениях. Мы слушаем не перебивая. Она говорит о том, как оказалась в деревне Рокотино, под самым Сталинградом...

* * *

Теперь придется вернуться назад, к событиям, которые произошли 22 июня 1942 года под Осколом. Читатель помнит, наверное, что с Аней Архиповой находился в то время сержант Алексей Немировский. Помнит о комсомольском собрании полка в селе Стельмаховка, на котором выступал батальонный комиссар Андрей Никанорович Цыбульченко.

Он сам видел, как сержант Немировский в бою на окраине села Чистоводовка связками гранат и удачными выстрелами из петеэр подбил и сжег три немецких танка. Видел Цыбульченко, как погиб Алексей Немировский, сраженный осколком разорвавшегося снаряда. Я рассказал об этом Ане. И вот что мы от нее услышали:

— Нет, сержант не был убит. Его тяжело ранило, он упал и потерял сознание, это верно... Когда все это произошло, я лежала в траншее, стиснув лицо руками... Я очень боялась. Закрывала глаза, чтобы ничего не видеть, затыкала уши, чтобы ничего не слышать, замирала, чтобы [120] казаться неживой: если гитлеровцы заглянут в траншею, пусть думают, что перед ними два трупа. Рядом со мной было бездыханное тело бронебойщика...

Потом услыхала тихий голос. Кто-то звал на помощь.

Сперва я не откликнулась и лежала по-прежнему не шевелясь. Думала, танки все еще рядом и стоит поднять голову, как тут же скосят автоматчики...

— Ар-хи-по-ва, — опять услышала я. И тут же подумала, что зовет сержант. Но что с ним? Почему у него такой слабый голос?

На этот раз я подняла голову и открыла глаза. Поборов страх, встала на ноги, выглянула из траншеи. Тут-то и увидела сержанта. Убедившись, что фашистов поблизости нет, выкарабкалась по отвесной стенке из траншеи, растянулась между бугорками земли, а встать боюсь.

На самом горизонте густым красным костром догорало солнце. Дома на ближнем конце села тоже догорали, над ними кое-где слабо вспыхивали и исчезали язычки пламени. Дым полз в лощину, смешиваясь с натекавшим туда туманом. Перед самой траншееей еще слабо чадил немецкий танк, другой коптил поблизости. Между этими танками и увидела я сержанта.

Алексей лежал на правом боку. Левая его рука была срезана осколком выше локтя и держалась на тонкой жилочке. Иссечена была и левая штанина брюк. Я растерялась. Сержант заметил это. Собрав силы, он объяснил, что надо сделать. Я достала индивидуальный пакет из сумки его противогаза, разорвала шершавую оболочку, откусила конец нитки и перехватила руку сержанта у самого плеча...

— Так, хорошо... Нож в кармане, — с трудом прошептал он.

Я поняла и эту просьбу, выполнила ее.

— Теперь жилку режь. Не бойся.

Я не в состоянии была сделать это. Немировский взял у меня нож и перехватил жилочку, видимо не почувствовав боли.

— Вот и все... Вяжи...

Я туго забинтовала левое предплечье, концы бинтов завязала на шее, чтобы повязка не сползала. Потом наложила тугую повязку на исеченное осколками левое бедро. В течение этой нелегкой процедуры Алексей лежал на правом боку, тихо постанывая. Потом попросил достать [121] его флягу. Сделав два-три глотка, немного приободрился, попросил приподнять его, долгим взглядом окинул местность:

— Немцы-то подались к Осколу... Спалили село и подались... Смотри-ка, Архипова...

Я посмотрела туда, куда указал сержант, и заметила красноармейцев. Один за другим они вытягивались на дорогу. Бойцы отходили, а нам было не догнать их.

— Чуть отдохнем и тоже тронемся, — сказал Немировский, словно прочитав мои мысли.

— А как бы теперь пригодилась повозка...

Алексей ничего не ответил. Он молча глядел на деревья, похожие на черные тени, на разбитые дома, на сожженные танки.

— Эти три я остановил...

Посидев еще немного, Алексей попробовал встать на ноги. Я помогла ему, забросила за спину два вещмешка, и мы помаленьку двинулись в путь. Алексей Немировский ступал напряженно и медленно. Как ни тugo заматывала я бинты, кровь все еще сочилась сквозь них.

Я была нагружена до предела: два вещмешка и два карабина. Теперь, когда опасность встречи с фашистами до утра отпала, меня волновала одна мысль: выживет ли Немировский? В лице у него, казалось, не было ни кровинки...

Аня Архипова умолкает. На ее длинных черных ресницах блестят слезы.

— Я, наверно, очень грустно и длинно рассказываю, — говорит она, вопросительно глядя на нас.

— Нет, нет, Аня! Выкладывай все подробно, — прошу я.

Охрименко и его заместитель по политчасти Марк Ровенский тоже просят ее продолжать.

— Ну, если так... Я готова, ребята... Много ли мы прошагали с сержантом, точно не скажу. Далеко ли осталось до Сватово — тоже не знаю.

Я и не заметила, как наступила ночь. Меня все больше беспокоило состояние Немировского: он дышал все трудней с каждым шагом.

Из Чистоводовки мы выбрались давно, а все еще не взошли на холм. А за ним, за тем холмом, какой еще путь! Когда же мы с Алексеем придем хоть куда-нибудь?.. [122]

На холме остановились передохнуть. Небо было усыпано яркими звездами, но Алексей не видел их, перед его глазами плыла пустота.

На спуске с холма он начал спотыкаться. Поддерживая его одной рукой, я другой нашла фляжку и встряхнула ее.

— На-ка, сержант, подкрепи силы.

Водка не опьяняла раненого, но придавала ему немного бодрости. Снова взвалив на себя вещмешки и карабины, я повела Алексея, крепко держа под здоровую руку. Слева от нас методично появлялись ракеты и трассы. Забыв, что сержант ослеп, я сказала ему о ракетах.

— А я не вижу, — с отчаянием произнес Алексей.

— Они далеко и светятся слабо, — попыталась я исправить свою оплошность, но ничего не вышло. Немировский весь сник от сознания обрушившейся на него беды. Я ощущала это по тому, как отяжелело его тело и замедлился шаг.

Вот и лощина. Долго-долго тянулись мы по ней. А на подъеме, совсем выбившись из сил, сержант рухнул на землю и затих. Как неживой. Я присела рядом. Достала из вещмешка хлеб и консервы — наш фронтовой НЗ. Попыталась покормить раненого. Но отказался от еды.

— Меня сейчас дома ждут... — с затаенной душевной болью прошептал Немировский.

— А где твой дом, сержант? — наклонилась я к нему.

— Городок Хорол... под Полтавой... Жена сейчас небось укладывает дочурку Дашку... Может, говорит про папу...

— Сколько же твоей дочурке?

— Три годика...

Узнала я в тот вечер, что до службы в Красной Армии сержант Немировский окончил десятилетку, успел поработать на радиоузле, заочно учился в институте, конструировал какой-то прибор, при помощи которого можно было видеть

переданное издалека изображение... Рассказывал-рассказывал Алексей, а потом затих. Очнувшись, стал звать дочурку Дашку.

Потом начался бред. Раненый лежал на спине, вытянув шею. Лоб его покрылся холодным потом. Глаза были закрыты. На мои вопросы он больше не отвечал. Я поняла, что Алексей умирает. [123]

Усталость и отчаяние сморили меня. Когда открыла глаза, на востоке широкой лентой занималась заря. Взглянула на сержанта, он не дышал...

Опомнившись, я подстелила под умершего плащ-палатку. Достала из кармана его гимнастерки партийный билет, красноармейскую книжку, пластмассовый медальон с адресом, все спрятала в свой нагрудный карман. Потом завернула Алексея в плащ-палатку, отыскала траншею и подтащила его к краю. Только хотела опустить туда тело сержанта, как поблизости раздался гул мотора. Оглянулась — танк Т-34 с пятиконечной звездой на башне.

Поравнявшись со мной, танк остановился. Из люка показалась голова танкиста в кожаном шлемофоне. Узнав, что я собираюсь хоронить своего командира, танкист вызвался помочь мне. Он и соорудил тот памятник из латунных гильз...

Аня распахивает фуфайку, торопливо достает из внутреннего кармана небольшой сверток в синей бумаге, передает нам партийный билет и красноармейскую книжку сержанта.

Несколько минут мы рассматриваем документы Алексея Немировского. Потом я забираю их и кладу в планшетку: партийный билет сдам Тюне, а красноармейскую книжку — в штаб полка.

— Молодец, Аня, — взволнованно говорит Марк Ровенский. — Молодец! Да как ты сама-то попала сюда, в Рокотино?

Мы с Сашей Охрименко поддерживаем товарища. Аня обводит нас благодарным взглядом, согласно кивает головой.

— В таких я побывала переделках, что порой сама себе не верю. А расскажу все, без утайки... После похорон сержанта Немировского танкисты взяли меня с собой: у них, оказывается, из четырех членов экипажа в живых остались только двое — командир танка и механик-водитель. А ситуация была трудная. Немцы яростно преследовали советскую боевую машину. Тридцатьчетверка с боем пыталась оторваться от них.

Чувствовала я себя в танке не очень-то уютно: трясло, кидало из стороны в сторону. Но скоро освоилась. Командир танка старший лейтенант Лукьянов научил меня заряжать орудие, показал, где и какие расположены снаряды. [124] Бронебойные были укреплены в стенках башни и находились прямо под руками, осколочные лежали в двух раскрытых ящиках.

Держась за поручень, я внимательно наблюдала за командиром танка. Грохот стоял невероятный, и я скорее угадывала, чем слышала его команды.

Вскоре командир предупредил, что работа предстоит горячая: десять гитлеровских танков увязались за нами.

— Дочка, — повернулся он ко мне, — снимай пилотку, надевай вот это, — и передал черный рубчатый шлемофон. Убедившись, что я надела шлемофон, старший лейтенант скомандовал: Заряжай бронебойным!

Прогремел выстрел, потом — еще и еще... Я заряжала непрерывно.

— Не зевай, дочка, заряжай! — то и дело повторял Лукьянов. Оторвавшись от перископа, он припадал к прицелу орудия, быстро-быстро вращал механизмы наводки, и тут же гремел выстрел. Не ожидая команды, я сама отыскивала нужный патрон, уверенно досыпала его в казенник.

День, когда мы мчались в танке, расстреливая вражеские машины, показался мне бесконечным.

В районе Бугаевки наша тридцатьчетверка была подбита. Вместе с командиром танка старшим лейтенантом Сергеем Лукьяновым и водителем лейтенантом Виктором Семеновым я выбралась из машины, и мы бросились к темневшему невдалеке лесу.

Старший лейтенант покинул машину последним. Перед этим он вынул замок из казенника орудия, привел в негодность пулеметы и, уже выбравшись наружу, швырнул внутрь танка гранату.

Сколько времени бежали, уходя от преследования, не помню. Через двое суток мы с Виктором Семеновым добрались до Оскола, похоронив в пути Сергея Лукьянова. Ночью у села Новая Кругляковка перешли реку вброд. А утром, притаившись в ближней рощице, поняли, что все ещеходимся в тылу врага. Любой ценой надо было дойти до линии фронта. И мы, посоветовавшись, тронулись в путь.

Длился он для нас почти четыре месяца... Так вот и оказались в Рокотино... [125]

...Поздно ночью мы оставляем Аню Архипову одну, сами уходим на огневые. Гитлеровцы затевают стрельбу. А утром от шальной пули гибнет радист батареи. Узнав об этом, Аня прибегает к комбату Охрименко и просит назначить ее вместо убитого.

— Но ведь ты еще не оправилась после пережитого...

— Ничего, товарищ лейтенант! Я со своими, а это лучшее лекарство от любых невзгод.

— Ну что ж, тогда лады, — соглашается командир батареи.

* * *

Наступил январь 1943 года. У нас с Сашей Охрименко большая радость: прислали приказ из штаба 64-й армии о присвоении ему и мне звания старшего лейтенанта. Теперь у нас по три рубиновых кубика в петлицах.

По плану работы комсомольского бюро полка с 1 по 10 января у меня самое напряженное время. Надо провести в каждой батарее комсомольское собрание, посвященное разгрому войсками Сталинградского фронта котельниковской группировки врага и срыву попытки генерала Манштейна деблокировать окруженные под Сталинградом немецко-фашистские войска. Одновременно ведется широкая подготовка к ликвидации окруженной армии Паулюса. Задачи перед нами стоят большие, приходится не только дневать, но и ночевать в батареях.

Комсомольцы и молодые бойцы-иптаповцы полны решимости быстро разделаться с окруженными у Волги оккупантами.

«Надо спешить на запад, чтобы быстрей изгнать врага из пределов нашей Родины!» — таково мнение подавляющего большинства.

Командование нашего Донского фронта, стремясь избежать бессмысленных жертв у обреченного неприятеля, предъявляет гитлеровцам ультиматум. Оживленный разговор о нем идет во всех батареях, во всех подразделениях пехоты, с которой мы вместе действуем.

Однако фашисты отвергли ультиматум.

Это вызывает взрыв негодования у наших воинов.

— В наступление! — идут разговоры среди иптаповцев.

— Хватит возиться с проклятой нечистью!..

Теперь мы зорко следим за немецкими блиндажами [126] и ходами сообщения. Никакого движения там не отмечено. Никто не высовывает даже носа из своих нор. Чем заняты гитлеровцы? Готовят белые флаги и разряжают оружие?

Эта ситуация сохраняется 8 и 9 января. А утром следующего дня по всей линии фронта в стылую синь неба взлетают наши сигнальные ракеты. И тут же будто разверзается земля. Сорокапятки, наши орудия, «катюши», крупнокалиберная артиллерия дают залп, другой, третий! Все по заранее пристрелянным целям, по блиндажам и окопам, по ходам

сообщения. Через наши головы бьют мощные реактивные минометы, летят прямо в ящиках крупные боеголовки. Описав крутую траекторию, они вместе со своей деревянной одеждой рушатся на головы врагов. Это бьет «Иван Грозный», как мы называем новый вид мощного советского оружия.

Мы не прячемся в траншеях, стоим у пушек открыто, не опасаясь ответного огня. Куда там отвечать, когда наша артиллерия ведет стрельбу на всю глубину обороны противника!

— Началось, Иван Алексеевич! — гляжу я на великана Тюю.

— Началось, Георгий, да еще как!

Немцы все же решаются ответить, но их слабый огонь скоро прекращается вовсе: наши батареи накрывают огневые гитлеровцев.

На исходные рубежи выходят гвардейцы. С винтовками и автоматами они движутся уже от Россоски к виднеющимся в дыму дотам и дзотам. Наша пехота изредка стреляет из пулеметов. Это лишь в том случае, если вдруг оживает дот или дзот врага. Но вот появляются в снегах несколько немецких танков. Гвардейцы залегают и дают нам возможность расправиться с танками.

За высотой вновь видим танки. Но их мало, всего шесть машин четко выделяются на белом снегу. Не знаю, давалась ли команда, но батарея Тарнавского первая разворачивается и бьет по ним. Две машины вспыхивают, как порох, другие останавливаются. Из нижних люков выползают танкисты и бегут по сугробам, пока путь не перерезает советская пехота. Четыре танка остаются у нас в тылу целыми и невредимыми.

Боевые расчеты катят орудия с увала на увал, уже по черному от копоти снегу. Продвигаемся все вперед и [127] вперед. Потом берем пушки в передки и догоняем свою пехоту.

Жарких схваток нет, происходят лишь короткие огневые стычки. То залповые, то одиночные выстрелы орудий — и опять продвигаемся дальше. Только хрустит снег под множеством ног, только гудят моторы и лязгают гусеницы наших тягачей.

Уцелевшие гитлеровцы улепетывают изо всех сил. И куда? В Сталинград! На что рассчитывают, пропащие головы?!

Вот теперь мы видим, как жили у волжской твердыни наши лютые враги. Плохо. В балочках и балках — горы конских голов и ног с копытами. Это все, что осталось от прославленной в прошлом итальянской конницы.

— Видишь, — гудит рядом Тюня, — они сожрали всю конницу!

Впереди на ровной площадке пригорюнилась немецкая «берта» — сверхмощное орудие, установленное для стрельбы по левому берегу Волги. В канале его ствола разорвался снаряд, ствол разворочен. Тут же горячо спорят наши артиллеристы-знатоки.

— Здоровая штука, видать, на двух платформах везли.

— Велика Федора, да дура!

— А все же далеко этой «берте» до нашей «катюши»!..

По ярам и берегам речек скапливаются пленные. Их множество. Закутав отупевшие головы в байковые одеяла, они бредут по дорогам, зябко поеживаясь. Голосят тихо и покорно, в глазах ужас и слабая надежда: жить!

— Неужели это они нас от Харькова до Волги гнали? — спрашиваю у Тюни.

— Они, Георгий, они.

— Не верю!..

А вот и станция Басаргино. Это здесь встречались наши и немецкие парламентеры, чтобы договориться о безоговорочной капитуляции окруженных. Не договорились: Паулюс все еще надеялся на чудо. А чудес на свете не бывает!

...На ночь мы устраиваемся в немецких блиндажах. Они оборудованы богато. Всюду диваны, стулья, а то и кресла, письменные столы. Спать ложимся поздно: еще много дел. Надо провести заседание партбюро, принять более десяти комсомольцев в партию. Этим немедля и [128] начинаем заниматься. Только закончили прием — на пороге председатель партийной комиссии политотдела 36-й гвардейской стрелковой дивизии А. А. Маляр. Полушубок у него нараспашку, воротник в густом инее, в черном антраците глаза — веселые огоньки.

— Здорово, хлопцы! — пожимает он каждому руку. Обогревшись немного, обращается к Тюне:

— А теперь за дело, Иван Алексеевич. Я ведь весь день за вашим полком гоняюсь... Нужно вручить партийные билеты и птаповцам, принятым в партию. Вызывайте товарищей сюда...

Он передает список. Тюня вручает его мне.

— Твоя бывшая комсомолия, — смеется Тюня. — Вот и обеспечь их явку.

Я надеваю шинель и выхожу в черную муть январской ночи.

Вручая партийные документы молодым коммунистам, Андрей Андреевич поздравляет их и, улыбаясь одними глазами, весело говорит:

— Сейчас мы встретились в блиндаже гитлеровского генерала, но придет время, встретимся с вами в Берлине!..

* * *

Очистительным ветром наполняется широкая приволжская степь. Громко, победно трещит сорокаградусный мороз, радостно хрустит под ногами снег. С рассвета и до темна мы все продвигаемся и продвигаемся вперед. То и дело встречаемся с немецкими танками. Тяжелые, выкрашенные в светлые тона, чтобы меньше были видны зимой, машины то и дело застrevают в глубоких сугробах. Танкисты, не принимая боя, бросают их и пускаются наутек. Чудом оказалась тут сам Гитлер, и тот не остановит их.

Вот и станция Воропоново. Сорок километров отделяют ее от Басаргино. Станцию и поселок вокруг мы занимаем рано утром, на восходе солнца. За вокзалом, на белой равнине, вражеский аэродром. Это отсюда еще недавно взмывали «хейнкели», «Дорнье», «юнкерсы», «мессеры» и черной смертью носились над нами. Сейчас никогда грозные машины стоят недвижны. По ним лазают наши пехотинцы, сгоняя в колонну пленных летчиков.

Скоро небольшой конвой гвардейцев ведет обезоруженных асов и обслуживающий персонал аэродрома. Враги [129] обшарпаны, черны, сумрачны, пришиблены. Эти уже отлетались!

Само собой сложилось неписаное правило боев этого периода: посветлу движемся вперед, собираем пленных, отправляем их в тыл, а ночами отдыхаем. Гитлеровцы же ночами не спят и укрепляются, чтобы утром задержать нас. Они сидят в окопах и траншеях и палят по наступающим из всех видов оружия. Но разворачиваются наши батареи, играют «катюши», и немцы срываются с укрепленных за ночь позиций, бегут без оглядки. Бегут не на запад, а на восток.

— Смешно, — раздумчиво говорит Саша Охрименко. — Наступали на Сталинград и драпают тоже в Сталинград.

— Это не поможет, — говорю я. — От нас не уйдут.

— Да, теперь им некуда деться! — басит Тюня.

Позади остается еще одиннадцать километров. Перед нами деревянные здания пригородной станции Садовая, от нее всего четыре километра до Сталинграда-второго. В Садовой сохранились, не сгорели приземистые, обшитые тесом домики.

На небольшой площади митингуют румынские солдаты. Перед ними на возвышении их полковник. Он что-то громко говорит солдатам, размахивает руками. Потом вдруг яростно срывает погоны, швыряет под ноги и топчет сапогами. Затем быстро бежит к сарайчику в отдалении, выхватывает пистолет из кобуры и бросает его к стене.

За ним к низкому полузаметенному снегом строению устремляются и солдаты. По примеру своего полковника они складывают у стены связки гранат, винтовки, пулеметы.

Мы проходим мимо румынских солдат вслед за своими орудиями.

На дороге нас ожидает начальник штаба полка капитан Захаров. Встречая батареи, он передает приказ быстрой двигаться на Песчанку.

— Там немецкие танки, доты, враг сопротивляется. Раздавить его! Живее, товарищи, живее!

Машины круто поворачивают на юг. Полчаса езды на высоких скоростях — и мы на окраине Песчанки. Завидев артиллерию, танки врага прячутся в балочки, потом пускаются наутек. А из немецких дотов яростно бьют минометы и пулеметы. [130]

— По дотам, осколочными! — несется команда.

Батарея Саши Охрименко бьет залпами. Вражеские укрепления начисто разбиты снарядами.

Утром следующего дня получаем приказ выйти на развилку дорог. Там обнаружены танки и доты, преградившие путь советским гвардейцам. Батарея старшего лейтенанта Охрименко мчится туда. Разворачивается и с ходу бьет по удирающим танкам. Наши пехотинцы, блокировав доты, подрывают их шашками тола. И снова, преследуя врага, врываемся в пригород Сталинграда.

От элеватора на «виллисе» мчится начальник штаба Захаров. Лицо его в багровых пятнах от мороза и ветра.

— Где Охрименко?

— С последним орудием!

— Передайте ему боевой приказ: немедленно выдвигнуть орудия на прямую наводку к элеватору!

«Виллис» начальника штаба мчится дальше, в другие батареи.

Тюня бежит навстречу Охрименко, а я остаюсь со взводом лейтенанта Бориса Рымаря. Тягачи, прибавив скорость, мчатся вперед.

У элеватора действительно курсируют немецкие танки. Огнем пулеметов и орудий они поливают гвардейцев нашей 36-й дивизии.

— Орудия к бою! — четко командует Рымарь. — Бронебойными зарядить!..

После первого залпа танки исчезают за развалинами.

— Орудия дулом вперед! — командует Рымарь.

Поспевает сюда и батарея капитана Тарнавского.

Перегоняя пушки, бегут гвардейцы, укрываясь за большими глыбами кирпича и щебня. Раздаются короткие и гулкие пулеметные и автоматные очереди. Иногда взлетает над развалинами «ура», и опять гремят пушки. Гвардейцы

медленно, но упорно очищают квартал за кварталом от гитлеровцев. И в этом бою у них в ходу штык, приклад, ручная граната.

Мы продвигаемся по Социалистической улице. Начинаясь почти у элеватора, она другим концом упирается в реку Царица, которая глубоким узким рвом пересекает город. Гитлеровцы бьются с остервенением, это конец для них. То и дело из подвалов появляются солдаты с поднятыми руками.

Мы с Тюней видим «виллис», который мчится на предельной [131] скорости. Командир нашего полка Л. Н. Степанов осторожно поддерживает сгорбленного и стонущего майора Телушкина.

— Что случилось? — с тревогой спрашивает Тюня.

— Тяжелое ранение в живот, — расстроенно отвечает Степанов.

Вечером узнаем: командир полка не довез Михаила Васильевича Телушкина до полевого госпиталя, он скончался в машине. Мы хороним заместителя командира полка по политчасти в Красноармейске, недалеко от могилы Саши Игнатьева.

* * *

Сопротивление вражеских солдат ослабевает медленно. Каждый городской квартал, каждый подвал они пытаются превратить в крепость: Гитлер все еще обещает выручить их, спасти от гибели. По ночам над городом кружат немецкие транспортные самолеты, сбрасывают на парашютах бензин, боеприпасы, продовольствие. Но грузы далеко не всегда попадают по назначению, наши солдаты своими ракетами успешно сбивают с толку немецких летчиков.

А по утрам вновь начинается очистка от гитлеровцев коробок и подвалов. Задрав над головами согнутые в локтях руки со скрюченными от мороза пальцами, они в одиночку и группами несмело выбираются на улицы. Вид у немецких солдат жалкий, они кутаются в одеяла и всевозможное тряпье, лица у всех в копоти и саже, как у трубочистов.

Кое-где еще стреляют. Огонь и металл вновь делают свое дело: выкуривают фашистов из развалин. Снаряды прошибают вражеские позиции, после грохота воцаряется тишина. И опять вспыхивают на той стороне белые флаги. Это продолжают сдаваться солдаты рейха.

Мы вплотную подходим к реке Царица. Словно узкая и глубокая трещина, она делит Сталинград на собственно город и пригород Минина. На той стороне в густом дыму и инее проглядывают темные коробки полуразрушенных зданий. Оттуда бьют пулеметные и автоматные очереди. Но броневые щиты орудий надежно укрывают итаповцев.

Пушки нашего полка стреляют осколочными по оконным и дверным проемам, бьют прямой наводкой. Батареи [132] дают залп за залпом. В каменных коробках гремят разрывы, повисают дым и пыль, рушатся стены и потолки.

Однако слух улавливает глухие хлопки выстрелов и левее этих развалин. На нашем берегу с сухим треском тут же рвутся вражеские мины.

— Откуда они бьют? — вопросительно смотрит на меня Тюня.

— Думается, с центральной площади города. Интересно, что у них там может быть?

— Хиба штаб какой?..

Подбегает командир батареи Саша Охрименко. Сказав что-то нам, он спешит в многоэтажную коробку, где на чердаке устроились разведчики полка. Старший лейтенант подносит к глазам бинокль.

— Ясно, — говорит он, — гитлеровцы стреляют из коробки трехэтажного дома, в котором был универмаг...

В момент подготовив данные для стрельбы с закрытых позиций, он передает установки на батарею и спустя считанные секунды командует:

— Огонь!..

Воздух рвет дружный залп четырех орудий. И сразу — частый, как барабанная дробь, стук станковых пулеметов с противоположной стороны. Это работают «максимы». Значит, наши и с другого конца города пробиваются сюда, к центру.

Проходит еще два дня. Мы по-прежнему на правом, обрывистом берегу Царицы. Перебраться на левый невозможно, оттуда непрерывно слышатся выстрелы вражеских минометов и пулеметов. Железнодорожный мост заминирован немцами и держится под обстрелом, пешеходный превращен ими в баррикады и тоже утыкан минами. Небезопасны и почти отвесные берега Царицы. Чтобы подготовить пути для последнего наступления здесь, всю ночь под прикрытием артиллерийского огня трудятся отважные саперы.

На рассвете 31 января приходят в движение наши батареи. Пушки взяты в передки, и мы грозно движемся на левый берег. За каждым орудием — по взводу пехоты. Миновав плотину, пехотинцы сразу растекаются вправо и влево, вливаются в улицы, проулки и буквально огнем выжигают фашистов из подвалов.

Снова и снова работают артиллеристы. Нет, танки здесь уже не появляются. Пушки бьют по минометам и [133] пулеметным гнездам. Командиры орудий ведут огонь самостоятельно по обнаруженным целям.

Мы с Тюней встречаемся в батарее Саши Охрименко. Минутный обмен мнениями — и бежим к орудиям. Вот-вот все закончится, уже близки наши части, идущие навстречу. То слышится их стрельба, то наступает затишье, и начинается огонь с нашей стороны. И все по центральной площади, по уцелевшим черным коробкам, по железнодорожному вокзалу...

Мы помогаем боевым расчетам катить пушки по кирпичам, по щебенке. А то расчищаем завалы, чтобы пройти вперед. Поворачиваем вправо на какую-то узенькую уличку, потом по-над траншееей катим орудия за станины и колеса — влево.

Перед нами большая площадь имени Девятого января. Наводчик Бураков через панораму прицела разглядывает трехэтажную коробку центрального городского универмага. Он замечает вспышки огня в оконных и дверных проемах, а возле пушки начинают свистеть пули.

— Ну-ну, недобитые сволочи!.. Вот я вас сейчас угощу!..

Все четыре пушки 2-й батареи стреляют по универмагу осколочными.

— Фашисты ведут огонь из подвала трехэтажной коробки, — сообщает кто-то. — Дверь в подвале бронированная, пули не берут.

— Сашко, — смотрит Тюня на старшего лейтенанта Охрименко, — сыграй-ка бронебойными!

— Сейчас!..

— Прекратить огонь! — громко, перекрывая все звуки, приказывает начальник штаба полка Василий Захаров, появившийся возле нас.

— В чем дело, капитан? — Я удивленно смотрю на него.

— Что случилось? — оборачивается и Тюня.

— Случилось, друзья! — восторженно глядит на нас Захаров. И нам становится вдруг ясно, что гитлеровцам в Сталинграде конец.

А на площади, над развалинами, над голыми и черными коробками в дыму — тревожная тишина. Только хруст снега под ногами, только близкое взмолнившее дыхание людей, только потрескивание мороза. Долгожданная радостная тишина! [134]

Кто-то возбужденно дышит рядом. Оглядываюсь — радиостка Аня Архипова. Оставив у рации новичка Гумера Айнетдинова, она бросилась на батарею, чтобы видеть своими глазами все, что сейчас произойдет.

— Друзья! — говорит капитан Захаров, морща обветренный лоб и щуря синие глаза. — В подвале универмага штаб шестой немецкой армии, и туда ворвались наши!

Притихнув, мы напряженно наблюдаем за этим подвалом, готовые в любую минуту ринуться на помощь своим. У двери уже толпятся наши гвардейцы.

В Сталинграде — мир и тишина!

Тюня хватает меня за руку и тянет ко входу в подвал. За нами устремляются Захаров, Аня, Охрименко. Нам хочется видеть тех, кто командовал армией бесноватого фюрера и привел ее к позорному концу у берегов великой волжской твердыни.

Не успели претиснуться сквозь гущу красноармейцев, как бронированная дверь подвала отодвинулась, и на морозном ветру затрепыхала белая тряпица.

— Сдаются! — гремят над площадью тысячи голосов.

Первым шел фельдмаршал Паулюс, за ним — группа генералов его штаба.

Держась друг за друга, мы претиснулись к самому подвалу и навалились с расспросами на бойца в полуушубке с темным от ветра и мороза лицом: он сопровождал гитлеровских генералов, выходивших из убежища.

— Расскажи, как все было, — киваю я на подвал. Лицо бойца расплывается от удовольствия.

— А так и было, — улыбается он. — Сами мы из тридцать восьмой мотострелковой бригады шестьдесят четвертой армии. Пробивались к площади по Сурской улице. Сперва захватили развалины бывшего кинотеатра «Комсомолец». В нем оказался немецкий госпиталь. Встретили там русских женщин — работали они нянечками да санитарками. Женщины нам и подсказали, что в подвале универмага — это рядышком, через площадь — находится штаб шестой немецкой армии, а там сам Паулюс с генералами отсиживается. «Ребята, захватим их живыми!» — сказал наш командир старший лейтенант Ильченко. Так все и вышло. А остальное вы и сами видели...

Желающих послушать этого веселого, счастливого бойца много. Нас оттесняют от него. А на площади — гомон, [135] аплодисменты. Работают громкоговорители. Лица бойцов и командиров светятся радостью.

— Война теперь скоро кончится, — мечтательно говорит Аня Архипова. — Приезжайте к нам в гости, дорогие товарищи!

— А куда конкретно? — спрашиваю у нее.

— В Петропавловск-Казахстанский. Я вас угощу бешбармаком.

— Приедем, Анечка, обязательно приедем! Вот только в Берлине побываем.

— Ну и еще сперва заглянем ко мне на Смоленщину, кислых щей отведаем! — уточняю я.

— И моя Черниговщина на пути, ко мне тоже заедем! — вставляет Тюня. — Наташка такой украинский борщ сварит, что за уши не отташишь!

— А Невинномысск почему забыли? Там вас ждет янтарный виноград!.. — добавляет капитан Захаров.

Мы беремся за руки и начинаем радостно приплясывать на главной площади освобожденного Сталинграда. [136]

На танкоопасном направлении

И вот новая весна, весна 1943 года!

Она начинается не тогда, когда припекает солнце и дует южный ветер, сгоняющий с полей снег. Нет, совсем не тогда! Весна могучим зеленым прибоем и шумом своим врывается в душу и в стужу, и в метель, и в дождь, и в ведро, если у человека поет сердце. А мы воодушевлены победой в Сталинграде. В нас живет боевой, наступательный дух.

В таком-то приподнятом настроении, с радостным ощущением новой весны в сердце мы прибываем в мартовское утро на железнодорожную станцию Волоконовка.

Тюня достает карту из планшетки, разворачивает и долго рассматривает ее, сличая с местностью, опустив на самые глаза густые светлые брови. Потом, подняв голову, восклицает:

— Видишь, Георгий, видишь! Мы опять на воронежской земле! Отсюда до родной Черниговщины — рукой подать!

Мы с ним медленно идем мимо разрушенных зданий и незаметно оказываемся на окраине. Тюня останавливается и приглядывается к чему-то.

— Вот и снова мы на Осколе, дружище! Поздравляю с возвращением!

Широко раскинув руки, Тюня словно желает заключить в объятия весь земной шар. Но вместо этого ловит меня и стискивает до боли в ребрах.

Вчера в пути нас застал обильный снегопад, а уже сегодня небо высокое и чистое, но прохлада с ночи еще сохранилась. Под ногами похрустывают снег и тонкий ледок. Полчаса — и паровоз, попыхивая веселым дымком, оттягивает порожняк подальше от станции, чтобы не разбомбили гитлеровцы. [137]

А мы, истребители вражеских танков, гвардейцы-сталинградцы, кроме напрямик в Шебекино. Тягачи натужно ревут, поднимаясь на крутые склоны; их моторы работают на полных оборотах. Подпрыгивая на ухабах, катятся наши зачехленные пушки.

Всходит солнце и бросает розовые лучи на изрытые траншеями, окопами, противотанковыми эскарпами холмы и склоны, на снега, перемешанные с грязью и гарью.

— Вперед, вперед! — торопит батареи начальник штаба полка теперь уже майор Захаров.

Оказывается, в боях под Полтавой противнику удалось потеснить наши части, не сумевшие прочно закрепиться. Перехватив инициативу, он развивает наступление. Вновь захватывает Харьков и спешит к Курску, Белгороду, Орлу. Положение создается весьма тревожное. И наша задача — остановить гитлеровцев, преградить им дорогу на Шебекино и Волчанская!

В каком-то степном селе мы делаем короткую остановку на завтрак и осмотр машин, потом снова — в путь. Мчимся ускоренным маршем, снег и грязь разлетаются из-под гусениц и колес в разные стороны.

Теперь уже солнце, поднявшись в синь, припекает вовсю. И пробуждаются ручьи, несущие мутные талые воды к рекам. Лучи преломляются в них и блестят, как осколки мелко раскрошенного стекла.

Во второй половине дня, не сбавляя скорости, мы вкатываемся в Шебекино. Немцев здесь не было, и городишко выглядел довольно весело с одной-единственной трубой какого-то завода в центре. А небо снова в непроницаемых тучах, грозящих весенним дождиком или снегопадом. На одной из улиц останавливается штаб полка, а батареи спешат дальше. Успеть, не дать возможности гитлеровцам перейти Северский Донец!

В долине реки — голые черноствольные деревья. Над ними — гул работающих моторов. Старший лейтенант Охрименко, сидевший в кабине первого тягача, останавливает машину, соскакивает на землю и чутко вслушивается. Когда на время затихают наши моторы, с противоположной стороны доносится приглушенный расстоянием лязг стальных гусениц. Сомнений нет: где-то гудят танки. Но чьи они? Наших там не может быть. И все же?..

Гадать некогда, гул нарастает и приближается. Поэтому [138] орудия сняты с передков, рассредоточены у дороги, приведены к бою, расчеты на своих местах.

Сразу становится тревожно на большаке. В напряженной тишине отчетливо слышен устрашающий скрежет гусениц. Неприятный такой, словно царапают сердце ржавой железкой.

Сколько танков движется на батарею? Три, шесть, десять? Наши это танки или немецкие?..

Эхо над лесом множит звуки, и кажется, что грохочет танковая лавина. Если прижаться ухом к полотну дороги, то можно уловить, как дрожит земля. Значит, идут тяжелые машины.

— Неоткуда быть нашим, — говорю я, подойдя к комбату. Кстати сказать, теперь я — заместитель командира батареи по политчасти.

— Факт, что немецкие, — соглашается он.

— Видимо, новые, в листовках было про них.

— Ничего, попробуем и новые!

Танки все ближе, гул моторов все гуще, напористей. Комбат Охрименко командует приготовиться.

— А ну, сталинградцы, бить без промаха! — напутствую я бойцов, шагая от орудия к орудию.

Танки совсем близко, но они закрыты высокими частыми деревьями. Большак петляет, извивается по-змеиному. Наводчики наводят орудия по звуку работающих моторов.

Напряжение с каждой минутой нарастает. Если на броне немецких машин автоматчики — не беда. Комбат Охрименко уже расположил в засаде взвод управления лейтенанта Константинова. Он не растеряется, человек испытанный.

Но танки вдруг замедляют движение. Теперь гул их слышен и слева, и справа, и спереди. Создается впечатление, будто они нащупали батарею и окружают ее.

Наконец на изгибе шоссе показываются грязные стальные машины.

Наверно, у них чертовски толстая броня. Зловеще поблескивают отполированные землей траки гусениц, чернеют жирные кресты на боках. Лениво поворачиваются длинные хоботы орудий с надульными пламегасителями. На броне и за башнями — никого.

Да, это новые танки. Под Сталинградом мы не видели таких. [139]

Торопиться с открытием огня нельзя, надо выждать, чтобы бронированные чудовища подставили нам свои испятнанные свастикой бока. Проходят считанные минуты, и первый танк поворачивается, чтобы двигаться дальше. В глаза бросается яркая надпись на боку: «Королевский тигр».

— По фашистскому танку, бронебойным, первому — огонь! — торжественно командует Охрименко.

Раздается выстрел, и снаряд прошивает боковую броню этого опасного зверя.

— Второму — огонь!

Второй снаряд с грохотом разрывается гусеницу следующего танка, и она с лязгом расстилается на дороге. Из пробоин хлещет дым, вырываются языки пламени.

И строчат автоматы обочь дороги. Это бойцы взвода лейтенанта Константина почти в упор расстреливают гитлеровских танкистов, выползающих из-под машин.

Снова зарядив пушки, мы ждем машины, что идут сзади. Нежданно атакованные, они останавливаются, поспешно, наугад дают залп по лесу и начинают отползать.

Взяв орудия в передки, мы добираемся до села Приютовка на самом берегу Северского Донца и тут располагаемся на ночь. Собравшись к нам в хату, местные старики рассказывают, что на эту сторону реки перешли четыре «тигра», а уже назад в сумерках вернулись только два.

— Тут-то оно вон что, — рассуждают старики, — на сталинградцев нарвались!

Колхозники восхищаются подвигом советских войск на Волге, расспрашивают, как было там, в Сталинграде.

— Молодцы вы, ребята! — уважительно говорят они.

Итак, мы в Приютовке. А на противоположном берегу реки, у подножия меловой горы притихло другое, еще более длинное село Волкове. Артиллеристы роют траншеи, круговые окопы для орудий и ходы сообщения, а разведчики неусыпно наблюдают за той стороной. Через Северский Донец перекинут мост. От него в Волкове начинается широкая улица, уходящая в гору. Слева от нее в сумерках белеет здание школы, окруженное высокими голыми тополями и акациями. Возле школы заметно какое-то подозрительно осторожное движение.

Появились разведчики батареи и докладывают, что [140] на той стороне находятся немцы, это установлено точно. А на школьном дворе — танки.

Темная ночь наваливается на Приютовку и Волково. Ни звезд в небе, ни просветов между хмурыми тучами. Молчат фашисты, молчим и мы. И вдруг за рекой раскалывают глушь и мрак выстрелы. В ту же минуту раздается длинная автоматная очередь, за ней другая, третья. Над Волково повисают яркие осветительные ракеты. Вот когда гитлеровцы выдают себя. Но чем вызван у них такой переполох?

Я бегу во двор, во взвод лейтенанта Гетмана. На мой вопрос, что происходит за рекой, Иван Иванович только пожимает плечами. А суматоха все усиливается. Отрывистым лаем заливаются пулеметы, от ракет становится видно как днем.

Так проходит минут десять, потом все стихает. Обождав еще, я возвращаюсь в дом, предупредив Гетмана, чтобы в случае чего немедленно снарядил ко мне посыльного.

Едва забрезжил рассвет, как ко мне прибегает боец от Гетмана.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, — чеканит он, — по льду реки что-то движется в нашу сторону.

— Что-то или кто-то?

— Человек какой-то, — поясняет посыльный.

Через минуту я уже возле Гетмана. Командир взвода стоит в окопе и наблюдает.

— Вон, смотрите, — указывает Иван Иванович на реку.

Действительно, на льду чернеет фигура человека, он ползет тяжело и очень медленно.

— Видимо, ранен, — сдавленно произносит Гетман. — Вон и след крови за ним тянется.

— Разведчик, наверно, — высказывает предположение кто-то из бойцов. — Ходил на ту сторону, а теперь возвращается...

— Немедленно двоих бойцов на лед, на помощь! — приказываю Гетману.

Разведчики спускаются к самому берегу и там залегают, расположившись в кустах. А меня что-то так и подмывает, не могу усидеть. Срываюсь и побегаю к бойцам, чтобы поторопить их. [141]

Ползущий уже недалеко от нас, но разглядеть лицо все же не удается: он двигается низко опустив голову. Одно не вызывает сомнений — на льду реки крупный сильный мужчина.

— Быстро к раненому! — приказываю разведчикам.

Ребята проворно прыгают на лед, подбегают, приподнимают ползущего, и меня словно током бьет в самое сердце.

— Тюня?.. Иван Алексеевич?..

Я мигом подскакиваю к раненому. Втроем мы поднимаем его и несем в дом колхозника Покутнева, где сами остановились с комбатом. Укладываем Ивана Алексеевича на дощатом диване. Санинструктор перевязывает Тюню. Я даю другу немного водки. Он пьет и откидывается на подушку, так и не открыв глаза.

Минут через тридцать ему становится чуть легче, он слабым голосом зовет меня. Сажусь у изголовья Тюни и слушаю отрывистые, но очень точные фразы. Иван Алексеевич с трудом рассказывает, что с ним произошло и что он увидел на той стороне реки.

Тюня на автомашине ехал к нам на батарею. В Приютовке не остановился, подумав, что мы, видимо, в школе. Приказал шоферу следовать через мост. Подкатил к школьному зданию, что прячется в деревьях, а оттуда по «виллису» — из пулемета. Водителя уложило наповал, Ивана Алексеевича тяжело ранило. Но все же он нашел в себе силы и добрался до реки. На берегу долго лежал, притаившись в какой-то выемке. Гитлеровцы почему-то его не искали, и Иван Алексеевич, спустившись на лед, стал ползти.

— Георгий, — тревожно шепчет он, — друг мой, запомни... в школе той штаб... во дворе танки... в садочке тоже...

За окном останавливается вызванная санитарная машина. Мы бережно укладываем раненого на носилки, чтобы вынести его, но в комнате вдруг оказывается полно народу. Весть о несчастье моментально облетает батарею, и все, кто был свободен, явились попрощаться с Тюней.

Гетман просто потрясен. Да и остальные с трудом сдерживают свои чувства. Любили Тюню очень, всем солдатским сердцем и потому несчастье с ним воспринимают как большое личное горе. [142]

Когда носилки поставили в машину, Тюня опять подозвал меня, что-то еще хотел сказать. Я наклонился, чтобы лучше слышать его ослабевший голос. Иван Алексеевич впервые разомкнул веки и, глядя мне прямо в переносицу, тихо прошептал:

— Друг, Георгий... вот как встретила меня земля родная... — И слезы потекли из его глаз. — Друг мой... школу ту нужно уничтожить... штаб...

Взяв его отяжелевшую руку, я пожимаю ее, этим самым даю понять, что мы так и сделаем.

— И еще... если я... тогда отпиши, как дрался с врагом... Чтобы знали Наталка и Василек... Ох как любил я мою родину Украину... Пусть мой Василек, если жив, любит ее так же... В этом мое счастье...

Захлопываются дверки, машина трогается с места и скоро скрывается за домами. Я долго гляжу ей вслед. Обернувшись, вижу рядом Ивана Ивановича Гетмана, он как-то беспомощно развел руки, будто хотел что-то сказать, но слов у него на этот раз не было.

— Мстить за Ивана Алексеевича, — говорит комбат Саша Охрименко глухим от напряжения голосом. — Мстить всегда и всюду!

В этот день возле каждого орудия разговор только о Тюне. Каждый что-то рассказывает о нем, вспоминает его беседы. Особо запомнились бойцам дни отступления к Волге, запомнилось, как острым, метким словом в адрес врага политрук поднимал настроение артиллеристов.

А потом пришло известие, что Ивана Алексеевича не стало.

Погиб наш Тюня — коммунист, солдат, человек. Жил он и шагал по земле со светлой улыбкой и распахнутой настежь душой. И рядом с ним было всегда светло и радостно.

* * *

После гибели Тюни мы близко сходимся с Сашей Охрименко. В свободные минуты он пишет стихи, а потом мы их обсуждаем. Саша не обижается на мои замечания, но в порядке оправдания бубнит, что оттачивать стихи не позволяет обстановка. Я в шутку зову его Денисом Давыдовым. [143]

Услышав, что я учился в Москве, в Литературном институте имени А. М. Горького, он расспрашивает, кого из молодых поэтов я хорошо знаю. Называю ему имена своих однокашников. Саша говорит, что любит стихи Константина Симонова и Евгения Долматовского, а других не читал. Поэму Симонова «Ледовое побоище» он знает наизусть. Особенно выразительно декламирует заключительные строки — они гармонируют с его душевным настроем:

Когда-нибудь, сойдясь с друзьями,

Мы вспомним через много лет,

Что в землю врезан был краями

Жестокий гусеничный след.

Чтомял хлеба сапог солдата,

Что нам навстречу шла война,

Что к западу от нас когда-то

Была фашистская страна...

Узнав, что Михаил Исаковский мой земляк, Саша с интересом расспрашивал о нем.

...Вечерами, перед закатом солнца, мы обычно обходим наши огневые. Теперь орудия стоят не в самой Приютовке, как раньше, а за ней, на хорошо оборудованных позициях. Заметив нас, гитлеровцы иногда бьют из противотанковых пушек. Снаряды вспахивают бруствер траншеи, но нас пока милуют.

— Ниже голову, Денис Давыдов! — дружелюбно ворчу на Сашу Охрименко.

— Да надоело изображать вопросительный знак.

— Всем надоело... Не забывай, что ты командир и должен беречь себя...

Многое предстоит продумать нам с комбатом. Все знали: впереди жестокие бои, и это волновало каждого. Хочется, чтобы наша батарея действовала слаженно, била врага метко, по танкам стреляла без промаха. К этому мы изо дня в день готовим артиллеристов. Ведь гитлеровцы еще сильны, и шапками их не закидаешь.

— Гансы и фрицы тоже готовятся ненужейно, — говорит комбат задумчиво.

— Еще бы! Мечтают взять реванш за Москву и Сталинград. Только не выйдет!

— Конечно не выйдет, — соглашается Саша Охрименко. — Хочется только, чтобы не так велики были наши потери.
[144]

— Потери, Саша, к сожалению, неизбежны. А вот уменьшить их в нашей власти, и в первую очередь за счет хорошей подготовки людей.

Не раз и не два заводим речь об окончательной победе над врагом. Саша оживляется, как-то светится весь изнутри. Говорит в таких случаях возвышенно:

— До победы, Георгий, — рукой подать!

А потом снова задумывается. В последние дни он вообще стал очень задумчивым. В такие минуты я подхожу, спрашиваю, о чем он грустит.

— Не грущу, друг ты мой, а мысленно рассуждаю. И знаешь о чем? О том, что мы с тобой после войны будем делать. Ты об этом не думал?

— Признаться, как-то не приходилось...

— А я вот думаю.

— И что решил?

— Хочу пойти в строительный институт.

— Денис Давыдов — и в строительный? А почему не в литературный? Ведь ты столько стихов написал!

— Написал, верно... Но когда думаешь о будущем, то проза жизни хватает за глотку. Все города и села до самой Волги разрушены или сожжены. Ты ведь видел! Их надо восстанавливать, а вернее, строить заново. Так что важнее, Георгий, стихи писать или дома строить?

— Важно и то и другое. А инженер-строитель звучит для меня не хуже, чем поэт. Звучит, Саша, да еще как!

...Быстро и незаметно в повседневных заботах и ожидании новых стычек с врагом проносится время. Миновали апрель, май, июнь. В июне была упразднена должность заместителя командира подразделения по политчасти. Замполитов батареи отправляют в Новосибирский военный округ на переподготовку, меня же наметили использовать в должности командира огневого взвода. Пока остаюсь в резерве полка. Подполковник Козяренко, который теперь стал командиром полка, оставляет меня в батарее старшего лейтенанта Охрименко.

В конце июня командиров батареи вызывают в штаб на совещание. Козяренко знакомит их с обстановкой на фронтах и приказывает в любую минуту быть начеку. После этого работники штаба проводят инспекторскую проверку батареи.

А днем 4 июля — опять предупреждение о готовности. [145]

— Теперь будем иметь дело с новыми гитлеровскими танками — «тиграми» и «пантерами». Самоходные установки «фердинанд» тоже представляют большую опасность, — напоминает Козяренко.

После этого предупреждения всю ночь на 5 июля мы не спим. Обходим огневые, беседуем с артиллеристами, рассказываем о новых танках противника, инструктируем, как по ним стрелять.

Настроение у артиллеристов боевое, наступательное. И это радует нас. Батарейцы говорят, что новые немецкие танки им не страшны:

— В марте двух «тигров» сожгли, теперь тоже не испугаемся!

Наши наблюдатели не сводят глаз с той стороны. Засекают новые цели, наносят их на карту огня, запоминают участки, где ночью шумят моторы.

У самого Северского Донца, надежно укрытые, не ослабляют бдительности те, кому предстоит метким пулеметным огнем отсечь немецких автоматчиков от танков. Это гвардейцы 36-й стрелковой дивизии, с которыми мы породнились в Сталинграде. На их исходных рубежах замаскированы готовые к бою «катюши».

После обхода огневых и бесед с боевыми расчетами мы с Сашей Охрименко возвращаемся на свой командный пункт. В узком проходе в блиндаж комбат отдает приказание командиру взвода управления Константинову не отходить от разведчиков, держать тесную связь с пехотой.

* * *

Нас никто не будит, вскакиваем на ноги сами, как заведенные. Глотнув холодной воды из фляги, ополоснув лицо, выбегаем из блиндажа.

Начинается новое утро. Воздух над рекой чист и свеж, дышится легко. Хотя до восхода солнца еще около двух часов, восток пылает багрянцем. Постояв с минуту, я заглядываю к связистам. У радиостанции сидит Аня Архипова в наушниках. Она только что разговаривала со штабом полка. Рядом с ней дремлет второй радист — Гумер Айнетдинов.

— Что нового? — поздоровавшись, осведомляюсь я.

— Готовность номер один, — говорит Архипова. — Таков приказ из штаба. [146]

Заглядываю на батарейную кухню. Завтрак уже готов, снимаю пробу и приказываю старшине немедленно начать раздачу пищи, посыпней накормить батарейцев.

Только успеваем запить сладким чаем пахучую гречневую кашу с дымком, как сразу разверзаются земля и небо. Бьют наши дальнобойные орудия, мощные реактивные минометы. Снаряды с воем летят над нами на ту сторону реки и там рвутся.

Смотрю на часы: два часа двадцать пять минут. Значит, мы упредили гитлеровцев, раньше начали артиллерийскую подготовку! Это здорово! Интересно, как они после такого огня смогут наступать?

Наш артиллерийский огонь все усиливается. Артподготовка еще продолжается, а уже гулом моторов наполняется воздух. Поднимаются и идут над нами «лаги», «яки», «илы».

— Дают по-сталинградски! — восторженно кричит лейтенант Константинов, наблюдая за разрывами.

— Да, бьют насмерть! — соглашается комбат Охрименко.

— Смотрите, смотрите, что творится у противника! — взволнованно произносит командир огневого взвода лейтенант Рымарь.

На той стороне Северского Донца все задымлено и все полыхает огнем, рушится. Что-то взрывается в балочке, в другой рвутся и воспламеняются какие-то емкости. Колышется дым над Волково, Масловой Пристани, Белгородом.

За первой волной наших самолетов идет вторая, третья. Штурмовиков сопровождают «Лаг-5», эти быстро летающие машины парят в синеве подобно соколам. За рекой наши самолеты снижаются и на бреющем полете строчат по гитлеровцам из пушек и пулеметов.

— Наддай, наддай! — радостно кричат иптаповцы.

Запыхавшись от волнения, к Охрименко прибегает Аня Архипова:

— Товарищ гвардии старший лейтенант! Приказ из штаба полка: подготовиться к отражению атаки немецких танков.

Мы переглядываемся. Какие могут быть танки после такого артиллерийского огня и удара с воздуха?! Скептически относятся к сообщению радиотехники и разведчики. Но лейтенант Константинов замечает: [147]

— Вспомните Сталинград! Какая артподготовка была 10 января, а все же у гитлеровцев сохранились танки. И здесь уцелеют, ведь многие из них закопаны в землю.

— Добро, Архипова, — говорит комбат Охрименко. — Передай в штаб: мы давно готовы.

В полосе танкового мешка, подготовленного на нашем берегу для фашистских «пантер» и «тигров», начинается движение. То в одном, то в другом, то в третьем месте вспыхивают и гаснут огни, оставляя сизые клочья дыма. Торчат из земли стволы, очень напоминающие орудийные. И противник принимает меры. После долгого молчания немцы, словно опомнившись, обрушают огонь своих уцелевших пушек на эти ложные позиции.

— Ну, слава богу, начали долбить нашу бутафорию! — усмехается Охрименко.

...Первым замечает вражеские танки лейтенант Константинов, он и сообщает о них комбату. Тяжелые машины выползают из-за Волково, из рощицы на склоне горы, из оврагов. Затаив дыхание, смотрим, как они медленно приближаются к нам.

— Я ведь говорил, что уцелеют... — с горечью замечает Константинов.

Танки движутся по дорогам, по лугу и по тропинкам, а иногда отклоняются в стороны, словно вынюхивая безопасные проходы. Издали вражеские машины кажутся черными жирными жуками. Но, приближаясь, эти жуки чудовищно увеличиваются в размерах. За плоскими башнями мы различаем сидящих автоматчиков. Как только танки подходят на расстояние прямого выстрела, по ним открывают огонь новые длинноствольные пушки конструктора В. Г. Грабина. Они стреляют часто, звуки выстрелов напоминают резкий сухой кашель. Начинают активно хлопать минометы.

И вот подает команду гвардии старший лейтенант Охрименко. Батарея вступает в бой всеми орудиями, стреляет залпами по передним танкам. Иптаповцы работают проворно и точно. Наводчики, выстрелив, вновь ловят панорамами прицелов напирающие на передний край машины.

У реки часто и прицельно бьют станковые и ручные пулеметы гвардейцев 36-й стрелковой дивизии. Очереди слизывают с брони автоматчиков, выдувают их из-за башен и косят, как траву, на дымной полыхающей земле. [148]

Я хорошо вижу идущий впереди большой танк. Он с ходу кидается в реку, вздымает сверкающий веер брызг и тут же зловеще нависает над кромкой нашего, левого берега. Хорошо бы попасть в днище!.. И словно в ответ на мои мысли, гремит выстрел пушки сержанта Синицына. Танк с лихом задранным хоботом орудия так и повисает, окутавшись черным, смоляным дымом. Но из-за него, осторвневшего гремя, наползают новые. Однако Синицын не теряется, его пушка бьет без промаха.

Строй вражеских танков ломается, они движутся как попало. И наши боевые расчеты ведут теперь огонь самостоятельно. Резко, отрывисто звучат хлопки грабинских длинностволов, глухо бьют минометы, неповторима «мелодия» семидесятишестимиллиметровых пушек, глуховато-жидкими кажутся выстрелы противотанковых ружей. Шальнойную дробь отстукивают станковые и ручные пулеметы и автоматы, рвутся под танками связки гранат.

На крутизне берега, которую не смог одолеть первый фашистский «тигр», теперь, дымясь, висят еще несколько танков. Из-за них рявкают орудия других немецких машин. Иптаповцы бьют по ним, и каждый снаряд попадает в цель.

Но вот гитлеровские танки, маневрируя, начинают расползаться и уходить из-под огня. Потом поодиночке пытаются форсировать реку на широком фронте. Но везде густо стоят наши батареи, и врагу не удается осуществить свой замысел. Накал боя перемещается с одного участка на другой. Река превращается в главный рубеж, овладеть которым изо всех сил стремятся гитлеровцы и удержать который во что бы то ни стало стараемся мы. Напор врага не ослабевает ни на минуту.

И все же немцам удается в одном месте преодолеть Северский Донец. Рыча, как звери, танки упорно прут вперед. Лезут, не подозревая, что сейчас попадут в заранее подготовленный танковый мешок. Машины набиваются в него, как рыба в сеть. Теперь по ним лупят орудия всех калибров и систем, а также специально поставленные здесь самоходные артиллерийские установки ИСУ-100 и ИСУ-122. Яростная атака врага захлебывается.

Забежав в блиндаж глотнуть воды, я слышу, что зуммерит телефон. Снимаю трубку: на другом конце провода возбужденно дышит командир полка Козяренко. [149]

— Отлично показали себя, сталинградцы! — кричит он. — Так держать!

— Есть, так держать! — отвечаю я и выскакиваю из блиндажа, чтобы передать батарейцам похвалу командования.

...Вторая атака «тигров», «пантер» и «фердинандов» началась незамедлительно. Поддержаные артиллерией, немецкие танки вновь поползли к реке. На этот раз к нам двигались машины всех типов, марок и размеров. Видимо, гитлеровское командование бросило в дело все, что имело под руками.

Мы с командиром батареи, пробираясь от орудия к орудию, вновь обошли огневые, ободряя батарейцев...

В разгар боя вдруг проносится тревожная весть: боевой расчет сержанта Синицына раздавлен прорвавшимся «тигром». Вскинув голову, я вижу этот вражеский танк. Грозно нацелившись, он гремит теперь прямо на огневую сержанта Семенова, который отбивается от других машин и не замечает надвигающейся беды.

— Борис Иванович! — кричу командиру взвода управления лейтенанту Константинову. — Бери бутылки с горючей смесью, у меня есть гранаты, за мной! Надо выручать сержанта.

Мы вдвоем выбираемся из траншей и, обливаясь потом, ползем наперерез «тигру».

— С двадцати метров забрасывай его бутылками! — говорю Константинову. — Не возьмет — я встану на пути с гранатами!

— Понял, — отвечает командир взвода.

Неожиданно мы видим командира батареи Сашу Охрименко. Он ближе нас находится к танку и быстрыми рывками ползет навстречу машине. В правой руке у старшего лейтенанта связка противотанковых гранат.

«Он остановит! — бешено колотится мое сердце. — Остановит! А если не Саша, то мы с Борисом Константиновым! Конечно, теперь остановим!»

Танк близко, и Саша Охрименко перестает ползти. Он напряженно ждет две-три минуты. Машина грохочет, земля под нею дрожит. Чудовищно большая машина надвигается на маленького человека. А комбат, весь напрягшись, выжидает удобного момента. И он наступает, этот миг! Его упустить нельзя, иначе не быть батареи! Саша Охрименко тоже понимает это. Привстав, он опускается [150] на колено, чтобы лучше размахнуться и вернее бросить связку. Но в ту же секунду весь как-то странно сгибается и вновь ползет. Теперь уже он волочит за собой тяжелую связку. Потом припадает к земле, поворачивается на спину, и начинает сгребать землю к себе на грудь.

— Что он делает? Борис Иванович, видишь?

Мы не успели опомниться, как гусеницы «тигра» накрыли нашего командира батареи. Раздался сильный взрыв. Машину качнуло и накренило, она резко остановилась. Из-под днища вырвались дым и пламя.

— Саша! Саша Охрименко!..

Но предаваться унынию не время: со всех сторон на нас напирают немецкие танки, и надо их бить, чего бы это ни стоило!

Командование батареей я принимаю на себя и объявляю это всем взводам.

— Не вешать голову, друзья! — говорю батарейцам. — За Володю Синицына, за комбата Александра Охрименко по вражеским танкам — огонь!..

* * *

Поздно вечером мы хороним в Волчанске Сашу Охрименко и Володю Синицына с бойцами его боевого расчета. Даем прощальный залп из карабинов. Тесен круг батарейцев, переживших дни изнурительного отступления из-под Харькова в сорок втором и радость победы в Сталинграде. Нас всего трое — Иван Иванович Гетман, Аня Архипова и я.

После похорон все возвращаемся в свою батарею и сразу — за дело. Орудия перекатываем на заранее оборудованные запасные позиции. В ту же ночь нам привозят пушку взамен той, что раздавлена «тигром». И сразу создаем новый боевой расчет, командиром которого я назначаю лучшего наводчика Николая Шемардина, принятого в партию под Сталинградом.

* * *

Рано утром на батарею приезжает начальник штаба полка Захаров. Он осматривает наши позиции, беседует с артиллеристами. Находит, что у меня здесь все в порядке, и уезжает.

Аня Архипова по радио приняла сводку Советского информбюро. Мы жадно прочитываем ее с офицерами, [151] потом Гетман, Рымарь и Константинов поочередно знакомят со сводкой взводы и боевые расчеты.

В сообщении говорилось, что, вооруженные до зубов, взбодренные водкой, гитлеровцы 5 июля заняли исходное положение для атаки. Им зачитали приказ самого Гитлера, который гласил, что отныне они становятся участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну.

Хотя нам было не особенно весело, мы от души посмеялись над не в меру хвастливым фюрером. Обидно, что под Орлом и Курском врагу удалось вклиниваться в оборону наших армий и продвинуться, хотя и на незначительную глубину. Зато отрадно, что у нас, южнее Белгорода, фашисты не прошли! Теряя солдат и офицеров, танки и самоходные установки, они все топтались на правом берегу Северского Донца.

...Бои начинаются опять раньше обычного. Мы снова упорно отбили все неприятельские атаки и выстояли: немцы не прошли. С каждым днем все больше ощущаем, что противник слабеет. Разрекламированное крупное наступление немецко-фашистских армии близко к провалу.

— Скоро — в решительное наступление! — говорят батарейцы. И все мы ждем этого часа.

— Двинемся берегом реки до самого Харькова!

— Выбьем врага из этого города!..

Нас перебрасывают под Белгород. Прибываем туда ночью и сразу окапываемся. На рассвете вступаем в схватку с тайками и бронетранспортерами. Если под Волково гитлеровцы затихли, то здесь они еще атакуют наших, беспрерывно посылая вперед танки. Но «тигры» и «пантеры» действуют не так нахально, как в первые дни. Потеряв две-три машины, они пятятся и уходят, чтобы спасти остальные. И тогда мы катим свои пушки вперед, вклиниваемся в нейтралку, иногда — в первую, а затем во вторую линию вражеских окопов.

И вот он, желанный перелом!

Он происходит 3 августа. Рано утром начинается новая наша артиллерийская подготовка. Она как две капли воды похожа на ту, что была 5 июля, на ту, что была вокруг Сталинграда 10 января. Гулко и раскатисто говорят тяжелые артиллерийские басы, бьют «катюши» и «иваны грозные». На вражеские тылы обрушаивают потоки бомб наши летчики... Три часа меткий, уничтожающий огонь [152] молотит укрепления гитлеровцев. Потом взвиваются в воздух зеленые и красные ракеты. По их сигналу пушки переносят огонь в глубину боевых порядков немецко-фашистских войск. А уже за этим мощным огневым валом движутся вперед на врага советские танки, пехота, иптаповцы.

Наш передний край все время перемещается. Связисты не успевают проложить телефонную связь, как надо снимать ее: войска уже продвинулись дальше.

В такие дни выручает радиосвязь. Она работает безотказно, Архипова и Айнетдинов хорошо знают свое дело. Их станция всегда в действии. Удивительно легка и подвижна Аня, нежен и певуч ее голос. И лишь когда она — в наушниках, то голос приобретает не присущую ему твердость.

Теперь я часто в шутку спрашиваю, может ли Аня готовить бешбармак в Берлине.

— Где угодно, товарищ гвардии старший лейтенант! — отвечает девушка и грустнеет. — Только едоков становится с каждым боем все меньше. Нет Тюни, нет Саши Охрименко...

Специалист Архипова безупречный. Развернуть рацию — для нее пара пустяков. Не успевает Гумер Айнетдинов выбросить штырь антенны, как она уже отстукивает сообщение в штаб полка о боевых делах батареи. А чаще всего вызывает «Рубин» и требует твердых сигар, то есть бронебойных снарядов.

— Срочно шлите твердые сигары, наши — на исходе. Курим без конца! Как поняли?.. Прием...

Работают радисты по очереди, один постоянно следит за небом. Обычно это Гумер. Заметив в воздухе немецкие самолеты, он сердито и громко кричит Архиповой:

— Сестренка, скорей кончай работай! Летят...

Рация на минуту, на две выключается. Как только небо очищается или в нем появляются наши соколы, Аня сразу возобновляет работу.

В ночь на 9 августа, в ту самую ночь, когда наши 10-й танковый корпус и 40-я армия выбивали гитлеровцев из города Тростянец, отрезав им путь отхода на Сумы, у нас в батарее заседало комсомольское бюро полка. Рассматриваются заявления Ани Архиповой и Гумера Айнетдинова: оба просят рекомендации для вступления в партию. [153]

Радисты сидят рядом и смущенно переглядываются, держа на коленях заряженные карабины. На груди у обоих медаль «За боевые заслуги». Первым рассказывает биографию Гумер, она у парня предельно короткая. Родился недалеко от Казани. Окончил семь классов. Пас табун лошадей.

Аня тоже скромно рассказывает о себе. Окончила десятилетку и курсы радистов при военкомате. Добровольцем пошла на фронт в самом начале войны...

На подступах к Харькову в батарее появляется майор Николай Матвеевич Борисенко. После гибели Тюни его вновь назначили секретарем партийного бюро полка. На первом же заседании партбюро Аню Архипову с Гумером Айнетдиновым единогласно принимают в партию.

* * *

В числе войск, освобождавших Орел и Белгород, находился и наш 115-й гвардейский иптап. И первый салют, прогремевший в Москве 5 августа 1943 года, мы восприняли с большой радостью. Но упиваться успехами было рано: предстояли новые тяжелые бои...

Перед нами Харьков. Мы разглядываем его в бинокли и невооруженным глазом. Большой промышленный город. Минувшей весной он дважды переходил из рук в руки. Почти два года в нем хозяйничали гитлеровцы. Я хорошо помню, как мы с болью в сердце оставляли его в сорок первом. Уходили, все оглядываясь, долго не теряя из виду златоглавый Успенский собор, воздушную громаду здания Госпрома, тракторный завод. Наши сердца все это время были с ним.

И вот он, Харьков, опять перед нами.

— Одни развалины, — мрачно замечает Константинов.

— Разрушены тракторный и шарикоподшипниковый, — добавляет Гетман.

— «Серп и молот» — тоже, — глядя в бинокль, говорю я.

Зловеще чернеет здание Госпрома в конце площади Дзержинского, ничего не осталось на месте, где был когда-то дом обкома партии. Он, видимо, взорван. Заметна лишь коробка гостиницы «Харьков».

Хорошо помню легенду о возникновении этого города. Ее рассказывал мне Андрей Андреевич Маляр. Давно рассказывал, в мае сорок второго, когда мы стояли еще [154] под Чугуевом. Древняя это история, как сама земля русская.

...С севера на юг по широким степным просторам текут три реки. Они несут хрустально светлые воды свои в Северский Донец. По рекам этим плыли струги, долбленные из крепкого дуба ладьи, плоты и баржи смоленые. С юга двигались греческие, турецкие, крымские купцы, с севера — курские, орловские, смоленские, литовские. Везли товару всякого. И там, где реки эти сливаются в одну, на берегу торга устраивались дивные.

Курский купец по прозванию Харьков и спроворил в тех местах харчевню. Занимался он и куплей-продажей товаров. Кто бы ни плыл по этим рекам — не минует гостеприимства именитого Харькова: он сделался видным лицом в этих местах. Возникшее поселение и главная из трех рек и были названы его именем. А две вливающиеся в главную речушки получили свои названия: одна — по селению Лопань, другая — по прозвищу степного поселка Уда.

Харьков не раз подвергался опустошительным набегам. Но не падали духом харьковчане, постоянно отстраивали заново свое поселение. А для защиты от врагов создавали воинские отряды, обносили поселение высоким дубовым забором, в центре насыпали холм, постепенно превратили Харьков в крепость.

Тогда-то он и был включен в систему укреплений, оборонявших южные земли России от набегов турок и крымских татар, действовавших в тесном союзе. А сделал это царь Петр I, заметивший город у трех рек в годы русско-турецких войн... Такова легенда...

Мы вплотную подходим к Харькову. Батареи нашего полка занимают огневые на самых танкоопасных направлениях. Моя — на юго-восточной окраине пригородного села Кулиничи. Орудия маскируем невдалеке от кладбища и возле дороги на Зупенку.

Позади едва слышно шумит речушка Немышль. Она где-то у самого города послушно прячется в толстую каменную трубу и бежит по ней, чтобы выплыть чистой струей в реку Харьков. На берегу Немышли, в каменной двухэтажной коробке, располагает батарейную кухню старшина. Это — наши исходные позиции в рядах пехоты. Здесь с часу на час ждем приказа наступать. Но сигнала к атаке все нет. [155]

В полдень всех командиров батарей вызывает к себе командир полка Козяренко. Войдя в штабной блиндаж, я первым делом увидел майора Захарова, склонившегося над разложенной на столе картой Харькова. Карта испещрена цветными стрелками. Красные указывают наши направления. А контуры самого города в обводах напоминают коровью голову с одним глазом и очень короткой, усеченной мордой. Два куцых рога указывают направление на Волчанска и Золочев, левое обвислое ухо — в сторону города Шевченко.

Командир полка Козяренко раскрывает нам план предстоящего сражения. Город удерживают отборные немецкие дивизии «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Великая Германия» из армейской группы «Кемпф». Хотя они и потрепаны под Белгородом, но еще представляют серьезную силу.

— Лобовой атакой врага не сокрушить, — гудит командир полка.

Я узнаю, что наши 5, 53 и 69-я армии обходят город с севера и северо-запада, 57-я обжимает его с юга и юго-востока. А наша, 7-я гвардейская, наступает с востока. Полк будет штурмовать город в боевых порядках 36-й гвардейской дивизии...

Вернувшись на КП батареи, я вижу там кучу немецких листовок. Они былиброшены над нашими позициями пролетевшим «фокке-вульфом».

— Кто принес их сюда? — спрашиваю у Гетмана.

— Да я, — признается лейтенант. — Ты прочитай, товарищ комбат, что пишут, гады.

Нового я ничего не увидел. Гитлеровцы опять заявляли, что Харьков не сдадут, а потому призывали бойцов и командиров Красной Армии переходить на их сторону.

— И о чем только они там думают? — пожимает плечами Гетман. — Прямо как в той украинской побасенке: «Семь лет, как музыка играла, а дурни еще и теперь пляшут».

— Сжечь все до единой, Иван Иванович, — приказываю ему.

* * *

Солнце скользнуло за горизонт, но и после его захода в высоком небе долго виднеются косо идущие ярко-красные лучи. У меня почему-то эти закатные лучи больше [156] всего ассоциируются с кровью. С той, что лилась на Гомельщине и Брянщине в сорок первом, под Осколом и в Сталинграде в сорок втором, под Белгородом и здесь, у стен Харькова, сейчас, в сорок третьем. Да, красный цвет преобладает в гамме красок над всеми остальными. Красные восходы и закаты, красные пожары в городах и селах, красные широкие степные зарева иочные сполохи...

Мы с Гетманом направляемся во 2-й огневой взвод, расположенный у кладбища. Еще издали слышим зычный хохот, несущийся из блиндажа. Как всегда, бойцов развлекает усатый ефрейтор Хохленков, кавалер трех Георгиевских крестов.

— Послушаем, товарищ комбат, — предлагает Гетман. И мы останавливаемся возле блиндажа.

— ...Касаемо моего рождения, — фальцетом сыплет ефрейтор, — то того дня никак помнить неможно. Появился-то я на свет в начале сенокоса, и в деревне гуторили: родился на кочке... Мать сено сгребала и обронила меня...

— Вытряхнула, как из торбы, — комментирует кто-то.

— Допустим... А поскольку пора была дюже тугая, то на крещение к попу в то время не понесли, значит. Сенокос закруглили — уборка хлеба настала, тут уж и совсем не до такой персоны, как я. Таки дотянули до осени. Наконец крестный отец и крестная мать доставляют, значит, меня в храм господен. А уж осень-то в полном разгаре, первый зазимок был, сказывали люди. Поп рассердился на родителей за несоблюдение сроков и законов да и отказался крестить раба божия. Когда умаслили его, значит, то есть упросили за большое приношение, то согласился, искупал меня в холодной воде, а вернее, простудил, так как опосля, сказывали, я долго кашлял. И записано в церковной книге, что раб божий Антип Феофанов Хохленков родился 22 ноября 1891 года. Токмо на самом деле я на сто двадцать ден старше самого себя являюсь...

— Расскажи, Антип, как женился, — просят бойцы.

— А я, правду вам доложить, не сам женился-то. Мне жонку батька привел за руку из соседней деревни...

— Хороша хоть собой была?

— Хороша-то хороша, да токмо один глаз косил малость, да и рот на боку был приделан... [157]

И опять хохот заглушает голос рассказчика. Потом кто-то просит ефрейтора сказать, почему он сахар и табак меняет на водку.

— Сладостей я не обожаю, — признается Хохленков. — И от курева давненько отвычка вышла. А вот водочка...

Натура, значит, у меня такая: как выпью сто пятьдесят — двести граммов, так дюже здорово, значит, жизненный конус поднимается, тогда никакая смерть мне нипочем, как еще на империалистической, когда эти кресты заработал.

— Понятно объясняешь, папаша. Только говорить надо не конус, а тонус. Понимаешь, то-нус, — поправляет Хохленкова кто-то из молодых солдат.

— А за что, Антип, тебе эти кресты дали? — снова раздаются голоса.

— Об том в двух словах можно, — с удовольствием начинает ефрейтор. — Было то дело возле Пинских болот. Стояли мы в обороне, значит. Ночью я на посту находился. А немцы-разведчики «языка» шукали, шастали по всему переднему краю. Ну и навалились на меня. Троек было... Выходит, всех троих я и зарубил малой саперной лопаткой. Стали смотреть — среди убитых даже один офицер. Ну, за каждого и дали по кресту...

Стоило нам с Гетманом войти в блиндаж, как все сразу замолкли. Ждут, что мы скажем о наступлении.

Я кратко сообщаю о предстоящем ночном штурме города, о задачах батареи, потом предоставляю слово лейтенанту Гетману. Иван Иванович теперь секретарь партийной организации батареи. Без дальних слов он призывает драться за Харьков, как дрались за Сталинград.

— А главное, — заключает парторг, — метко бить фашистские танки ночью!

Когда мы возвращаемся на КП, Иван Иванович вдруг сокрушенно говорит:

— Ну какой из меня секретарь? За душою всего пять классов. Что я знаю?.. Как был колхозным бригадиром, так и вернулся на эту должность, хотя и по две звездочки на погоны повесили.

— В колхозной бригаде, наверно, больше людей, чем в батарее?

— Раз в десять больше. Да там проще. Люди такие, как я сам, с ними легче разговаривать.

Это признание заставляет меня задуматься. На войне [158] люди растут быстро. Когда я прибыл зимой сорок второго в 500-й артиллерийский полк, Гетман был старшим сержантом, командовал боевым расчетом пушки-гаубицы. Сам я имел звание сержанта и тоже был командиром орудия. Капитан Козяренко находился на должности начальника штаба, капитан Захаров — начальника связи... А теперь Иван Иванович — лейтенант, старший офицер батареи, я — командир батареи, а Козяренко командует полком. Стихнет буря, умолкнут пушки, кем тогда мы будем? Я, наверное, снова вернусь в школу и буду учить детей. Гетман уедет на Житомирщину и станет растить хлеб. А что будет с Козяренко? Вряд ли устроит его должность участкового милиционера в Виннице...

Да, победа над фашизмом вернет фронтовиков к прежнему труду, к любимым занятиям. Вернет, обогатив опытом, смекалкой, находчивостью, упорством, вооружив умением лучше распознавать людей, ценить мир и делать все, чтобы сохранить его на долгие годы. Многие пойдут в гору, прославятся успехами в труде. Но многие ли вернутся домой?..

Стоит уже ночь, а я не сплю. Растревожили меня слова Гетмана. Чтобы отвлечься, выхожу из блиндажа. Иду к связистам, потом — в огневые взводы. От них направляюсь в стрелковый батальон, с которым предстоит действовать.

На переднем крае, вдоль всего немецкого обвода, дружно ведутся саперные работы. Если бы вдруг выглянуло солнце, то везде бросились бы в глаза змеящиеся винтообразные сапы, то есть такие окопы, которые делаются на открытой местности для постепенного скрытного приближения к укрепленной позиции противника. Гвардейцы прокладывают их с таким расчетом, чтобы одним прыжком можно было ворваться в траншеи гитлеровцев.

Правее нас, на том месте, что обозначено на карте майора Захарова коротким коровьим рогом в синем зубчатом обводе, слышится интенсивная автоматно-пулеметная перестрелка. Темноту то и дело режут светляки трассирующих пуль. Стрельба усиливается, гитлеровцы оказывают отчаянное противодействие.

Батальоном пехоты командует майор Попов. Это умный, расчетливый офицер. Я хорошо знаю его по сталинградским боям и схваткам под Белгородом. Любит своих бойцов, дорожит ими. За жизнь каждого считает себя в [159] строгом ответе. Саперные работы — это его страсть, его особенность. В полку майора в шутку называют то землекопом, то просто кротом.

- Что там происходит? — всматривается комбат в разноцветные радуги трасс. — Разве соседи уже начинают?
- Рановато, — говорю я, поглядывая на часы.
- Значит, просто лупят со страху.
- Скорее всего.

Мы устанавливаемся, как лучше наладить взаимодействие и держать связь, и я, успокоенный, ухожу в батарею: с Поповым легко будет выполнять задачу.

Часовая стрелка переходит за цифру двенадцать. У нас все готово, у орудий дежурят наблюдатели. Они улавливают малейший шум со стороны тракторного и железнодорожной станции Индустральная. Пока там только строчат автоматы. Гула моторов, что для нас важнее всего, еще не слыхать. Иногда лишь разорвутся невесть откуда прилетевшие снаряд или мина, и снова устанавливается напряженная тишина.

Час ночи. Над городом полыхают красные дымы, слышатся глухие взрывы и грохот кирпичных осыпей. Это гитлеровцы, разрушая дома, устраивают завалы на улицах, чтобы задержать нас. Теперь уже скоро. Ожидание вот-вот кончится. В небо вонзятся сигнальные красные ракеты — и начнется штурм.

Да, ожиданию приходит конец. Заговорила наша тяжелая артиллерия. Она бьет по переднему краю противника, по засеченым аировцами{3} точкам и местам предполагаемого скопления танков. Залп за залпом обрушаиваются на территорию тракторного завода.

Я всегда с большим интересом наблюдаю за работой мощных артиллерийских систем. Любуюсь огнем, не имеющим себе равного. Если и впрямь артиллерия бог войны, то только мощная, крупнокалиберная! И сейчас меня приводят в восторг сокрушающие залпы корпусных орудий, пение их гулких басов!

Гудят в небе нашиочные бомбардировщики. Считанные минуты — и доносятся разрывы тяжелых авиабомб, сброшенных где-то за тракторным. [160]

Артиллерия переносит огонь на другой рубеж, и там все кипит, взлетает, перемешивается с землей и шлаком.

- Спойте, спойте им, милые! — радостно кричит мой связной Суханов.

Потом еще раз тяжелые басы играют по переднему краю противника. А когда в третий раз переносят огонь в глубину укреплений врага, с визгом поднимаются в небо ярко-красные, острые, как ножи, ракеты.

С криками «ура» высекают из сапов гвардейцы батальона майора Попова и быстро захватывают первую линию окопов врага. Стреляя и крича, они мчатся к следующей.

- Батарея, вперед! — командую я.

Еще ни разу не выстрелив, мы катим заряженные пушки руками. Передвигаться так очень трудно: сплошные окопы, траншеи, рвы и воронки. Напрягаемся изо всех сил. Я помогаю толкать первое орудие, а за спиной слышу отрывистое дыхание и топот ног бойцов других расчетов.

Отборные гитлеровские дивизии и не собираются добром покидать Харьков. Они контратакуют нас, подпускают к тракторному и поднимаются нам навстречу. Фашисты орут, строчат из автоматов и пулеметов, пускают в дело ручные гранаты на длинных деревянных ручках. Пехотинцы подхватывают некоторые из них и швыряют обратно в гитлеровцев. В этот момент и вступают в дело станкачи батальона майора Попова.

Однако его роты впереди залегают и начинают отстреливаться. Поблизости от них сухо рвутся вражеские мины. Из глубины двора тракторного завода слышатся выстрелы танковых пушек.

От Попова ко мне возвращается связной Суханов и передает, что из цехов вышли «тигры» и «пантеры».

— Сколько?

— С десяток.

— А «фердинанды»?

— Два или три... Майор Попов просит выкатить орудия на прямую наводку.

— Выкатим!

Немецкие танки впопыхах грохочут в нашу сторону, слышим нарастающий гул их моторов. Но идут они вслепую, тычутся в выемки и обходят завалы, стреляя наугад, куда попало. А как целиться нам, если совсем не видим [161] машин?! Гнать бронебойные снаряды в белый свет как в копеечку? Эх, осветить бы пoyerче двор!

Но батарея не имеет осветительных ракет. Может, они есть у капитана Попова?.. Посылаю к нему связного Суханова с просьбой хоть немного посветить. А тем временем приказываю наводить пушки по вспышкам выстрелов из вражеских танков.

И дело пошло: выстрел из «тигра» — ответ дает батарея. Дуэль разгорается, гремят выстрелы и разрывы, звенит в ушах. По двору тракторного, кажется, гуляют шаровые молнии. Слышится резкий беспрерывный стук пулеметов.

Но вот, завизжав, взлетает над темными корпусами белая, как солнце, ракета и повисает в воздухе. Попов все же нашел одну! Мы видим танки, и тут уже наверняка бьют наши орудия. Расчеты работают точно и быстро: нельзя упустить момент! Может быть, эта осветительная ракета действительно последняя у Попова.

Меткий огонь итаповцев останавливает гитлеровские танки. Гул моторов постепенно стихает, и мы догадываемся, что танки уползают с территории тракторного.

— Огонь, огонь! — запальчиво кричу я, чувствуя, что «фонарь», подвешенный пехотинцами, вот-вот погаснет. И он действительно гаснет, все опять погружается во мрак.

Тогда майор Попов приказывает пулеметчикам дать каждому по одной очереди зажигательными пулями. Что-нибудь загорится и хоть не так ярко, но осветит двор.

Гитлеровцы больше не контратакуют, но их пулеметы и минометы не дают возможности подняться батальону. Кричат тяжело раненные бойцы, требуя санитаров. Невдалеке от меня рвется мина, я сразу чувствую прикосновение чего-то горячего к ноге ниже колена. Наверное, осколок. Но никогда думать о нем: подбегает Гетман — бронебойные на исходе.

— Константинов! — зову командира взвода управления. — Немедленно связаться со штабом полка: бронебойных сюда, понял?

Лейтенант уходит. А Гетман освещает фонариком мою ногу.

— Что с вами?

— Пустяки, немного задело...

— Санинструктора сюда!.. [162]

Не успели мне оказать помощь, как появляется «виллис» командира полка. Машина останавливается, из нее высекивает злой Козяренко, подбегает и хрипло спрашивает:

— Обстановка, комбат?

— Атака противника отбита, товарищ подполковник.

— Но наша тоже захлебнулась...

— Мы двинемся снова...

— В медсанбат, — не дает он мне договорить. — Еще раненые и убитые есть?

— Ни убитых, ни тяжелораненых.

— Ну, у тебя сносно, — уже спокойнее говорит командир полка. — Вот в первой... две пушки выведены из строя, боевые расчеты — наполовину... А чего топчетесь на месте, у забора тракторного? — опять гремит Козяренко.

Пошумев, он садится в «виллис» и уезжает. А я мысленно вижу Козяренко в Гетмановке, в звании капитана, в должности начальника штаба полка. Там он был совершенно иным. С подчиненными не мог говорить спокойно, даже по пустякам кричал на них. Особенно доставалось писарям.

После отхода к Волге, потом, когда наш полк реорганизовали, а его повысили в звании и должности, Козяренко начал заметно меняться. Срывался в исключительных случаях. С тех пор еще больше изменился к лучшему, появилась в человеке грубоватая мужская забота о подчиненных. Ответственность, которую он принял на себя, заметно перековала его характер. Но все же иногда еще прорывалась в нем старая никчемная привычка «разойтись».

...Из-за тракторного вновь с воем летят мины, очереди трассирующих пуль. Близкий разрыв ударяет сержанта Лукина так, что он головой стукается о твердую стенку траншеи. Волной горячего воздуха с него срывает пилотку. Кто-то из ребят подбирает ее и нахлобучивает сержанту на всклокоченную голову. Трескается новая мина, и осколки жужжат, как шмели: вот она, смерть, пропела рядом. Но в голове только одно — как ударить наверняка по огневым точкам немцев? Как это сделать вптымах? Как надежно засечь врага, чтобы можно было установить точный прицел?

На батарею неожиданно возвращается Козяренко. [163]

— Что вы прилипли к забору?! Заткнуть глотки фашистским пулеметам и минометам!..

Принимаю решение стрелять с закрытых огневых позиций. Быстро готовлю данные, даю три залпа осколочными. Пехоте становится веселее. Но по-прежнему не дают подняться вражеские мины. Среди батарейцев появляются раненые. Я даю еще два залпа. Но и они безрезультатны. Как же заткнуть глотку стреляющим минометам врага?.. Стоп! А если пробраться на территорию тракторного и самому разведать, что к чему? Засечь, откуда они бьют, дать точный прицел на батарею... Только так! Оставляю Гетмана за себя, беру разведчика Суханова и связиста Хохленкова.

— За мной!..

Вот и залегшие роты майора Попова. Они у забора, сделанного из сплошных шлакоблочных плит. Здесь же и сам майор.

— Давай, брат, вот в этом направлении, — советует он, как лучше пробраться на территорию завода. — Оттуда лупят, шевельнуться не дают, в душу их...

Минуем невысокую железнодорожную платформу (с нее до войны отгружались харьковские тракторы). Немцев здесь нет, видимо, они отошли к заводским корпусам, под прикрытие прочных стен. Оттуда и ведут огонь минометы и пулеметы. Но это необходимо уточнить; с места, где я нахожусь, ничего рассмотреть нельзя.

— Еще бросок, хлопцы! — шепчу Суханову и Хохленкову.

Пригнувшись, опять устремляюсь вперед. Проскочив метров двести, останавливаюсь за углом какого-то здания. Суханов и Хохленков — рядом. Прислушиваемся: немцы близко, мы слышим их разговор. Приглядываюсь, чтобы точно определить, где они. Кругом горит. На фоне огня различаю вытянутые трубы какого-то цеха. Все понятно, гитлеровцы — в цеху.

— Хохленков, ну-ка подключи аппарат!

— Готово, товарищ комбат! — через минуту шепчет связист.

— Иван Иванович, — тихо говорю в трубку. — Слышишь меня?

— Хорошо слышу! — клокочет голос Гетмана.

— Тогда слушай мою команду...

Зло визжа, разрезают воздух наши снаряды. Разрывы [164] на миг ярко освещают цех и двор, Наши снаряды ложатся близко к цели, однако открыто поставленные минометы продолжают посыпать мину за миной в сторону батальона Попова. Но теперь я знаю, где они!

— Прицел больше два! — даю поправку. — Крой беглым, Иван Иванович!

Ревут пушки. Первый залп ложится по чердаку цеха, и установленные там крупнокалиберные пулеметы замолкают. Второй приходится по стенам и оконным проемам, снаряды рвутся внутри помещения.

— Прицел меньше одно деление!..

Наконец-то умолкают и минометы. Однако гитлеровцы открывают ураганную пальбу с другой позиции, левее.

— Ребята, за мной!

Втроем подбегаем к какому-то кирпичному зданию с выбитыми окнами и дверями. Осторожно обходим его — кругом ни души. Оставив Суханова внизу, у пожарной лестницы, я с Хохленковым поднимаемся на крышу. А крыши и нет вовсе, есть только местами проломанный потолок. Оглядываюсь — и сердце холдеет: две темные фигуры мельтешат перед глазами. Кряхтят, приложивая что-то. Приканчиваю обоих из пистолета. Теперь можно оглядеть этот участок двора. Начинают полыхать какие-то постройки в стороне, огонь острыми клиньями разрезает мрак. А вот и вспышки стреляющих слева минометов.

Снова передаю команду на батарею и жду пробного снаряда. Он ложится левее цели. Вношу поправку в угломер и шепчу в телефонную трубку Гетману:

— Четыре... беглым — огонь!

Доворот хорош! Снаряды разносят цель! Забыв, что мы на вражеской стороне, громко хвалю артиллеристов. И вдруг тревожный голос Суханова снизу:

— Нас окружают...

Лихорадочно строчит его автомат. Немцы тут же отвечают, завязывается опасная перестрелка. Вспышки выстрелов изрябили, изрешетили тьму, пули зацокали по кирпичам, засвистели вокруг. Приказываю Суханову спуститься в подвал и вызываю огонь батареи на себя...

Начинается что-то невообразимое. Кругом невероятный грохот, трещат пулеметы и автоматы, кто-то взбирается на второй этаж по пожарной лестнице. [165]

«Ну, дудки, здесь нас не взять!»

Над стеной вырастает черная немецкая каска. Я стреляю, и каска летит вниз, грохается на землю. Второй гитлеровец поднимается более смело, но его нечем свалить: пистолет без патронов. Напряженно жду, пока он взберется повыше, и, изловчившись, вырываю у него автомат, а рукояткой пистолета бью фашиста в висок. Сорвавшись с лестницы, этот тоже летит на землю. Поднимаются еще несколько человек, даю по ним короткую автоматную очередь.

И вдруг начинает строчить крупнокалиберный пулемет со второго этажа, откуда-то рядом со мной. Это георгиевский кавалер Хохленков пущил в дело немецкий пулемет, расчет которого я уничтожил чуть раньше из пистолета.

В горячке боя я не слышу, как раскатывается по двору тракторного победное «ура». Оно несется, заглушая все на своем пути. И сразу будто ветром сдувают гитлеровцев от нашей с Хохленковым «крепости».

— Товарищ комбат... товарищ комбат, — повторяет взахлеб мой связист, — наши!..

Да, во двор тракторного ворвались гвардейцы майора Попова. Они мчатся вперед, очищая территорию завода от врага.

— Иван Иванович! — кричу в трубку телефона Гетману. — Гвардейцы майора Попова здесь, на тракторном! Давай сюда и орудия!

Рядом с облегчением вздыхает Хохленков.

— Ну-ну... не думал остаться в живых... никак не думал.

— А я уже считал — крышка нам! — кричит, взбираясь по лестнице, Суханов. — Такая кутерьма заварилась... Ну и попали в пекло!

Наши войска решительно штурмуют Харьков. Первыми в центр города врываются гвардейцы 93-й дивизии; а наша 36-я гонит фашистов по широкому и длинному проспекту. Со всех сторон бьют пулеметы и автоматы. И хотя начинает светать, в воздухе все еще горят осветительные ракеты. С нашей стороны взлетают красные — это сигнал нам продвигаться вперед. Не останавливаться — только вперед!

Теперь фашисты сопротивляются слабо. И понятно почему: южнее города ведут бои другие советские части, [166] отрезая им пути отступления. Боясь оказаться в окружении, гитлеровцы поспешно удирают из Харькова.

Вот и центр города. Возле конного базара, на берегу реки, нам приходится развернуть батарею к бою. На улицах и в проулках гудят моторы вражеских танков. Но они уходят, батарея дает несколько выстрелов им вслед.

Потом нас перегоняют тридцатьчетверки. Взяв орудия в передки, мы следуем за танками. В районе переправы через реку Харьков опять вспыхивает короткий бой. Это яростно сопротивляются уже отряды прикрытия потрепанных гитлеровских дивизий. Они пытаются задержать нас, дать возможность своим основным силам убраться из города.

Объезжая завалы, мы подкатываем свои орудия к самому берегу реки и форсируем ее повзводно. По улице Свердлова едем, сидя на тягачах. Нас снова обгоняют тридцатьчетверки. Смяв прикрытие врага, они упорно преследуют его.

На Холодной горе мы встречаем яркое восходящее солнце. Оглядываюсь на город и вижу на черном от копоти здании Госпрома развевающийся красный флаг. Его приветливо и ласково треплет теплый августовский ветер.

— Друзья! — радостно кричу своим батарейцам. — Глядите — красный флаг! [167]

Радистка Аня Архипова

Широкая дорога, вся изрытая воронками от снарядов и авиабомб, уходит на юго-запад. Куда конкретно?.. Я достаю карту и сверяю с местностью.

Начинается пологий спуск к реке Уда, за которой дымятся какие-то строения. Это догорают пригородные села Покатиловка, Жихорь, Высокий. Там только что были фашисты. Влево, на крутояре, виднеется вдалеке монастырь. Оказывается, монастырь стоит в поселке Хорошево, там, где когда-то жил наш Андрей Андреевич Маляр. Где-то он сейчас, сталинградец?

А мы спешим в Мерефу. Этот районный центр на берегу реки Мжа — предполагаемое самое танкоопасное направление, и нам надо занять в нем огневую, окопаться, быть начеку. Немецкие танки ожидаются из Новой Водолаги.

— Иван Иванович, — подхожу к Гетману, — давай вперед со своим взводом.

Только он трогается с места, как на батарее появляется Козяренко. Он привез нового комбата. Я сразу узнаю его — бывшего командира 5-й батареи нашего полка капитана Ивана Федоровича Шалаева. Под Сталинградом он был ранен, вылечился и вот, разыскав полк, вернулся к своим.

— О-о! — удивляется Шалаев, увидев меня. — Батареей командует политика? Вот это здорово! А я думал...

— ...Что я могу только проводить собрания и беседы с комсомольцами, — перебиваю я.

— Что-то в этом роде, — признается Шалаев.

Рыжие волосы капитана, когда он снимает фуражку, напоминают яркое пламя. Иван Федорович — боевой офицер, [168] в Сталинграде порой сам вел стрельбу по немецким танкам. Хорошо, что Козяренко привез именно его, а не кого-то другого.

И все же мне обидно. Я заменил на поле боя Сашу Охрименко, командовал батареей в тяжелейшем бою на берегу Северского Донца. И вроде командовал неплохо, ведь сам же Козяренко хвалил. А теперь приходится сдавать боевое подразделение. Может, не понравилось командиру полка мое поведение во время штурма тракторного? Ругал он меня тогда за медлительность, верно. Однако и здесь батарея действовала, по отзывам начальника штаба Захарова, решительно и умело.

— Итак, — испытующе смотрит на меня Козяренко, — пока побудешь в резерве, а если хочешь, можешь остаться на батарее, не возражаю.

Признаюсь честно: в сердце воронулась обида, мне стало грустно. Словно нашел что-то очень дорогое и тут же невзначай обронил...

— Конечно, останусь... побуду в роли нештатного замполита, — взяв себя в руки, уже спокойно соглашаюсь я.

Скоро мы прибываем в новый район, указанный начальником штаба полка.

Мерефа... Так называлась выжженная до черноты земля. Лишь возле ручья, склоняясь под ветром, шумели старые ветлы и тополя, да тревожно гудел о чем-то зеленеющий сосняк на противоположной стороне шоссе.

Мы спешно окапываемся. Дело в том, что гитлеровское командование останавливает свои драпающие дивизии, подкрепляет их свежими силами и опять поворачивает на Харьков. И надо достойно встретить их.

Как по лесенке, взбирается ввысь августовское солнце. И уже припекает, становится душно. Длившаяся еще на окраине городка перестрелка стихает, устанавливается непрочная утренняя тишина.

Мы с лейтенантом Б. И. Константиновым проверяем боеприпасы. Бронебойных остается очень мало, а ведь стоим-то мы на самом опасном направлении. Вот-вот полезут, загремят «тигры» и «пантеры», тогда думать о снарядах будет поздно.

— Борис Иванович, — говорю командиру взвода управления, — ступай на радиостанцию и сообщи об этом в штаб полка.

— Есть, — говорит Константинов и уходит. [169]

Сморенный ночными боями, подавленный странным решением Козяренко, я растягиваюсь под старой толстой сосной и тут же на ветерке засыпаю. Просыпаюсь от гула вражеских самолетов над батареей. Взглядываю на часы — только восемь утра. Где Константинов? Зову — не откликается. Тревога закрадывается в сердце. Вскакиваю на ноги и тоже направляюсь на радиостанцию.

Летят пикировщики, их вой усиливается с каждой минутой. Наконец он загоняет меня в первую попавшуюся траншею. Приложив руку козырьком ко лбу, пристально вглядываюсь в небо. Самолеты надвигаются со стороны Полтавы и Краснограда, горизонт усеян черными точками.

«Если Архипова и работала со штабом, то теперь уже прекратила, — мелькает мысль. — Разве можно находиться на связи, когда в воздухе столько фашистских стервятников? Запеленгуют и разбомбят в один миг».

А косяк ревущих машин все ближе. От их мощного гула начинает дрожать земля. Черные тени устрашающе бегут по пыльному шоссе, соскальзывают с деревьев, накрывают огневые батальоны и батареи. Хорошо, что артиллеристы тщательно замаскировали пушки и тягачи. Над нами тени «юнкерсов», «хайнкелей» и «Дорнье», их перегоняют длинные тени «мессеров».

И вдруг свист, вой сирен и бомб. Я вижу, как с десяток «лапотников» отделяется от общей хищной стаи и поворачивает на батарею. Минута — и раздаются разрывы, неподалеку от наших орудий дыбится черная земля. За рекой Мжа тоже взлетают мохнатые копны поднятого чернозема. Густо тянет удущливой гарью. Глотаю этот ядовитый смрад, а сам не свожу глаз с неба. Фашистские самолеты все вертятся «чертовым колесом», а их неубирающиеся шасси, как лапти, скользят над деревьями. Это длится долго. Наконец, сделав последний заход, немецкие летчики отваливают на запад.

Не медля ни секунды, выскакиваю из траншеи и бегу дальше. Вижу окопчик, в нем сидят радисты, тут же растянулся возле бруствера лейтенант Константинов.

— Ну что? — опускаюсь возле него на землю.

— Беда, — разводит руками Борис Иванович. — В блиндаже ничего не было слышно, вынесли рацию сюда — не лучше. Связь с полком потеряна.

Архипова ни на минуту не снимает наушников, она [170] упорно вращает ручки настройки и вызывает «Рубин». Голос ее звучит устало, приглушенно. Сухость, видать, перехватывает горло.

— Гумер, бери фляжку и принеси воды Архиповой! — приказывает второму радисту.

Тот убегает к ветлам и быстро возвращается. Аня торопливо делает несколько глотков и снова вызывает «Рубин».

— Вот уж больше часа так, — вздыхает Константинов.

— Садятся аккумуляторы, — тревожится радистка. — А связи, как назло, нет и нет.

— Что же делать? — досадую я. — Снарядов почти нет, а танки вот-вот пожалуют.

— С питанием для рации обойдусь, — заметив мое огорчение, говорит радистка. — Сейчас подключим старые сухие батареи, я их не выбрасываю.

Ане помогает Гумер Айнетдинов. Получив усиленное питание, радиостанция работает хорошо, но «Рубин» по-прежнему не отзывается. Сидеть в этом окопчике радистке неудобно: спина упирается в сырую стенку, по гимнастерке непрерывно катятся песок и камешки. Лоб у девушки в испарине, глаза горят от соленого пота, струйками стекающего по лицу.

Константинов встает и, нервничая, прохаживается от окопа к ветлам и от ветел к окопу. Потом останавливается и спрашивает:

— Ну что?

— Есть связь! — радостно вскрикивает Архипова.

— Какая же ты молодчина! — хвалит он радистку. — Передавай кодом: срочно нужны твердые сигары, твердые сигары! Готовлюсь курить!..

— Ну что ты будешь делать, — чуть не плача говорит радистка, — опять исчез «Рубин».

И снова слышится нарастающий гул чужих самолетов.

— «Лапотники», — определяет Константинов и смачно ругается.

Конечно же это они: около сотни «дорные» держат путь на восток. И хотя они проходят в стороне от батареи, им ничего не стоит в любой момент развернуться.

— «Рубин», «Рубин», «Рубин», — непрерывно твердит Архипова. Она тоже слышит гул самолетов, отдает себе [171] отчет, какая опасность грозит ей, но не обращает внимания на это. Радистка знает — очень нужны бронебойные снаряды. И самое главное сейчас — скорей связаться со штабом.

— Кончал работай! — тревожно глядя вверх, говорит ей Айнетдинов. — Скорей, сестренка!

— Да, надо кончать, — соглашается и Константинов. — Самолеты почти над головой.

И тут же рев машин заглушает все звуки. Сирены воют так, что закладывает уши. Над батареей, как и прежде, кружат «лапотники». Они переваливаются с крыла на крыло и опрокидываются в крутом пике прямо над окопчиком радистки. В следующий миг нас с Константиновым далеко отбрасывает взрывной волной.

А «лапотники» все сыплют и сыплют бомбы. Страшно визжа, они взрываются, взметая землю. Первая бомба вырывает с корнем огромный темный дуб и дробит его в мелкие щепки, вторая сносит разлапистую ветлу над ручьем.

Придя в себя, мы с Константиновым испуганно глядим друг на друга: «Что с Аней?»

Я вскакиваю и кидаюсь к окопчику, где только что находилась радиостанция. Следом за мной бежит Константинов.

Место, где был окопчик, узнать невозможно! Все перепахано и выворочено. Глубокие свежие воронки затянуты сеткой синеватого дыма. Сердце дрогнуло: вот сейчас увидим останки нашей радистки...

— Конечно, ее нет, — словно прочитав мои мысли, шепчет покерневший лицом Константинов. — Вон только штырь антенны и торчит из окопчика, вернее, из вороха рыхлого чернозема над ним.

Мы вдвоем торопливо раскапываем этот холмик и вдруг обнаруживаем человека. Он стряхивает с себя комья земли... Чудо! Перед нами Аня Архипова, она жива и здорова.

— Снаряды скоро будут! — выпаливает девушка. — Я все же связалась со штабом полка!..

И только теперь, поняв, в какой опасности она находилась, не прекращая работы, Аня бессильно опускается на землю и плачет. Обильные слезы градом катятся из глаз, смывая со смуглых щек пыль и грязь. Это не слабость, это разрядка после всего пережитого. Выплакавшись [172] и наконец смекнув, что все страхи уже позади, она вытирает глаза и начинает смеяться.

* * *

На стыке двух областей Украины — Полтавской и Днепропетровской — мы выходим к Днепру. В синей дымке виднеются прибрежные кручи, тронутые холодной рукой осени. Знакомые кручи! Когда мы отходили в сорок первом, фашисты занимали их и наблюдали за нами с этих высот. Теперь правобережье надо отбить у врага. Трудно это сделать, а нужно. Расчет у нас простой: с ходу форсировать реку, не дав гитлеровцам закрепиться на том берегу!

В полку кипит напряженная работа. Во всех батареях вяжут плоты, скручивая бревна проволокой, прилаживают их на лафеты, к тягачам. С особым подъемом готовится батарея Шалаева. Мы с ним проверяем боевые расчеты. Все трудятся, как заводные, все оживлены, всем хочется поскорей на тот, на правый берег!

Тем, кто первым форсирует Днепр и вступит в бой с гитлеровцами на том берегу, будет присвоено звание Героя Советского Союза. Бойцы и командиры знают об этом, настроение у людей приподнятое.

— Слушай, папаша, — тычет Гумер указательным пальцем в грудь Хохленкову. — Твоя царский ордена носит, потом Золотой Звезда будет!

— Кто же откажется от такой награды! — откликается георгиевский кавалер.

— Моя нет, моя не отказалась, моя первая там будет! — выразительно кивает Гумер в сторону далекого правого берега.

Радисты сооружают себе особый плот. Накачав автомобильные камеры, Айнетдинов прилаживает на них доски, крепко вяжет их веревками. Потом вскакивает на доски, прыгает на них, они пружинят и подбрасывают его вверху. Гумер довольно улыбается: сооружение хоть куда!

Шалаев сам еще раз проверяет все плоты и отмечает, что особо постарался боевой расчет сержанта Шемардина, ставшего командиром орудия под Белгородом. Доволен им и командир огневого взвода лейтенант Рымарь. Потом комбат приказывает сдвинуть все плоты с берега на воду и привязать к кольям. [173]

Я вновь подхожу к связистам. Их плотик, напоминающий большое круглое гнездо, легко покачивается на волне. Радистка, собрав все необходимое, сидит на берегу наготове.

Аня Архипова... День и ночь она в боях, день и ночь движется вместе с нами. Стойко переносит неудобства, невзгоды и лишения фронтовой жизни. Это возвышает ее в глазах батарейцев. А что же она? Аня Архипова спокойна и счастлива, счастлива своим каким-то особым счастьем.

...Дождавшись темноты, Шалаев приказывает грузить на плоты орудия и боеприпасы. Воздух над рекой делается сырьим, надвигается дождь. Днепр глухо и тревожно шумит. Перекрывая его шум и плеск, бьют пулеметы и автоматы. Это гвардейцы 36-й стрелковой дивизии ведут огонь по тому берегу, спрятанному от глаз чернильно-черной мглой.

Заметив неподалеку силуэт машины, я подхожу к ней и натыкаюсь на Шалаева. Сидя в кабине тягача и подсвечивая карманным фонарем, Иван Федорович строчит донесение в штаб о готовности батареи форсировать Днепр.

Мы следим за ракетами, которые вот-вот должны вззвиться в воздух. Серия зеленых и красных — это сигнал начала переправы. Как-то она пройдет? Кого еще недосчитаемся в полку?

Начинает накрапывать мелкий дождик. Неприятно быть на воде под дождем. Но для нас такая погода как раз кстати.

Река бурно катит свои воды в ночи. И этот шум вызывает невеселые думы. Глянуть бы, что за ширь здесь, что за простор перед нами. Разведчики, побывавшие на берегу еще засветло, рассказывали: на этой стороне вдоль всего берега тянутся кусты краснотала, на той — широкий песчаный плес.

В разных точках у воды еще стрекочут пулеметы. Это наша пехота очищает левый берег от гитлеровцев. А из-за реки, кажется с самого края неба, гвардейским станками отзываются немецкие крупнокалиберные пулеметы. Стai светящихся пули бурают мглу. Они летят в нашу сторону и гаснут, не долетев. Видно, очень далек и крут правый берег. [174]

Днепр берет начало на моей Смоленщине. Я не раз видел место его зачатия. Это широкий колодец с черным торфяным дном на окраине села Рождество в Сычевском районе. Дно бурлит от множества бьющих ключей. Колхозник, проредивший меня к колодцу, сказал:

— Все время так дно прет.

«Дно прет, — повторял я тогда. — Дно прет!.. Какое удачное сочетание двух простых слов, образовавших название этой реки!..»

— Ракеты! — как дружный вздох, несутся возгласы бойцов.

Да, ракеты пошли в черное, провальное небо и расцветают в нем зеленым и красным. Описав крутые дуги, они вдруг осыпаются множеством ярких искр. У меня стучит сердце, делается жарко и весело. Были б крылья — сейчас бы взвился над рекой и помчался на тот огрызающийся огнем берег!

Забегали, застучали каблуки сапог, заработали весла, зашуршали плащ-палатки. Послышались отрывистые голоса команд. А вот и голос Гетмана:

— Первый взвод к переправе готов!

— Второй взвод готов! — это докладывает Рымарь.

— Взвод управления к форсированию Днепра готов! — чеканит Константинов.

Днепр! Дождался ты своей поры. До сих пор ты жил в нашей памяти, в наших грустных воспоминаниях, в гневных песнях как река скорби народной. Когда мы дрались с врагом у стен Сталинграда, ты был так далеко. А теперь мы на твоем берегу, слышим, как плещутся волны, как тревожно бьются они на отмелях. Днепр мой родной! Мой земляк! Мой несокрушимый великан!..

Я бегу в расчет сержанта Шемардина, с которым предстоит переправляться. Артиллеристы уже все на плоту, стоят по обеим сторонам хорошо укрепленного орудия, качаются на тусклом отсвечивающей воде. Массивный плот надежен, мускулистые солдатские руки подняли на него пушку и боеприпасы.

— Я на минутку к радистам, — кидаю Шемардину.

Плотик Ани Архиповой и Гумера Айнетдинова по сравнению с другими — пятак, не больше. Но для них двоих и такой хорош. Гумер сжимает в руках весла и ждет команды Константина. Аня сидит молча, словно и нет ее здесь. [175]

Заметив меня, Айнетдинов сообщает:

- Товарищ гвардия старшая лейтенант, за сестренка страшно мне.
- Что такое, Гумер?
- Она охал.

Я подхожу к ним ближе, приглядываюсь к радистке и замечаю улыбку на ее лице.

- Боишься, Архипова?
- Нет.
- Честно?
- Вполне, товарищ гвардии старший лейтенант.
- Ну, тогда все хорошо. Успеха вам!

...Над нами что-то лопается, как детский надувной шар. Мгновенно вспыхивает яркий белый свет и заливает весь берег. Это немцы подвесили очередную осветительную ракету. С той стороны разом бьют крупнокалиберные пулеметы. А выше их, кажется из-за облака, в нашу сторону стреляют орудия. Сперва виднеются вспышки, потом доносятся и звуки выстрелов вражеских батарей.

«Неужели нашупали? — мелькает догадка. — Как бы не попасть в переделку...»

Но тут же позади нас раздается грохот, не похожий ни на какие выстрелы. Оглядываюсь и вижу: поодаль с ухающим треском и шипением мечутся клубы светящегося желтого дыма, из которого вырываются и взмывают вверх раскаленные докрасна стрелы. Они проносятся над нами, опаляя воздух, вонзаются во что-то твердое на том берегу и рвутся так часто и так красиво, что мы слушаем их, как музыку.

— Ба-та-рея, впе-ред! — клокочет голос Шалаева.

Мельком взглядаю на Аню. При свете багровых вспышек ее лицо поражает спокойствием. Ни тени тревоги, ни искорки страха нет в ее черных глазах. Неужели эта девушка в самом деле счастлива? Если так, то выходит, что раньше я имел неточное представление о людском счастье. Видел его в тихой, обеспеченной жизни, в ясном сиянии лазури, в глади освещенных солнцем ласковых волн... А счастье, оказывается, у каждого человека свое, особенное. И оно не зыбкое, отвлеченное понятие. У него своя чудесная форма, особая, исключительная сущность. Аня счастлива, что плывет на тот берег навстречу опасности, что она среди нас — равная среди равных. [176]

Гумер взмахивает веслами, под ними плещет вода. Радисты медленно отчаливают от краснотала. Пожелав им удачи, я бегу к плоту Шемардина.

А он уже метрах в десяти от берега. Не раздумывая, прыгаю в воду и плыву за ним. Когда догоняю расчет, ребята помогают мне взобраться на плот.

- Дайте весло, согреться надо! — говорю бойцам, ощущая холод днепровской воды, стекающей с моего обмундирования.
- Возьмите мое, — уступает мне место сержант. — Мы не могли долго ждать, товарищ гвардии старший лейтенант, — виновато говорит он.

Позади нас, левее и правее тоже переправляются на правобережье на плотах, лодках, на разных подручных средствах. Отовсюду слышатся приглушенные дождем и тьмой команды.

Высоко над нами, выхватывая из мрака часть реки, вновь повисает белый фонарь. Мы плывем, как при дневном свете. И это раздражает.

— Ударь из карабина! — говорю сержанту.

Он прицеливается и стреляет. Свет над нами гаснет. Но рядом брызжет яркими белыми лучами другая ракета.

— А ну — по этой!

Шемардин попадает снова, однако над рекой вспыхивают сразу две.

— Смотрите, ребята, командир нашего полка плывет! — сообщает кто-то.

Да, в свете фонарей я замечаю Козяренко. Он сидит на одном из плотов, втянув голову в широкие плечи. Видимо, разглядывает приближающийся противоположный берег, который обозначен полосой пожаров, возникших после удара «катюш». То, что командир полка с нами, поднимает боевой дух. Мы гребем, упорно напрягая силы. Хочется поскорей выйти из освещенного круга воды, по которому гитлеровцы могут вот-вот ударить из пушек и минометов.

— Живей, живей, друзья! — несется над пузырящейся от дождя водой глухой бас Козяренко.

На наше счастье, кто-то сбивает ближние два фонаря. Плот наш впопыхах вскоре тыкается в прибрежный песок. Вот она, коса!

Где-то поблизости в небе, подобно грому, грохочет [177] орудийный залп. Стонущее эхо гулко катится над рекой. Не успевает смолкнуть эхо, как снаряды и мины накрывают реку. И опять взрывается выстрелами правый берег.

Несколькими залпами отвечают наши «катюши».

На песчаной косе вступают в бой наши орудия. Бьют по немецким танкам расчеты Лукина, Семенова, Шемардина. По узкой кромке между водой и косогором ползают три или четыре «тигра», слышится рычание их моторов, раздаются гулкие выстрелы. Одного из них, ударив в бок, останавливает расчет Лукина, танк занимается красно-желтым пламенем, другому снимает гусеницу снаряд, посланный орудием Шемардина. Этой же машине дырявят бок артиллеристы Семенова. В танке взрывается бензобак.

Начинается перестрелка и на самом крутояре. Туда уже проникли гвардейцы 36-й стрелковой. И гулко, клокочуще катится напористое «ура».

— Орудия — на гору! — гремит с крутояра бас Козяренко.

Катить пушки на крутояр? Это почти невозможно — такая высота и такая крутизна!.. Но мы катим их, потому что надо! Обливаясь потом и напрягая силы, катим наши 76-миллиметровые на верхотуру. Сознание этой необходимости, этого «надо» — стимул, который не имеет себе равнозначного и не имеет предела воздействия на человека. Надо! Чтобы пушка не соскальзывала вниз, подкладываем под колеса камни и коряги. Передохнем — и снова катим.

Наконец мы на крутояре. Ребята взмокли от пота, а на мне высохло белье и обмундирование после купания в Днепре, только парок поднимается от спины. На секунды останавливаемся, но, отдышавшись, опять беремся за станины.

Нас приковывает к месту команда:

— Танки слева!..

Моторы гудят близко, но тьма еще скрывает от нас машины. И лишь когда они начинают стрелять, мы примечаем, откуда выползают танки. Открываем огонь из всех орудий. Наводчики направляют стволы по мелькающим вспышкам. Гремят и гремят выстрелы.

На рассвете, когда начинает сереть на востоке небо, мы быстро окапываемся. [178]

— Плацдарм есть! — торжествует Шалаев.

— Есть, Иван Федорович! Теперь его надо удержать!

— Удержим!

Всходит солнце, но вскоре скрывается за пеленой наплывающих туч. И снова делается серо и неприглядно вокруг. Однако даже облака не могут закрыть багрянца осени. Тополя и липы, каштаны и яблони роняют и роняют отжившие листья. Они мокрые, лежат под ногами, поблескивая каплями влаги.

Часам к десяти немцы предпринимают первую серьезную контратаку на наш плацдарм. Они накрывают весь этот небольшой участок берега шквальным артиллерийским и минометным огнем, чтобы затем пустить танки.

А еще через полчаса я сижу возле Гетмана, тugo перетянутого бинтами. Он не успел нырнуть в свой блиндаж, и осколки близко разорвавшегося снаряда зацепили его. Иван Иванович долго стонет от нестерпимой режущей боли, потом впадает в забытье.

«Вот и этого...» Я вспоминаю, как мы с ним провожали из Приютовки тяжелораненого Тюню, как хоронили Сашу Охрименко. Теперь приходится отправлять в госпиталь и его, Гетмана.

Почему не возвращается Айнетдинов, которого я несколько минут назад послал за врачом? Не попал ли парень под артиллерийский огонь? Или не может отыскать военврача Федора Гордия? Вдруг он еще не переправился на правый берег?..

Худо Гетману, и я невольно досадую на Айнетдинова. А тут еще «лапотники» появляются в небе. Они то снижаются, то взмывают ввысь и из туч высыпают бомбы. Весь крутояр ходуном ходит от грохота бомбекки.

Наконец в землянку входит Гумер, за ним санитар.

— Как можно быстрей доставьте лейтенанта в медсанбат! — прошу я пожилого санитара.

— Положим в машину — и прямехонько туда, — заверяет он.

Мы втроем выносим носилки с раненым Гетманом, ставим их в санитарный автобус. Поцеловав Ивана Ивановича в посиневшие, бескровленные губы, я выбираюсь из кузова. Шофер дает газ, и автобус катит вдоль села к переправе.

А напряжение боя на плацдарме нарастает с каждой минутой. Гитлеровцы накрывают наш пятак минами [179] и снарядами. В одном месте массированным ударом танков и самолетов им удается потеснить нашу пехоту. Отстреливаясь, отползают назад гвардейцы 36-й. Козяренко приказывает оттаскивать орудия ближе к крутояру.

На иптаповцев наседают танки. Местами они вклиниваются в нашу оборону, которую мы не успели хорошо укрепить. Батареи бьют по ним в упор. Но враг не считается ни с чем и продолжает нажимать.

Начальник штаба майор Захаров вооружает всех писарей и офицеров штаба ручными гранатами и бутылками с горючей смесью, затем выводит их на линию огня. Но разве это силы? Мы вынуждены уступить гитлеровцам недавно занятые блиндажи и траншеи.

«А как же Аня Архипова? — обжигает меня мысль. — Она, наверно, осталась в блиндаже? Вон в том, возле белой мазанки, что виднеется на захваченной врагом стороне?..»

Вижу Гумера, он дерется рядом со штабными, но Архиповой среди них нет. Она, скорее всего, не успела по каким-то причинам вовремя покинуть радиостанцию... А у блиндажа возле белого домика уже бегают гитлеровцы, стреляют, бросают ручные гранаты, орут пьяными голосами. Сердце у меня холодаеет...

Во второй половине дня, поддержаные меткими залпами «катюш», нашей тяжелой артиллерией и штурмовой авиацией, мы снова гоним фашистов прочь от Днепра, полностью восстанавливаем отвоеванный на рассвете плацдарм. Мы с майором Захаровым и лейтенантом Константиновым бежим в первых рядах вместе с пехотинцами. Не знаю, как у них, а у меня сердце предчувствовало недоброе.

Домик-мазанка все ближе и ближе. Из него высекают три гитлеровца. Дав несколько очередей из автоматов в нашу сторону, они пускаются наутек. Захаров укладывает одного из пистолета, Константинов размахивается и с силой бросает ручную гранату. Но тех, двоих, она уже не достигает. Захаров первым врывается в блиндаж.

Следом за ним вкатываемся туда и мы. На земляном полу в луже спекшейся крови распостерта Аня Архипова. Она мертва. Одна пуля вошла в висок, и еще несколько прошили грудь... [180]

— Вот во что обходится нам каждый метр земли... — шепчет майор Захаров.

Вечером в селе Одинец, которое стало нашим маленьким плацдармом на правобережье, на самом крутяре мы роем большую братскую могилу. В ней хороним бойцов и командиров, сложивших головы на этом тесном пятаке. Вместе с ними опускаем в землю и нашу бесстрашную радиистку Аню Архипову. Орудия полка дают со своих позиций прощальный залп осколочными по переднему краю врага...

Все, кто принимал участие в похоронах, уже разошлись по своим подразделениям, заняли места на переднем крае. А мой друг майор Захаров все стоял у братской могилы, низко склонив голову. Налетавший с реки ветерок шевелил его русые волосы. Лицо Василия с лиловым шрамом на щеке было не суровым, а грустным, ведь он любил Аню и мечтал жениться на ней после войны.

Я глядел на майора с болью и думал о том, что вот не сложилось его счастье. Мало прожила его любимая девушка, но жизнь ее была прекрасной. Она дарила людям свое душевное тепло, свое сердце — и была счастлива этим. И потому, наверное, осталась Аня Архипова в памяти однополчан как символ добра и благородства, девичьей прелести и чистоты, как символ верности своему солдатскому долгу. [181]

От Днепра до Нарева

Быстро летят дни за днями. В боях не замечаешь, как идет время. Третий год длится война. Третий год мы в окопах и блиндажах, то в обороне, то в наступлении. Третий год на самых танкоопасных направлениях.

Вот и весна сорок четвертого... Я встречаю ее в новой воинской части. По указанию политотдела 36-й гвардейской дивизии меня с памятного плацдарма на Днепре все же направили на переподготовку в глубокий тыл. Окончив краткосрочные курсы, я с группой офицеров попал на 1-й Белорусский фронт и был назначен командиром огневого взвода 439-го полка, входившего в Краснознаменную, ордена Суворова 1-ю бригаду иппат. Нашей 1-й батареей командует Герой Советского Союза старший лейтенант Тимофей Семенович Егоров, рослый, стройный, подтянутый офицер.

Солнечным утром в конце мая нас, офицеров, пригласили к командиру бригады гвардии полковнику И. М. Вахромееву. Заходим в просторную штабную землянку и видим большеголового человека лет пятидесяти с крупными чертами лица. Это и есть Вахромеев. Едва мы уселись, он поднялся и сразу приступил к делу:

— Скоро начнется важная операция по освобождению Белоруссии. Нашей бригаде отводится особая роль: будем действовать в составе конно-механизированной группы генерал-лейтенанта Плиева.

— С конниками действовать не приходилось, — тихо произносит кто-то.

— А теперь придется, — улыбнувшись, отвечает Вахромеев. — Должен сказать, что казаки Плиева дерутся отважно, — продолжает комбриг. — Это они под орех разделали [182] на подступах к Николаеву заново сформированную 6-ю немецкую армию под командованием генерала Холлидта.

Подойдя с указкой к висящей на стене карте, полковник Вахромеев рассказывает нам о недавнем рейде конно-механизированной группы Иссы Александровича Плиева на Одессу и об особенностях ее действий.

...Вскоре после беседы у командира бригады мы получаем пополнение. Среди новичков я вдруг вижу знакомого бойца — своего бывшего хорошего разведчика Алексея Суханова! Он, оказывается, недавно выписался из госпиталя и тоже направлен в нашу иптаповскую бригаду. По просьбе Суханова я с радостью беру его к себе. Одновременно беру также в 1-ю батарею старшего сержанта комсомольца Семена Костерина. Этот среднего роста худощавый паренек с задумчивыми серыми глазами по-девичьи узок в плечах, но отличается хорошей выправкой. На вопрос, откуда он, старший сержант чеканит:

— Я земляк Сергея Мироновича Кирова. — И тут же смущенно добавляет: — Правда, родом я из деревни Костеряны, Яранского района, Кировской области...

Вечером мы с Алешей Сухановым вспоминаем сослуживцев по 115-му гвардейскому иптап, оставшихся в живых. Алешу ранило при освобождении районного городка Пятихатки наПравобережной Украине. От него узнаю, что тогда еще были в полку капитан Шалаев, майор Борисенко, капитан Федосов. А начальника штаба майора Захарова перевели в другую часть. Командира взвода управления 2-й батареи лейтенанта Б. И. Константинова ранило в ногу осколком снаряда еще на плацдарме, и он попал в госпиталь.

— А кто командует полком? — спрашиваю я.

— Подполковник Козяренко. Его тожешибануло в руку, только легко, доктор Горжий в своей санчасти вылечил...

«Шалаев, Федосов, Борисенко, Козяренко, — мысленно повторяю я. — Всего четыре ветерана в полку осталось. Как мало..."

* * *

...И вот батареи 439 иптап полностью укомплектованы материальной частью и личным составом. Не теряя времени, сразу приступаем к занятиям и начинаем тренировать [183] новичков. Предстоит научить их быстро приводить орудия в положения «К бою» и «Отбой», скоро и нужным снарядом заряжать их, делать точные установки уровня, угломера и прицела. Мгновенно наводить пушки в цель. Все эти навыки необходимы для успешного ведения боя. Одновременно учим вновь прибывших инженерному оборудованию огневых позиций.

Занятия идут полным ходом. Комбат Егоров, не торопясь, переходит от взвода к взводу, от орудия к орудию. На груди его торжественно поблескивает Золотая Звезда Героя. Тимофей Семенович сосредоточенно наблюдает за происходящим. Он немноговоровен. Замечания его существенны, советы важны.

Приблизившись ко мне, комбат поднимает руку с часами к глазам:

— Командуй, гвардии старший лейтенант, «К бою», «Отбой».

Я подаю команды, расчеты четко выполняют их. А комбат примечает, кто за сколько секунд управился.

— Костерин первый, — сообщает Егоров. И ко мне: — Повторим.

На этот раз лучших результатов добивается расчет сержанта Мартынова.

— Еще раз!..

Лучшую слаженность снова демонстрирует боевой расчет старшего сержанта Костерина. Комбат Егоров ставит его в пример другим.

— Надо понимать, — шутливо замечаю я. — Земляк Кирова в грязь лицом не ударит.

Семену Костерину нравится похвала, загорелые щеки его рдеют, глаза лучатся. Он старается, чтобы и все последующие команды расчет выполнял четко и быстро.

— Танки противника справа! — вдруг кричит комбат.

Я подаю команду рассредоточиться для стрельбы. Когда ее исполняют, мы с Егоровым проверяем, кто и как изготовился к открытию огня. Первым оказывается орудие сержанта Нуждина.

— С какой дистанции будешь стрелять, по какому танку и на каком прицеле? — спрашивает комбат.

— Танки движутся перед моей огневой справа налево, — уверенно отвечает сержант Нуждин. — Бить по ним начну с расстояния 600-700 метров на прицеле 12-14. Целиться буду в бока — они наиболее уязвимы. Ударю [184] с головы по четвертому, так как по третьему, второму и первому будут стрелять стоящие слева от меня Мартынов, Алексеенков, Костерин.

— Почему решил обстреливать колонну противника с головы?

— Чтобы вызвать замешательство, растерянность.

Комбат Егоров удовлетворен. Подходим к орудию сержанта Мартынова.

— Почему твоя пушка поставлена за кустом? — спрашивает комбат, осматривая огневую.

— Так лучше: гитлеровцы меня не увидят, а я их отсюда — отлично, сектор обстрела расчистил.

— Нуждин бьет по четвертому немецкому танку, считая с головы колонны, а ты по какому?

— По третьему, ведь я — рядом с ним.

— Правильно, — подтверждает комбат. А вот упоры для сошников надо сделать, иначе орудие от выстрела прыгнет назад.

Внимание сержанта Алексеенкова комбат обращает на то, что сильно задран кверху ствол пушки.

— Пока наводчик выведет такое орудие в горизонтальное положение для стрельбы, по тебе могут раньше ударить из немецкого танка, ведь твоя огневая на открытом месте, и заметить ее не трудно.

— Твоя задача, старший сержант? — подходим мы к Костерину.

— Дать пристрелочку по первому командирскому гитлеровскому танку! — четко рапортует Костерин, вытянувшись в струнку.

— Почему думаешь, что первый танк — командирский?

— У фашистов такой порядок — впереди пускать тяжелые, командирские машины...

Затем отрабатываем взаимозаменяемость номеров в расчетах, быстроту наводки, установку исходных данных на прицельных приборах. После этого — инженерное оборудование огневых. На этот раз комбат Егоров делает серьезные замечания старшему сержанту Костерину: его орудие плохо закопано в землю.

Вытянувшись по стойке «Смирно», Семен Костерин ответил:

— Я буду бить фашистские танки не землей, а снарядами! [185]

Комбат удивленно смотрит на Костерина: молод, а с характером. Говорит спокойно, однако строго:

— Вижу, что ты, старший сержант, еще не нюхал пороху... В первом же бою поймешь, как важно подготовить надежную огневую. Глубже зароешься в землю — сохранишь расчет и матчасть. — Егоров смотрит на часы и приказывает: — Бей фашистские танки чем угодно, но чтобы к шестнадцати ноль-ноль огневая была оборудована по всем правилам. Понятно?

— Понятно, товарищ гвардии старший лейтенант.

На этот раз расчет старшего сержанта Костерина работает почти без отдыха. И когда комбат приходит проверить, как выполнен его приказ, огневая готова. Оборудована хорошая площадка для орудия с широким бруствером и круговым обстрелом, сделано прочное укрытие для матчасти, старательно выполнена ниша для боеприпасов и глубокая, накрытая бревнами в три наката траншея для боевого расчета. Огневая тщательно замаскирована под цвета окружающей местности.

— Вот так всегда и делай, старший сержант, — говорит комбат Егоров. — На войне есть неписаное правило: больше пота — меньше крови...

* * *

В середине июня 1944 года во время одного из таких занятий в батарею прикатывает на «виллисе» командир 439 иптап подполковник Юров. Высокий, плотный, плечистый, он направляется прямо к моему взводу и говорит комбату Егорову, который подошел, чтобы отдать рапорт:

— Пусть занятия в первом огневом проводит лейтенант Скрипкин. — Гвардии старший лейтенант Гвоздев поедет со мной.

Подполковник Юров тут же усаживает меня рядом со своим шофером, сам опускается на заднее сиденье. Достав карту из планшетки, разворачивает ее и указывает на зеленый квадрат.

— Здесь застряла третья батарея полка, которой командует старший лейтенант Залавин... Комбат Залавин убит. А вот тут, — командир полка тычет указательным пальцем правой руки в другой квадрат, — создалось танкоопасное направление. Твоя задача: принять командование батареей на марше и к семнадцати ноль-ноль быть готовым отразить атаку немецких танков. Задача ясна? [186]

— Задачу понял. Разрешите выполнять, товарищ подполковник?

— Действуй и считай, что меня здесь нет...

Минут пять я еще изучаю карту: пути подъезда к батарее Залавина и от нее — к танкоопасному направлению. Местность лесистая, заболоченная... Нелегкую задачу поставил командир полка. Но делать нечего, надо выполнять.

— Давай вон на ту дорогу, — указываю молодому круглицему шоферу «виллиса». — По ней — налево, к лесу.

Оборачиваюсь и смотрю на подполковника Юрова: что скажет? Но он сидит молча, насупив брови, будто ничего не видит и не слышит.

— Трогай, — приказываю шоферу.

Машина легко берет с места. Доезжаем до дороги, поворачиваем на нее. Я внимательно гляжу вперед и по сторонам, ориентируюсь. Километра через четыре приказываю водителю повернуть вправо и ехать лесной дорогой. Да, 3-я батарея проходила здесь, виден след колес машин и пушек. По моим подсчетам, до нее еще километров восемь. «И зачем только Залавина понесло сюда?..»

Чем дальше, тем дорога хуже: следы прошедших недавно машин делаются все глубже, в них блестит вода. Значит, Залавин действительно забрался в болото.

Впереди путь, должно быть, еще трудней. А влево, вижу, пошла старая расчищенная просека. Приглядываюсь: по ней когда-то ездили. Приказываю шоферу править на просеку. Едем по ней и скоро достигаем неширокой речушки.

— Стоп, — говорю шоферу. — Жди меня здесь, я разведаю местность.

Я вылезаю из «виллиса» и невольно поглядываю на подполковника Юрова. Но он и бровью не ведет. Подхожу к ручью. Когда-то через него ездили местные жители, был мост. И сейчас торчат подгнившие сваи у того берега. На противоположной стороне речонки в глубь леса потянулась поросшая травой насыпь. Видимо, это старая лесная дорога к той деревне, которая стоит на танкоопасном направлении. Еще раз пристально разглядываю карту.

«По этой дороге и поведу батарею!» — решаю я.

От речонки едем назад, сворачиваем на дорогу и пробираемся [187] в сторону батареи. Да, 3-я безнадежно застряла в трясине. Заметив командира полка, комбат Залавин (он жив и здоров!), грязный и усталый, подбегает, чтобы отдать рапорт.

— Ты убит, старший лейтенант, — говорит ему подполковник Юров.

— Как?..

— Садись в машину со мной рядом и ни во что не вмешивайся...

С большим трудом выбираемся из трясины и следуем к просеке, затем по ней — к уже знакомому ручью. Полчаса уходит на сооружение прочного временного моста. А еще через тридцать минут батарея благополучно достигает опушки леса. Развернув орудия к бою, приказываю взводам окапываться.

— Отставить окапывание! — отменяет мое распоряжение подполковник Юров и велит построить личный состав.

Вздохи выстраиваются на поляне. Командир полка покидает «виллис», подходит к строю и, поздоровавшись с батарейцами, объявляет, что вместо старшего лейтенанта Залавина комбатом три назначен я.

* * *

Готовимся к проведению операции «Багратион». Итаповцы рвутся в бой. Каждую свободную минуту используем для проведения бесед. У меня есть о чем рассказать батарейцам: о днях тяжелого отступления в сорок первом и сорок втором, о боях у стен Сталинграда, под Белгородом и Харьковом, о форсировании Днепра. С большим вниманием слушают молодые бойцы трагическую повесть об Алексее Немировском и Ане Архиповой, о бессмертном подвиге батальона капитана Иванова на Голой высоте под Осколом... Все это вызывает у них ненависть к врагу, вдохновляет на ратные подвиги в предстоящих сражениях.

— Мы тоже не струсим! — заявляют батарейцы.

— Будем драться стойко!

Утро 24 июня. Над лесами поднимается яркий шар солнца. Неумолчно поют птицы, скрипят коростели в лугах. В такую пору хорошо спится. Но мы все на ногах. Батареи полка наготове. Мы с комбатом Егоровым стоим рядом, наблюдая за авиацией: наши почти с рассвета [188] непрерывно бомбят передний край противника. Огромные фонтаны густого черного дыма вырастают над полями и рощами от реки Птичь до реки Березина.

Только отработалась авиация, как земля содрогается от артиллерийских залпов. Егоров взглядывает на часы — без пяти минут пять.

— Операция началась, — говорит он, не опуская бинокля.

Да, наступление начинается! На участке нашей 65-й армии, которой командаeт генерал П. И. Батов, на каждом километре фронта установлено по 200 с лишком орудий. Они безжалостно молотят гитлеровскую оборону.

Благодаря удачно выбранному времени (в эту пору, под утро, большая часть немецкой пехоты и автоматчиков обычно находилась в траншеях переднего края), а также высокой плотности и точности огня артиллерийская подготовка оказалась очень эффективной. Мощный огонь тысяч орудий и минометов потрясал оборону врага, поражая живую силу, разрушая блиндажи и дзоты. Надежно подавлены были артиллерийские и минометные батареи гитлеровцев. Это стало ясно по тому, что немцы молчали даже тогда, когда в образовавшийся прорыв в направлении сел Паричи и Годуны входил гвардейский танковый корпус генерала М. Ф. Панова.

Ипаповцы готовы и ждут сигнала, чтобы вслед за конниками генерала Плиева ринуться на врага.

Команда приготовиться поступила на следующий день. Выстроившись побатарейно, вся 1-я ипаповская бригада — полк за полком, батарея за батареей, взвод за взводом — газует вслед за конниками.

Сперва движемся на рубеж ввода в прорыв. А местность — леса и болота, почти нет мало-мальски приличных дорог. Проселков мало, да и те плохи. Преодолев речонку Тремля с заболоченными, поросшими кустарником берегами, мы наконец вытягиваемся на заранее намеченный рубеж. И к вечеру проходим через боевые порядки наших наступающих войск. Потом энергичным ударом сбиваем арьергарды отступающего противника и начинаем стремительно преследовать его, держа направление на Глусск. Параллельно нашей бригаде гитлеровцев преследует конно-механизированная группа, в которой активно действует механизированный корпус [189] С. М. Кривошеина в составе трех мотострелковых и одной танковой бригад.

На следующий день выходим на реку Птич. Вместе с конниками с ходу форсируем ее и вблизи Подлужья захватываем плацдарм. Отбивая бешеныеочные атаки противника, ипаповцы удерживают плацдарм, а на него в это время переправляются основные силы конно-механизированной группы.

Рано утром при поддержке крупнокалиберной артиллерии мы, следя в боевых порядках конников, с восточного берега атакуем гитлеровцев, сбиваем их с занимаемого рубежа и освобождаем село Рыловичи. Лавина казаков Плиева устремляется за противником, удирающим на северо-запад.

Разгромив вместе с конниками немецкий гарнизон большого села Глусск, мы выходим на железную дорогу Бобруйск — Слуцк и перерезаем ее. А в сумерках 27 июня обкладываем плотным кольцом станцию и городок Старые Дороги. 1-я и 3-я батареи действуют рядом. Мы с Егоровым держим тесную связь, часто советуемся. Убедившись, что нас никто не ждет в Старых Дорогах, обсуждаем, как было бы хорошо брать станцию и городок ночью, не дожидаясь утра.

Еще лучше нас знает это генерал Плиев. Вскоре мы узнаем — атака начнется в полночь. С нетерпением ждем ее. И вот от плиевцев доходит весть: группу поведет в атаку сам генерал!

Огневые обезжает командир бригады ипап полковник Вахромеев, его сопровождает командир нашего полка Юров. Егоров докладывает комбригу о готовности своей батареи, за ним — я. После этого Вахромеев и Юров направляются в другие батареи.

Минуты напряженного ожидания, и вдруг взволнованный крик:

— Красные ракеты — вперед!

Мы с Егоровым видим в черном небе осыпающиеся яркие искры. Спешим к своим батареям. Расчеты занимают места у орудий.

Тяжелый, обвальный грохот вдруг катится по лесу — это бьет артиллерия конно-механизированной группы. Станцию и город потрясают разрывы. Разгораясь, начинают полыхать пожары.

А конники уже врываются на станцию и в городок. [190]

Мчатся с гиканьем, свистом сабель. Завидев их на улицах, гитлеровцы мечутся в панике.

Взяв орудия в передки, мы догоняем казаков. Потом останавливаемся, разворачиваем батареи к бою и ведем огонь по стреляющим немецким пулеметам и минометам. Городок обложен конниками с трех сторон, сопротивление гарнизона сломлено. Подорвав стоявшие на путях эшелоны с боеприпасами, мы покидаем Старые Дороги. Отныне здесь навсегда будет Советская власть!

Весь следующий день мы продвигаемся вперед, освобождая села от гитлеровцев, преследуя отступающего врага. Командующий 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский ставит перед конно-механизированной группой новую боевую задачу: стремительно преследовать немецко-фашистских захватчиков, овладеть рубежом Шишицы, Слуцк, Погост.

Перед вечером о поставленной задаче узнают все части и подразделения. Замысел: окружить и уничтожить врага в районе Слуцка.

Около полуночи выходим на реку Орессе. Переправ и мостов нет, они уничтожены удирающими гитлеровцами. Но нам не привыкать возводить переправы. За короткое время наведены мосты, мы форсируем эту водную преграду и продолжаем преследование противника. Часть конников достигает Слуцка еще утром 29 июня. На поддержку им спешит танковый полк и мы, итаповцы. Подкрепление доброе. К десяти-одиннадцати часам дня мы врываемся на юго-восточную окраину города, захватываем железнодорожный разъезд, мост на реке Случь. Начинаются упорные бои с неприятелем.

Командиров батарей вызывает к себе подполковник Юров.

— Разведка донесла, что на железнодорожной станции много воинских эшелонов противника, — возбужденно говорит он. — Гитлеровцы начинают подтягивать в Белоруссию танки, артиллерию, подвозить горючее и боеприпасы. Они стремятся увезти в Германию награбленное добро. Надо взорвать боеприпасы врага, парализовать работу станции! А главное — активно поддерживать огнем батарей конников, которые отрезают гарнизону гитлеровцев пути отхода на запад!..

Но происходит неожиданное. По наступающим красным казакам вдруг начинают бить немецкие пушки и [191] минометные батареи. Потом появляются и танки: из центра города слышен рев мощных моторов. Высылаю вперед разведчика Суханова узнать, в чем дело. Он быстро возвращается и докладывает:

— Движутся «тигры» и «пантеры» в сопровождении «Фердинандов». Конники скачут прочь от них...

Немедленно отдаю команду приготовиться к бою, а Суханова посылаю предупредить комбата Егорова.

Наблюдаю за улицей пристанционного поселка, на которой вот-вот могут появиться вражеские танки. Они, видимо, выгружены из эшелона минувшей ночью: на железнодорожном полотне еще стоят пустые открытые платформы.

Рядом со мной напряженно дышит комбат один — Егоров.

— Давай действовать так: ты бьешь по танкам, а я — по автоматчикам и огневым точкам врага.

— Добро!

Шарахаясь от немецких машин, скачут назад конники. Их поливают из пулеметов и автоматов. Егоров приходит им на помощь и стреляет по врагу осколочными.

Я вижу надвигающиеся танки. Впереди — закамуфлированный «тигр», весь в светло-зеленых и коричневых пятнах. Да, безусловно, это командирский танк, вот и штырь антенны над ним. Ствол пушки с надульником в горизонтальном положении. Домики по бокам мостовой дрожат от его громыхания. «Бить надо в бок, — примеряюсь я. — В самое уязвимое место».

— Зарядить бронебойными! — передаю на батарею.

И вновь не свожу глаз с движущихся танков. Хочется скомандовать — огонь! Но жду, подпускаю ближе.

— Не хватит ли подпускать, комбат? — оборачивается ко мне лейтенант Волков.

Пожалуй, хватит — до ближайшего «тигра» метров триста. Подаю команду:

— Первому — огонь!

В ту же секунду раздается выстрел. Закамуфлированный «тигр» останавливается, сержант Скрибный разворотил ему гусеницу. Он же посыает второй, подкалиберный снаряд. Танк загорается.

А неподалеку открывает огонь 5-я батарея капитана Баринова. Бьют 2-я и 4-я. Городок стонет от выстрелов. [192]

Звенит и гудят броня, вздрогивают и замирают на месте вражеские машины.

Тяжело бороться с «тиграми», но радостна победа над ними. Дымят, пылают на окраине Слуцка недавно грозные, так ни разу и не выстрелившие вражеские машины. Контратака противника захлебнулась.

Мимо горящих танков на полном галопе скачут конники. Гиканье, свист, блеск выхваченных из ножен сабель. Ошалело кричат гитлеровцы, не успевшие увернуться от ударов. А плиевцы скрываются в улицах и проулках, охватывают кольцом железнодорожную станцию.

С северной окраины города доносится гул стрельбы. По силе огня видно, что бой разгорается там не на шутку.

На батарею мчится «виллис» командира полка Юрова. Машина останавливается. Несколько секунд подполковник смотрит на полыхающие немецкие танки, потом приказывает взять орудия в передки и спешить на помощь казакам, которых контратакуют гитлеровцы с севера. Три минуты на сборы — и мчимся туда.

Из-за станции выкатываются краснозвездные тридцатьчетверки и тоже направляются в город. Устремляются на ту сторону, где режут воздух пулеметные и автоматные очереди и рвутся мины.

— Газку, больше газку! — торопит нас командир полка.

Оказывается, в городе вступили в бой около сорока вражеских танков, а вокруг них собрались удирающие автоматы. Враг пытается восстановить положение, отбросить нас за железнодорожное полотно.

Сняв орудия с передков, мы катим их на руках. Каждой батарее командир полка указывает сектор обстрела...

На этот раз смелее всех действует расчет старшего сержанта Костерина. Сидя за панорамой прицела, он сам уничтожил два танка врага. Сменив огневую и продвинувшись вперед, зажег еще один «тигр». Потом уступил место за прицелом наводчику Гусеву. Ефрейтор Гусев раз за разом дает два выстрела. Еще полыхает гитлеровская машина, но тут же откуда-то из проулка по орудию Костерина бьет «фердинанд». Застонав, наводчик Гусев отваливается от панорамы, обливаясь кровью. Второй выстрел «фердинанда» приходится по орудию сержанта моей батареи Кулинчева. Боевой расчет полностью выведен из строя. Однако кара тут же настигает [193] вражескую самоходку: ее расстреливает подкалиберным снарядом сержант Скрибный.

Орудия взвода лейтенанта Волкова бьют осколочными, поражая немецких автоматчиков. Уцелевший расчет взвода лейтенанта Корижкина продолжает стрелять бронебойными. Ему удается остановить и поразить еще один танк.

Даю команду катить орудия вперед. Продвигаемся дальше. Теперь виден пожар на площади. За полыхающим немецким танком жарко горит двухэтажный деревянный дом. Из него высакивают гитлеровцы, палят в нашу сторону из автоматов. Волков дает по ним два осколочных...

В трудное положение попадает боевой расчет старшего сержанта Костерина из батареи Егорова. Увлекшись преследованием врага, он продвигается по одной из улиц далеко вперед, отрывается от своих и остается без поддержки. Оглянувшись, старший сержант замечает, что враги обходят его. Быстро взяв себя в руки, Костерин приказывает ящичному Кнышу строчить по гитлеровцам из автомата, а сам сидит у прицела и бьет осколочными со свернутыми колпачками. Снаряды разрываются мгновенно, поражая оккупантов. Однако они продолжают напирать. Пуля впивается Кнышу в бедро, ранен и заряжающий Мархай. Но смельчаки остаются в строю. Орудие продолжает разить фашистов, не дает им возможности продвинуться вперед. В этот момент по орудию Костерина приходится еще снаряд, посланный «фердинандом». Разрыв отшибает колесо и опрокидывает пушку.

Отскочив в сторону, Костерин замечает позади, на открывшейся ему соседней улице, одиноко стоящую пушку погибшего сержанта Куленичева. Крикнув своим бойцам «За мной», он мчится к той пушке. Бегло осматривает ее: стрелять можно! Прильнув к прицелу, вновь посыпает в противника снаряд за снарядом.

Мархая еще раз ранит осколком снаряда в плечо. Его уводят с поля боя санитары. Вторично легко ранен и Кныш, но этот боец остается на огневой. К орудию подбегает лейтенант Скрипкин и начинает заряжать. Семен Костерин видит его и веселеет...

Заметив, что итаповцы на этом участке в одиночку дерутся с гитлеровцами, опять появляются казаки. Они яростно налетают на врага и разят его саблями... В полдень [194] решительным штурмом мы полностью освобождаем город и станцию от немецко-фашистских захватчиков.

На западной окраине города выстраивается личный состав нашего полка. Решено провести короткий митинг. Прямо к строю подкатывает «виллис» командира бригады полковника Вахромеева. Комбриг вылезает из машины. Мы замечаем, что он теперь прихрамывает, опирается на палочку. Поздоровавшись с бойцами, полковник вызывает из строя старшего сержанта Костерина. Тот выходит и вытягивается перед шеренгами по стойке «Смирно».

— Товарищи артиллеристы, истребители вражеских танков! — гудит мощный голос Вахромеева. — Советские войска успешно наступают, освобождая города и села Белоруссии. 28 июня уничтожена группировка врага в Бобруйске, а сегодня мы с вами только что вышли победителями из жаркого боя... Бойцы и командиры проявляют мужество, отвагу и стойкость в битве с врагом. Совершил подвиг в только что отремонтированной схватке и ваш товарищ старший сержант Семен Костерин...

От имени командования бригады полковник Вахромеев объявляет старшему сержанту Костерину благодарность. Он благодарит также всех итаповцев, отличившихся в боях за Слуцк...

* * *

И снова — рейд на запад, к Несвижу и Городек. Цель рейда — приостановить железнодорожные перевозки, которые ведут противник по линии Барановичи — Минск.

За поселок Городек приходится вступать в бой тоже утром. Казаки обкладывают его с трех сторон, прерывают связь немецкого гарнизона с частями на фронте. Гитлеровцы оказываются в ловушке, но все же отчаянно сопротивляются. Немецкие автоматчики, поддержаные танками, неоднократно контратакуют нас. Вначале они ненадолго даже берут инициативу в свои руки и теснят конников. Но вмешательство нашей итаповской бригады и 128-го танкового полка с десантом на броне резко меняет обстановку.

В разгар боя разведчики доносят: гитлеровцы пытаются угнать со станции находящиеся там эшелоны. Командир полка Юров приказывает комбату Егорову немедленно выдвинуть свою батарею в район станции. [195]

— Не нужны там четыре орудия. С этой задачей справится одно — старшего сержанта Костерина, — говорит комбат.

— Разрешите действовать одним орудием, товарищ подполковник?

Юров, подумав, разрешает.

Теперь у старшего сержанта Костерина другая пушка, а его разбитое орудие увезено на ремонт. Скомплектован и новый боевой расчет, наводчиком стал опытный боец Василий Бороденков. Десять минут — и Семен Костерин на новой огневой позиции. Он внимательно наблюдает за движением в районе станции.

Паровозы у длинного темного здания депо начинают дружно и густо дымить. Шипя и окутываясь паром, подходят к тяжеловесным составам. Взяв их, пробуют сдвинуть с места.

— Ну, Вася, — подмигивает Семен Костерин наводчику Бороденкову, — подкинь один осколочный!

Тот быстро перезаряжает пушку. Старший сержант сам у панорамы прицела. Молча и сосредоточенно наводит орудие. Не выпуская цели с перекрестья, Костерин сидит так минуты две.

— Что не бьешь? — волнуется Бороденков. — Смотри, уводят, мерзавцы, первый состав.

— Далеко не уведут, — спокойно замечает Костерин, не отрываясь от панорамы. — Как только паровоз вытянет состав на однопутку, тут-то и дам пристрелочку. Понял, Вася?

— А ты соображаешь, — одобрительно гудит Бороденков.

Воздух разрезает тонкий паровозный гудок. Не успевает он умолкнуть, как по цепи вагонов лязгают буфера. Состав тяжело трогается с места и медленно вытягивается за семафор из тесного лабиринта станционных путей. Эшелон берет направление на запад, на Барановичи.

Семен Костерин еще медлит. Он терпеливо ждет, пока состав хотя бы наполовину выберется на однопутку. И вот голова состава уже за семафором. Самый момент! Старший сержант привычно ведет дулом ствола орудия за паровозом, берет нужное упреждение и плавно отжимает рычаг спуска. Раздается гулкий выстрел.

— Вот это влепил! — восторженно кричит Бороденков, досыпая в казенник следующий снаряд. — Двинь, старший сержант, еще один для верности! [196]

Первый осколочный разворачивает бок паровозного котла, второй — топку. Из пробоин вырываются клубы пара. Вагоны медленно останавливаются...

К городу Столбцы мы подкатываем одновременно с конниками 30-й кавдивизии и 151-м танковым полком. Танкисты с юго-запада и мы с конниками с юго-востока разом атакуем вражеский гарнизон. Завязываются упорные бои. Но скоро сопротивление немцев слабеет. Мы овладеваем городом. Это происходит 2 июля.

А назавтра тревожное донесение разведки: со стороны Несвижа на Городею движется до сорока фашистских танков и до двух батальонов автоматчиков. Немцы, оказывается, снова отбили Несвиж и решили вернуть Городею.

Моя батарея действует в боевых порядках кавалеристов и танкистов. Мы отбрасываем гитлеровцев от города. Тогда они обходят Городею и направляются на Столбцы. Но там их уничтожают казаки, поддержанные артиллеристами.

Операции конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева по освобождению Столбцов, Городеи, Несвижа высоко оценены Ставкой Верховного Главнокомандования. Войскам, принимавшим участие в боях, объявлена благодарность.

И все же несколько дней конно-механизированная группа вынуждена держать оборону на рубеже Несвиж, Городея, Столбцы. Это вызвано усилием барановичской группировки противника. И только 6 июля, с подходом основных сил 1-го Белорусского фронта, мы получаем возможность снова двигаться вперед.

Опять усиленная артиллерийская подготовка, за ней — массированный удар авиации — и наша группа наступает всеми своими соединениями и частями. К вечеру того же дня выходим на железную дорогу Барановичи — Новогрудок и перерезаем ее.

На кратком совещании командиров батарей подполковник Юров сообщает: командующий фронтом Рокоссовский изменил задачу конно-механизированной группе.

— Теперь мы должны, — говорит он, — не ввязываться в уличные бои в Барановичах, а продолжать вместе с плиевцами преследовать отступающего врага. 8 июля надо освободить город Слоним. [197]

— А кто же будет брать Барановичи? — спрашивает комбат Егоров.

— К Барановичам подошли 65-я и 28-я армии, на них и возложена эта задача...

Жаркий бой неожиданно вспыхивает за поселок Комянец. Здесь вновь отличается боевой расчет старшего сержанта Костерина, уничтоживший три танка. К концу дня Семена Костерина ранило в ногу. Но после перевязки он снова в строю, хотя и ходит с палочкой.

...Мы уже под Слонимом. С ходу форсируем реки Тура и Щара, а затем охватываем город подковой. В Слониме держат оборону отошедшие от Барановичей пехотные и кавалерийские части и подразделения, усиленные танками и артиллерией. У немцев хорошо организована система огня. Мы знаем об этом, но не теряемся. Все готово к штурму, ждем только команды. Подполковник Юров, появившийся в боевых порядках батарей, сообщает, что намечено атаковать Слоним сразу с трех сторон и что полки нашей иптаповской бригады стоят на этих трех направлениях.

— Драться с врагом до последней капли крови! — приказывает комполка.

Атака начинается в 17.00 артиллерийской стрельбой по заранее выявленным огневым точкам врага. Как «только умолкают орудия, вперед мчатся казаки. Они врываются на окраины, но продвинуться в глубь города не могут. Завязываются упорные уличные бои.

Один кавалерийский полк нашей кавдивизии, выполняя задачу, в ходе боя оказывается отрезанным от остальных частей. С флангов и тыла его неожиданно атакуют немецкие автоматчики, поддержаные танками и бронетранспортерами. Казакам ничего не остается, как перейти к круговой обороне. С танками и бронетранспортерами вступают в борьбу пушки нашего 439 иптап. Орудийный расчет сержанта Колычева прямой наводкой с ближней дистанции бьет по танкам. Горит одна машина, вслед за ней останавливается, окутанная дымом и огнем, другая.

— По проклятым фашистам огонь! — яростно кричит сержант.

По орудию дает длинную пулеметную очередь третий вражеский танк. Но иптаповцев спасает прочный броневой щит.

— Вот сволочь! Я научу тебя стрелять! [198]

Сидя за панорамой, Колычев подрезает перекрестием прицела немецкую машину и отжимает рычаг спуска. Гремит выстрел. Танк вздрогивает и останавливается. За клубом черного дыма из пробоины в броне вырывается пламя.

Но в это время внезапно надвигается еще один гитлеровский танк слева. Заметив его, сержант бешено вращает поворотный механизм, наводит орудие, но заряжающий не успевает дослать бронебойный в казенник. «Тигр» с диким ревом наехал на пушку и раздавил ее вместе с расчетом...

В результате напряженного боя в течение суток нам удалось очистить Слоним. Трем кавалерийским полкам, освобождавшим город, приказом Верховного Главнокомандующего присваивается наименование Слонимских.

...Лишь полторы сотни километров отделяют нас от государственной границы. Когда я сообщаю об этом своим батарейцам, они одобрительно гудят. Стремление у всех одно — поскорей пройти эти километры до заветного рубежа.

После Слонима мы успешно наступаем два дня. Гитлеровцы отходят в юго-западном направлении. Мы догоняем остатки разбитых вражеских частей, конники жмут, растерянные немцы сдаются в плен. Однако так бывает не всегда. Нередко приходится снимать орудия с передков, разворачиваться, бить по танкам и бронетранспортерам. Только уничтожив их, мы снова движемся вперед.

Перед Ружанами из-за рощи вдруг появляются три «фердинанда» в сопровождении автоматчиков. Следовавшие с 9-й кавдивизией иптаповцы разворачиваются для боя. Расчеты сержантов Джераняна и Алексеева бьют по самоходкам с дистанции 100-150 метров. Один «фердинанд» охвачен огнем, но два других врываются на огневые наших артиллеристов. Раздавлены обе пушки. Уцелевшие артиллеристы, отскочив от орудий, быстро залегают, расстреливают из автоматов шагающих за самоходками гитлеровцев.

Подоспевшие иптаповцы уничтожают обе самоходки, а конники продолжают двигаться на Пружаны, Шерешево и вскоре освобождают их. 17 июля наша конно-механизированная [199] группа выбила неприятеля из городка Ведомля, что в 25 километрах к северу от Бреста.

...И вот мы на желанном восточном берегу Западного Буга. Той самой пограничной реки, через которую на рассвете 22 июня 1941 года по-воровски переправились немецко-фашистские оккупанты. У всех бойцов и командиров радостно сияют глаза. И когда весь наш 439 иптап высыпал на берег, комбат Егоров вдруг звонко запел:

Расцветали яблони и груши.

Поплыли туманы над рекой.

Выходила на берег Катюша,

На высокий берег, на крутой...

Три года и 27 дней не было слышно здесь этой песни. А теперь она звучит, мчится быстрокрылой птицей над широкой рекой. И с радостью, затаив дыхание, слушают ее местные жители...

Но гремят выстрелы с западного берега. Песня обрывается, мы разворачиваем орудия и даем залп по врагу. Это одновременно и салют в честь изгнания немецко-фашистских захватчиков из пределов нашей Родины на этом рубеже, и грозное предупреждение им.

Начинается форсирование Западного Буга: фашистов надо изгнать и с земель братской Польши!

В атаку на наш плацдарм южнее населенного пункта Ставы противник пускает свои оперативные резервы. Завязываются тяжелые бои. Пушки нашего полка, рассредоточенные на плацдарме среди конников, бьют по гитлеровским танкам и самоходкам, напирающим с юга, севера, востока и запада. Наши с Егоровым батареи находятся на расстоянии всего 70-100 метров. Огневые оборудованы и укреплены хорошо. Мы ведем только прицельный огонь.

По ночам самолеты По-2 доставляют нам боеприпасы, горючее для машин, танков, самоходных артиллерийских установок. А с рассветом изо дня в день начинаются ожесточенные атаки гитлеровцев. Положение наше все ухудшается. Обрывается связь со штабом 1-го Белорусского фронта. Нас все больше сжимают гитлеровцы. Из орудий теперь стреляем реже, бьем только наверняка по хорошо видимым и наиболее важным целям. Иптаповцы, как и все бойцы группы, готовы драться до последнего. [200]

— Будем стоять насмерть! — заявляют они.

— Будем биться до последней капли крови!..

Вызвав комбатов в свой блиндаж, командир нашей бригады полковник Вахромеев говорит:

— Связь со штабом фронта восстановлена. Но от этого нам не легче. Сказано, чтобы мы сами находили способы выйти из окружения... Командование конно-механизированной группы твердо решило прорываться не на восток, а на запад...

Мы с Егоровым переглядываемся, удивленно пожимаем плечами. Выходить на запад — означает еще больше отрываться от главных сил своего фронта. А что это даст?..

— И все же, товарищи офицеры, — повышает голос Вахромеев, — решение командования нашей группы наиболее верное... Наша задача обмануть противника. Сделаем вид, что будем прорываться на восток, а сами рванем на запад... Для успеха нужно только одно — чтобы ночь была потемней...

А ночи, как на грех, стоят светлые: новолуние. Бледный серпок месяца в окружении ярких звезд заливает землю серебряным маревом... Но ждать нельзя... Казаки, мотопехота, танкисты и артиллеристы наготове. По команде открываем интенсивный огонь из автоматов, пулеметов и орудий по восточной стороне кольца окружения. Делаем все, чтобы показать противнику, будто пробиваемся на восток.

На наше счастье, где-то к полуночи начал накрапывать дождь.

Войска конно-механизированной выстраиваются большим ромбом. Конники в седлах, танкисты и экипажи самоходных установок в машинах, артиллерийские и минометные батареи — все готовы к прорыву. Пушки, минометы и пулеметы бьют еще раз по восточной стороне кольца окружения, и огонь прекращается.

В ночи вспыхивает серия наших красных ракет, пущенных тоже в восточном направлении, и мы, как стоим ромбом, так и устремляемся на запад, в сторону Янув-Подляски.

...На рассвете гитлеровцы обнаруживают, что мы вырвались из окружения, и бросаются преследовать нас. В арьергарде войск группы движутся иптаповцы, замыкающей [201] — батарея гвардии старшего лейтенанта Егорова. Заметив приближающихся гитлеровцев, он разворачивает орудия и встречает их метким огнем.

Снова и снова Егоров останавливает батарею и приказывает открывать огонь...

Старший сержант Костерин четко видит немецкие танки. Они заметно ускоряют движение, начинают насыщать. Как и всем батарейцам, ему становится ясно: на этот раз стычки с танками не избежать. Он сам за прицелом — снарядов мало, и бить надо наверняка.

Но выстрелить Семену Костерину не удалось: у станин орудия неожиданно рвется немецкий снаряд. Орудие разбито, боевой расчет гибнет. В живых остается только старший сержант, он ранен в бедро. Следя за приближающимися танками, Семен достает из сумки противогаза две противотанковые гранаты, укрепляет их на груди и вставляет запалы. А потом поднимается с земли и, сделав несколько шагов навстречу «тигру», бросается под левую гусеницу машины с жирными черными крестами на броне. Сильный взрыв останавливает «тигр»{4}...

Развернувшись к бою 439 иптап вскоре заставляет попятиться немецкие танки. С воздуха врага преследуют наши штурмовики. «Тигры» поворачивают вспять. Мы подбираем убитых и раненых и через несколько минут догоняем конников генерала Плиева. Так, на седьмые сутки, вырвавшись из окружения, мы вновьходим на оперативный простор...

* * *

После рейда недели три мы стояли в лесах возле польского городка Мендзыжец. Пополнялись личным составом, получали новую матчасть. Затем снова влились в состав 65-й армии генерала П. И. Батова.

...Наша иптаповская бригада на марше: спешим на помощь своим частям, продвигающимся к Праге — предметью польской столицы Варшавы. Мы мчимся на быстроходных «доджах» с орудиями на прицепе. [202]

Настроение у иптаповцев приподнятое, и потому, что удачно проведен рейд, и потому, что наши войска идут вперед уже не по своей, а по братской польской земле, и потому, что гоним фашистов на запад и каждый день приближает победу. Ребята полагают, что за осень советские войска освободят от немецких оккупантов всю польскую землю, за зиму подойдут к Германии, а за весну доберутся и до Берлина, где будет навсегда покончено с фашизмом.

Вера в окончательную победу укрепляется еще и тем, что против гитлеровской Германии уже выступили бывшие ее сателлиты. Кроме того, открылся долгожданный второй фронт: в Нормандии, на севере Франции, высадились наконец американо-английские войска.

...Итак, наша колонна на марше. Мендзыжец остался далеко позади. Несмотря на ясную погоду, в воздухе почти нет вражеских самолетов. Мы уже начинаем отыскивать от тревожных сигналов наблюдателей — «Воздух!»

Магистраль старательно расчищена. Обгоревшие немецкие танки и самоходки валяются в кюветах. Сдвинуты с проезжей части раскрошенные автомашины и бронетранспортеры, выведенные из строя вражеские минометы и орудия. По сторонам пестрят надписи: «Дорога разминирована на 50 м от оси», «Танк заминирован», «Мины — не трогать!».

За Отцовском, расположившись в саду, устраиваем привал на обед.

А артиллерийскую канонаду слышим только на второй день после привала — это гремят наши орудия всех калибров.

В полдень подкатываем к деревне, утопающей в садах. На яблонях еще висят плоды, а в палисадниках гордо подняли головки бордовые георгины, нежные гладиолусы, махровые астры и флоксы. Это на восточной стороне. На западной же — рвутся снаряды. Село обстреливают фашисты. Они в Праге и уже несколько раз бросались в контратаки вслед за «тиграми» и «фердинандами».

В наступающих сумерках Вислу и прилегающие к ней села закрывает плотный туман. Такой плотный, что в двух шагах не рассмотреть человека. Тонет в нем и Прага. Этим-то мы и пользуемся, чтобы вывезти орудия на заранее намеченные рубежи. [203]

Земля на берегу Вислы каменистая, рыть ее трудно. Но все четыре орудия мы закапываем быстро и надежно.

Гитлеровцы обстреливают наш передний край всю ночь — то сухим, звенящим треском рвутся мины, то ухают разрывы тяжелых снарядов. Но на огневых моих батареи спокойно: немцы даже не подозревают, что она вообще существует.

На рассвете туман становится еще гуще, он оседает на лафетах пушек, на зарядных ящиках крупными каплями влаги. Несет сыростью и от близкой реки. Воздух становится набухшим, тяжелым, и мне кажется, что скоро пойдет дождь.

Командир взвода управления лейтенант Грибов докладывает, что связь с батальоном польской пехоты проложена и что поляки очень обрадовались появлению рядом с ними иптаповцев.

— Добже, добже! — кричит мне в трубку командир польского батальона.

— Не робейте, друзья, выручим! — обещаю я.

— Добже, добже!..

Вызвал на свой КП командиров взводов и разъяснил поставленную задачу. Не успел еще распустить людей, как в блиндаже появился заместитель командира полка по политчасти майор Федотов.

— Хорошо, что застал всех вместе, — говорит он, часто дыша. — Боевую задачу вы уже знаете, доведите ее до каждого орудийного расчета, до каждого бойца. И особо разъясните, что мы помогаем польским братьям освободить их землю от немецко-фашистских захватчиков...

В запасе еще полчаса. Я обхожу огневые, беседую с расчетами. Убеждаюсь, что в батарее все нормально. Там же меня застает артиллерийская подготовка. Дружно, слаженно поют крупные артиллерийские басы. Дальнобойные батареи бьют от хуторов, которые мы проезжали вчера. Снаряды шуршат над нами, потом оглушительно рвутся на площадях Праги. Минут пятнадцать корпусная артиллерия молотит передний край гитлеровцев, а затем переносит огонь в глубь боевых порядков.

Бесподобно работают наши «катюши». Раскаленные докрасна реактивные снаряды полосуют туман, методично режут его.

Начинают сыпаться снаряды и в нашу сторону. Это обстреливают передний край части Войска Польского из [204] Варшавы. Рыгают, словно давятся грубой пищей, немецкие десятиствольные минометы. Сюда бы штурмовиков — «илов» побольше! Но еще рано, к тому же стоит почти непроницаемый туман.

Постепенно тяжелые батареи переносят огонь, теперь грохот разрывов доносится из-за реки. Значит, снаряды распахивают площади и улицы Варшавы. Это стрельба на подавление огневых средств противника. А «катюши» все повторяют свои залпы по Праге.

— Теперь скоро! — Я то и дело смотрю на часы. — Теперь они скоро пойдут, всем быть наготове!

Но поляки не поднимаются, и лейтенант Грибов с КП польского батальона ничего не сообщает...

И вдруг «катюши», дивизионная и корпусная артиллерия, полковые и батальонные минометы вновь обрушают всю мощь огня по переднему краю гитлеровцев в Праге. Яркие вспышки причудливо расцвечивают туман. Пороховой дым ползет над окопами, трудно становится дышать.

От поляков телефонный звонок.

— Польский батальон поднимается через пять минут, — сообщает Грибов.

Пять минут... Иногда они растягиваются и кажутся долгими часами, а бывает, что пролетают, как пять секунд. Напряжение возрастает. Как начнется бой? У польских воинов первое наступление здесь окончилось неудачей, с большими потерями они вынуждены были вчера отойти на прежние рубежи. А как пойдет дело сегодня? Как будут действовать они вместе с нами? Не дрогнут ли, встретив гитлеровские танки?..

Совсем недавно я радовался туману, а теперь начинаю досадовать: невозможно рассмотреть, где что.

Вот наша крупнокалиберная артиллерия еще раз переносит огонь по переднему краю противника.

— Поляки пошли! Поляки пошли! — докладывает связной Суханов.

Мы с Федотовым выскакиваем из блиндажа, всматриваемся, но ничего не видим в тумане. Однако слышим приглушенное канонадой «ура». Где-то вблизи кричат то чисто по-русски «ура», то «уфра», а левее несется ликующее «уфря». Федотов, не выдержав, смеется:

— Это уже интернациональное «ура». Ну, теперь пошли наши, пошли и пошли, не остановить! [205]

Врага атакуют не только поляки, но и наши гвардейцы. Хоть бы на этот раз все получилось удачно! Не хочется, чтобы повторилась августовская история, когда при поддержке артиллерии и авиации немцы, предприняв мощную контратаку, захватили польский город Окунев. Противник еще и теперь силен, ведь командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Вальтер Модель перебросил сюда танковую дивизию и дивизию СС «Мертвая голова», с которой мы встречались в Харькове. Здесь, у Праги, у него до трехсот танков.

Но, кажется, все нормально. Наши медленно продвигаются вперед. Теперь «ура» то вспыхивает, то затихает. Вот оно снова разносится слева и справа и неожиданно умолкает. Стучат ожившие вдруг крупнокалиберные пулеметы. Это — немцы.

Мы покидаем хорошо оборудованные огневые и катим орудия дулами вперед. А танки уже близко. Вот урчит мощный мотор одного из них. Но где же он? Хоть убей, а не виден в тумане. Появляется и мельтешит поблизости одинокий боец. Подбегая, кричит:

— Я поляк, я поляк... немецкий танк вжо! — и тычет рукой в туман.

— Ложись!

Поляк плюхается на землю.

Танк вырастает темным курганом и идет прямо на батарею, поводя длинным, высоко задранным стволом орудия. Потом опускает ствол, теперь жди — вот-вот ударит. А рядом пушка сержанта Скрибного, его расчет тоже видит этот «тигр». Гремит выстрел, снаряд рвет гусеницу танка, он с грохотом поворачивается на месте. Скрибный всаживает ему второй снаряд в бок.

Вступают в схватку остальные орудия батареи. Грохочут выстрелы пушек слева и справа. И фашисты пятятся. Постепенно гул их машин удаляется и затихает в тумане.

С земли поднимается польский солдат, отряхивается и смеется:

— Добже, друзья, добже вы его!.. — Он тут же скрывается в обломках каменного дома, присоединяется к своему батальону.

И все же к нам прорывается с десяток немецких танков. Пехота огнем из пулеметов отсекает автоматчиков и пропускает машины: мол, иптаповцы расправятся с ними. [206] Мы в упор расстреливаем танки, а в это время советская и польская пехота врывается на окраину Праги и тут же залегает. Прибегает задыхающийся от сильного напряжения связной от командира батальона Войска Польского.

— Перед нами гренадеры дивизии «Герман Геринг»... пулеметы и минометы не дают поднять головы. Выручайте, друзья! — просит он.

Сообщение о гренадерах не является для нас новостью: на совещании командир полка Юров говорил, что в конце июля Гитлер перебросил из Италии под Варшаву самую сильную на этом фронте танковую дивизию под командованием фельдмаршала Кессельринга. Что ж, всыплем и «Герману Герингу»!

Теперь и мы на туманных улицах Праги. Командир 2-го орудия сержант Сергеев двумя выстрелами в упор зажигает немецкий бронетранспортер. Зажигает он и вражеский танк. Орудие катит дальше. А завалы впереди страшные: в одной куче телеграфные столбы, металлические балки, покореженные трамваи, автобусы.

Взаимодействуя с поляками, наши гвардейцы опять продвигаются вперед. Поляки дерутся смело, решительно выбивают засевших гитлеровцев из подвалов и с чердаков. В ход идут гранаты, автоматы, штыки.

А связной от батальона Войска Польского то и дело появляется в батарее:

— Огонька, товарищ! Вон по тому чердаку!..

К полудню туман рассеивается и голубеет высокое небо. Гитлеровские бомбардировщики и штурмовики принимаются долбить Прагу, всю затянутую густым черным дымом. Бомбы рушат дома, клубы густой красной пыли висят над развалинами. Грохот новых и новых разрывов раскатывается над широкой бурлящей Вислой.

Однако бомбежка не проходит безнаказанно фашистским асам: наши зенитки сбивают двух «юнкерсов». Черно дымя, они стремительно падают вниз и рушатся в глубокую воду.

Появляются советские истребители, завязываются воздушные стычки. Небо над Варшавой вновь очищается.

Но все решает ночь на 14 сентября. Бои здесь не стихают ни на минуту. А утром — Прага свободна!..

Мы с Сухановым выходим на высокий берег Вислы. Река бежит широко и величественно. Крутая над ней [207] изрыты снарядами и воронками от авиабомб. А на том берегу — Варшава. И она по-прежнему горит. Оглядываю местность вдоль берега. Куда только достает взор — везде полыхают огнем деревни. Белый дым стелется и над лесами, которые тоже горят. Два цвета видим мы вокруг — красный и белый. Они напоминают флаг Польши, возникающий над пеплом и развалинами.

Вечером наша истребительная противотанковая артиллерийская бригада покидает Прагу. Советские войска еще 6 сентября очистили восточный берег реки Нарев от немецких оккупантов, а через несколько дней после этого переправляются на западный берег, где отвоевывают и удерживают небольшой плацдарм. Гитлеровское командование направляет туда танки, чтобы сбросить горстку советских воинов в воду. Им нужна наша помощь, помочь итаповцев.

Мы еще засветло подкатываем к сосновому леску возле Нарева и останавливаемся в нем. Вражеская артиллерия без конца обрабатывает этот пятак. Моментами на том берегу виднеется деревушка Грабник. В бинокль я вижу, как разрывы снарядов подбрасывают и разносят стены домиков, вырывают еще зеленые деревья. А над Наревом кружат самолеты со свастикой на крыльях. Но их вновь рассеиваются советские истребители.

Мы тоже включаемся в работу. Ведем огонь по противнику с закрытых огневых позиций всеми полками бригады. А вечером звучит команда — вперед! По наклонным мостам мы перекидываемся через Нарев и оказываемся на плацдарме.

* * *

Нас горстка на правом берегу реки. Горстка закаленных в боях воинов. На рассвете мы начинаем бои за расширение пятака.

После часовой артиллерийской подготовки, которая ведется корпусной артиллерией из-за реки, мы вслед за пехотой катим свои орудия. Отлично знаем: у гитлеровцев здесь «тигры», «пантеры», «фердинанды». Значит, надо выбирать огневые с таким расчетом, чтобы бить танки и самоходки в бока. Взгляд мой падает на густой кустарник возле дороги, здесь и останавливаю батарею. Связисты быстро тянут телефонную линию от штаба полка и от стрелкового батальона. [208]

— Ты правофланговый, — сообщает мне командир полка Юров. — Позади у тебя река, понял? Не давай возможности врагу обойти тебя!.. Ну, ни пуха ни пера!..

— Есть, держаться! — кричу в трубку, а у самого на душе скребут кошки. Легко сказать, а вот как это сделать — удержаться на пятаке? Шутка ли, устоять под ударами танков!

Пока есть время, вновь взбираюсь на бугорок, чтобы с него еще раз оглядеть поле предстоящего боя, прикинуть, что еще предпринять.

Перед фронтом батареи небольшой лесок, а на опушке гитлеровцы чинят разрушенные накануне землянки, ходы сообщения, пулеметные гнезда, минометные позиции. Они работают небольшими группами по два-три человека. Правее — голое поле, левее... но там сектор обстрела 2-й батареи. Откуда же пойдут на меня немецкие танки?

Оценивая местность, гадаю: по голому полю не полезут, побоятся гаубиц из-за Нарева. Правее танков быть не может. Да, пожалуй, гитлеровцы попрут прямо из леска, рассчитывая подобраться незамеченными. Танки пойдут на батарею в лоб, бить их будет очень трудно. Даже подкалиберные снаряды, которых у нас полный достаток на батарее и есть запас на берегу, дадут пятьдесят — семьдесят процентов рикошета. А что, если заставить танки двигаться так, как надо нам — вдоль фронта батареи? Как сделать, чтобы фашисты развернули к нам свои машины уязвимыми местами?

Правее меня низенькие кустики. Что, если соорудить в них ложную позицию? Выставить что-то наподобие орудийных стволов и время от времени жечь там порох, чтобы эти вспышки заметили немецкие танкисты, как это было под Белгородом в июле сорок третьего? Тогда они обязательно примут решение в первую очередь уничтожить эту

фланговую, очень опасную для них батарею, а повернув на нее, как раз подставят нам свои слабо защищенные бока. Надо испробовать!

Возвратившись, даю необходимое распоряжение командиру взвода управления лейтенанту Грибову. Поняв меня с полуслова, он берет трех бойцов, захватывает все необходимое для работы и уходит.

Гляжу на часы — мало времени, хоть бы успел Грибов!.. [209]

Но гитлеровцы опережают нас. Мы ждем артподготовки, а они уже лезут по всему фронту наревского пятака. То, что идут тяжелые танки, становится ясно по все нарастающему гулу сильных моторов. Но машины еще не видны, прутся лесом, с треском ломая деревья. Так и есть, хотят скрытно подойти почти вплотную к узенькой нейтральной полосе.

— Ты бери на себя танки, мы их пропустим! — кричит в телефонную трубку командир пехотного батальона. — А мы отрежем от них автоматчиков. Понимаешь?

— Отлично понимаю.

— Смотри в стереотрубу: из рощицы выползли два десятка машин. Ну как?

— Вижу...

Нередко мне приходилось встречаться с фашистскими танками, и всякий раз их появление обязательно вызывало смутный, подсознательный страх. Не смяли меня в Жлобине и под Бобруйском, не подбили в Пропойске, а вот живым закопали в Добруше. Признаться откровенно, я боялся повторения той истории: один раз мне удалось воскреснуть из мертвых, второго такого случая может не быть... Приближение вражеских машин заставляет усиленно работать мысль, молниеносно рождает план борьбы с ними.

На этот раз у меня возникло желание дать первый меткий залп. Именно первый! Он, как хороший запев песни, поднимает настроение, удваивает силы! Приказываю зарядить орудия подкалиберными.

Танки уже близко. И идут они не шеренгой, а уступами. Впереди четыре громоздких «тигра». Они хорошо видны, но в лоб их не возьмешь. А важно сбить именно эти первые, потому что средние, идущие за ними, наверняка повернут назад, оставшись без такого прикрытия. Так уже бывало не раз.

Я стою в траншее, грудью навалившись на бруствер. Ощущаю, как дрожит под танками земля, как ходуном ходит она под этой грохочущей машиной. Однако стрелять еще рано, надо подпустить их поближе, метров на пятьсот — шестьсот. Танки переваливают узенькую нейтральную полосу, и сразу по ним бьют шесть или семь станковых пулеметов. Это командир батальона пехоты снимает немецких автоматчиков с брони, выкуривает их из-за низких башен, расстреливает на земле. [210]

Вот теперь можно бы бить по танкам, повернись они боком. Но не поворачиваются, звери, ползут и ползут. Начинают даже стрелять, однако не делают никаких поворотов. А что командир взвода управления Грибов? Осуществит ли мой замысел? Успеет ли что-нибудь сделать?..

«Тигры» ползут медленно. По ним начинают бить сорокапятки. Пулеметы еще яростнее высекают синеватые искры из брони. Автоматчики сползают с машин и валятся на землю.

Мы на батарее, изголовившись, ждем. Здесь пока не падает ни одного снаряда. Пока... Бой разгорается, и приходит пугающая мысль: гитлеровцы могут просто проутюжить нашу пехоту и заодно раздавить иптаповцев. Что же Грибов?..

Наконец-то мелькают яркие вспышки в кустарнике правее батареи. Создается впечатление, будто оттуда в самом деле стреляют орудия. Наша маленькая хитрость удалась: передние «тигры» поворачивают и берут направление на кустарник.

У меня радостно колотится сердце. Подаю команду для всех четырех пушек. Еще минута — и гремит залп, очень удачный и меткий залп! Подкалиберный снаряд — это смертельное жало на ведущих медных поясах, очень опасное для тяжелых машин. Подкалиберный легко прошивает толстую броню «тигров». Первые четыре машины, пылая, застыли на месте. Гремит второй залп.

Но не все немецкие танки подставляют под выстрелы свои бока. Задние напирают на батарею, раскачивая хоботы орудий. Вот-вот ударят. Их надо упредить! Даю команду, и раздается новый залп. Подкалиберный разносит гусеницу «тигру», он резко останавливается, стряхивая с брони автоматчиков. Свалившись на землю, они начинают бешено отстреливаться.

На выручку нам приходят ротные и батальонные минометы. Часто и дружно хлопают выстрелы. Между идущими на батарею вражескими танками мелькают вспышки разрывов, оставляющие сизые дымки. Гитлеровцы прячутся за броней машин, забираются в ямы и окопы, ведут беспорядочную стрельбу.

Внезапно ярким огнем озаряется лесок перед нами. В нем все кипит, клокочет, взлетают ввысь вывороченные из земли деревья. Это вступает в дело наша крупнокалиберная [211] артиллерия, она ударила по обнаруженному в лесочке скоплению немецких машин.

Вражеские танки уползают, на поле боя остаются только те, над которыми полыхает огонь...

Семь раз в течение дня гитлеровцы кидаются на наш пятак и семь раз откатываются назад, оставляя сожженную технику и убитых солдат. Если утром площадь плацдарма была не более ста гектаров, то теперь она резко увеличилась. Наши пехотинцы окапываются у самого леска, из которого утром выходили грозные «тигры».

В полдень следующего дня над нами появляются «мессеры». Они проносятся, рассыпав множество разноцветных листовок. В них наряду с обычным пропагандистским бредом звучит угроза: «...у нас появилось новое мощное оружие, не хуже ваших «катюш»...»

На следующий день рано утром это «мощное оружие» обстреливает наш передний край. То и дело мелькают вспышки разрывов. Щедро сыплются снаряды.

Нас с Сухановым этот налет застает на открытом месте. Упав на землю, оба лежим не шевелясь. А вокруг бушует море огня.

— Фашистская «катюша» — это эрзац, она не чета нашей, — заключает Суханов. — Сыпанула бы наша, хрен бы мы тут уложали с вами.

— Это точно, — соглашаюсь с ним.

Пролежав несколько минут, мы начинаем гадать, что немцы предпримут дальше.

— Вслед за этим обстрелом должны пойти танки, — предполагает Суханов.

— Все может быть, — говорю я.

— У них уже выработался определенный шаблон действий.

— Тоже верно...

Гляжу на часы: ровно девять. Хватит валяться. Выбирая места, где не так плотен огонь, мы вначале ползем, потом вскакиваем на ноги и бежим. На батарее появляемся вовремя: гитлеровцы как раз начинают атаку. Из того же самого леска наползают немецкие танки с автоматчиками на броне. На этот раз они несутся в нашу сторону на предельных скоростях. Танкисты, видимо, полагают, что их новое оружие испепелило все и вся, а потому решили, что им достаточно только проскочить по плацдарму и проутюжить его. [212]

На этот раз мы подпускаем врага совсем близко. А потом стреляем залпами, наверняка. Наши пехотинцы отсекают пулеметным огнем автоматчиков от машин и не дают им подняться. Мы отбиваем атаку танков, несколько машин сжигаем, остальные трусливо отползают к тому самому леску, из которого недавно вышли.

В небе появляются «илы», они снижаются и, миновав нейтралку, поливают фашистов из настоящих «катюш». Потом проходят над леском, и в нем опять все горит и рушится...

Ночью к нам на плацдарм прибывает подкрепление: около пятидесяти танков Т-34 и самоходные установки АСУ. Рядом занимает позиции и окапывается одна из гвардейских дивизий 65-й армии. Образуется как бы второй эшелон. Это значит, что можно начать расширение нашего пятака!

На батарею доставляют новую партию подкалиберных.

А утром в двух шагах от меня плюхнулся и оглушительно разорвался тяжелый немецкий снаряд. Я упал на землю и потерял сознание. Пришел в себя в блиндаже. Левое плечо и вся рука перемотаны бинтами. Перед глазами синие, зеленые, желтые круги... Возле меня хлопочет полковой врач.

— Ничего, ничего, — успокаивает он. — Полежишь в госпитале, без этого тебе нельзя...

— Что на плацдарме? — перебиваю я.

— Порядок, — говорит доктор. — Наши уже за леском. Хорошо пошли вперед, очень хорошо!..

* * *

После госпиталя я уже не попал в действующую армию: ВТЭК признала меня инвалидом войны второй группы.

А новости с фронта поступали радостные. В конце декабря наши войска окружили вражескую группировку в Будапеште и затем уничтожили ее. Успешно шло сражение за Варшаву, в котором, несомненно, принимали участие и итаповцы 439-го. Кто тогда командовал моей бывшей 3-й батареей? Как там капитан Егоров (ему еще в августе присвоили это очередное звание)? Жив ли мой верный ординарец Суханов?.. [213]

Накануне нового, 1945 года пришло письмо из батареи. Его прислал писарь Сидоров. Он сообщил печальную весть: на подступах к Варшаве погиб командир взвода управления батареи Грибов вместе с разведчиками, среди которых был и Алеша Суханов. Ранен и тоже находится в госпитале командир огневого взвода Волков. Убит командир огневого взвода 1-й батареи лейтенант Скрипкин.

Ничего не сообщил писарь о капитане Егорове. А так хотелось бы знать, где он, что с ним.

Всенародный праздник — День Победы над гитлеровской Германией — я встретил в Велиже. Смоленский обком партии направил меня сюда после госпиталя редактором районной газеты.

От однополчанина по 500-му Андрея Андреевича Маляра мне удалось узнать, что 115-й гвардейский итап (это наименование было присвоено 500-му после Сталинградской битвы) участвовал в освобождении от немецко-фашистских оккупантов Румынии, ряда городов Венгрии, победно прошел по земле Австрии. Гвардейцы 115-го вышли на восточный берег Влтавы в Чехословакии и встретились там с солдатами американской армии.

А как 439-й?

После освобождения Варшавы полк участвовал во взятии Лодзи и города-крепости Быдгощ. А 2 мая 1945 года итаповцы 439-го вместе с другими частями и соединениями Красной Армии громили окруженную группировку фашистов в самом Берлине. Многие, видимо, оставили свои подписи на черных от дыма и копоти стенах поверженного рейхстага, чего, к сожалению, не довелось сделать мне.